

18+

Валентина Вануйто

A person is shown falling into a dark, swirling abyss. At the bottom of the abyss, there is a bright, glowing light source. The person is positioned in the upper middle of the frame, falling towards the light. The overall atmosphere is dark and mysterious.

ИЗ ПЛЕНА ТЬМЫ

если ты долго смотришь в бездну,
то тьма поглощает тебя

Валентина Вануйто
Из плена тьмы. Если ты
долго смотришь в бездну,
то тьма поглощает тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39439225

ISBN 9785449383778

Аннотация

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ
АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ,
ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И
ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Страх скользким, болезненно
пульсирующим в мозгу червем, холодным потом выступает на
висках. Закрой глаза. Играем в прятки. Учись смотреть сквозь
темноту, Отдайся новым ощущениям И опустись душой во мглу....

Содержание

I	5
II	49
III	91
IV	133
V	184
VI	230
Конец ознакомительного фрагмента.	237

**Из плена тьмы
Если ты долго смотришь
в бездну, то тьма
поглощает тебя**

Валентина Вануйто

© Валентина Вануйто, 2020

ISBN 978-5-4493-8377-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

*Закрой глаза. Играем в прятки.
Учись смотреть сквозь темноту,
Отдайся новым ощущениям
И опустишь душой во мглу.*

О. Родионова

Я очнулась, каждый мускул моего тела был напряжен. Тело слушалось плохо и занемело от того, что находилось в неподвижной позе. Адская боль пронзила мозг, отстрелив в левый висок. Невольно дотронулась, пытаюсь надавить на него, чтобы остановить ужасную сверлящую боль. Каждый знает, что такое боль. От такой боли хочется лезть на стенку, кричать, ругаться, впасть в забытие или умереть, лишь бы только ее не чувствовать! Нервы находятся на пределе от боли, в основном от страха, от постоянного выплеска адреналина в кровь, а в висок отдает остро пульсирующая боль. Создавалось такое впечатление, что словно всю боль мира и страдания поместили в меня. Почему их сравнивают с адскими, если никто никогда не бывал и не ощущал той боли, которую там причиняют? Сравнивая с адом, мы подразумеваем мучения и страдания! Но эта боль сравнима с зубной болью. И все же сравнение посчитала нормальным в данной ситуации. Вообще, в аду души чувствуют боль? Возможно. Лучше туда не попадать, чтобы почувствовать все прелести

адской боли. А может, и нет. Знаю одно, что если человек чувствует боль, значит, жив. Эти слова приписывают Франсуа Гизо! Но это могли сказать еще тысяча, две тысячи человек. Ах, да! Тот, кто первым их написал, тому они и принадлежат!!! Тогда вспомним: пока человек чувствует боль – он жив; пока человек чувствует чужую боль – он человек. Я чувствовала свою боль, значит – жива. Но что интересно, всегда старалась не принимать чужую боль, кроме, конечно, боли животных. То, что я жива, уже радовало. Именно в такие минуты начинаешь остро понимать и ценить жизнь! Да, я ценила и ценю свою жизнь. Особенно сейчас, попав сюда, неизвестно куда.

Я обратила внимание, что мои челюсти плотно сжаты, а голова склонена на бок. Все тело было напряжено. Теперь я уже знала, почему сильно разболелась моя голова. Тело я свое чувствовала, даже шевелила пальцами на руках и ногах, морщила нос, сжимала губы, открывала и закрывала глаза. Но как же мне сейчас было плохо, нельзя даже описать словами. Так плохо мне не было еще ни разу в жизни. Поняв, что боль идет от неправильного положения тела, я выпрямилась, подтянулась и осмотрелась. А что можно было увидеть во тьме, кроме крошечной темноты? Кругом была тьма! Посмотрела вокруг себя. Темно. Подумав, что глаза с непривычки потеряли чувствительность, я с силой сжала веки и, прикрыв лицо руками, посидела неподвижно несколько секунд. Ничего не изменилось. Мрак. Страх сжал мое сердце,

и глаза наполнились слезами. Мне показалось, что я замурована в глубокой-глубокой яме, куда не попадают ни свет, ни звук. Это как живьем тебя закопали в могиле. Я отчаянно закрутила головой, чтобы оценить обстановку, так что позвонки на шее слегка хрустнули. Но-о я так и ничего не увидела. Темнота. Абсолютная темнота. Чернее самой темной ночи. Да и то ночью звезды светят. Закрыла глаза. Еще раз открыла. Ничего. Такая же темнота.

– М-м-м! – протянула я. – Как же больно! Что случилось? – поглаживая пальцами висок, то ли подумала, то ли сказала я, пытаюсь вспомнить последние события. Все это напоминало мне большую странную и ужасную шутку. – Где я!? Кто-нибудь, отзовитесь!

В ответ тишина, только в голове пронеслись стихи Я. П. Полонского:

*Один проснулся я и – вслушиваюсь чутко,
Кругом бездонный мрак и – нет нигде огня.
И сердце, слышу я, стучит в виски... мне жутко...
Что если я ослеп! Ни зги не вижу я,
Ни окон, ни стены, ни самого себя.*

Для меня было большим удивлением, что я не услышала своего голоса. Словно тьма поглотила и звук. Это было странно. Возможно, я подумала, но не сказала? В тишине слышала, или так казалось, что слышу лишь гулкие удары собственного сердца. Нет, я не слышала, а скорее чувство-

вала, ощущала удары своего сердца. Прислушалась. К чему прислушивалась? К безмолвной тишине. Страх полностью парализовал мое тело. Мне стало страшно, первый раз по-настоящему страшно. Это не детские страхи! Это совершенно другое. Вы знаете, что такое вообще страх? Я ощутила его. Страх словно съедал меня по частям изнутри. Страх, скользким, болезненно пульсирующим в мозгу червем, холодным потом, выступает на висках. Самый первый и самый главный из всех человеческих страхов – это страх смерти. Страх смерти мешает человечеству реализовать наш природный потенциал. Люди, преодолевшие страх смерти, во все времена достигали удивительных возможностей. Но здесь не пахло смертью. Я была жива. И только тут до меня стало доходить иное, еще более страшное, то, во что нельзя поверить, жуткое. Неизвестность. Страх полностью парализовал меня, и я даже как дышать забыла. Я не дышала! Не дышала вообще! Я ощущала свое тело, я не могла ошибиться. Моя грудь не вздымалась, легкие не расширялись, воздух не проникал внутрь меня и не вырывался наружу.

– Нет! Нет! Нет! Это все во сне! Я не труп! Я дышу! Я чувствую боль! Если я чувствую боль, значит, живу и дышу, – бубнила я как мантру:

*– Непроглядная темнота
Жизнь мне кажется вся пустой
И живу я как будто зря,
Чьей-то жизнью – совсем чужой.*

– Алида! Алида! Алида! Ты, наверно, побывала во Тьме! Что же! Мы с тобой едины душой! У меня было такое чувство, что я – это не я, а просто наблюдатель за этим телом. И даже чувство, что залетела и живу в чужом теле. – Мысли прыгали как кузнечики, мой мозг перестал выискивать логику происходящего.

Из-за резкой и мучительной боли я схватилась за голову. Голова сильно болела, было ощущение, что она трещит, внутри, где-то под ложечкой, сидело предательское отвратительное чувство страха. Есть много других страхов, их называют фобиями. Причины страха бывают как скрытые, так и явные. У каждого страх свой: страх быть отвергнутым, страх быть непонятым, страх высоты и многие другие. Но на самом деле все эти страхи – просто разновидность самого главного страха – уйти в никуда, в забвение. Мы часто задаемся вопросами: а что там, а что будет после меня, как будут жить люди без моего присутствия? Сейчас также мучили меня эти вопросы. Мы все больны детством, и страхи наши идут именно от туда. Как бы ни говорили, что взрослея, мы расстаемся с ними. Многие ошибаются, что мы расстаемся. Нет, страхи глубоко прячутся в нашем мозгу и ждут своего часа. Выходят тогда, когда попадаем в ту ситуацию, которая выпускает их, чтобы напугать нас до смерти.

Страшно видеть лишь тьму,

*Страшно приговора ждать.
Страшно с болью встречаться,
Еще страшней заснуть.
Страшно услышать звон,
Который оставит след.
Страшно дойти до черты
Откуда возврата нет*

По коже забегали страхи-мурашки, словно мелкие насекомые. Меня передернуло от мнимой брезгливости, что по мне могут бегать пауки, которых я не вижу и не могу стряхнуть. У меня была фобия к паукам, как и у тысячи людей. Этот страх перед этими насекомыми так же стар как и само человечество. Почему же именно пауки у многих людей вызывают гораздо больший страх, чем более отвратительные черви или опасные осы? Этот страх до сих пор ставит перед учеными и философами непростой вопрос и во многом остается загадкой. Если говорить обо мне, то я считаю, все дело в жутком виде этих насекомых. Они страшны из-за своих крупных и устрашающих размеров. Лапки и тело покрытые волосками, которые делают их еще более отталкивающими. Картина, нарисованная мной, была не очень-то радужной и я решила не думать больше о пауках. Я старалась уловить каждый звук, который исходил извне. Кругом была мертвая тишина.

— Есть здесь кто-нибудь? — осмелилась крикнуть в надежде, что кто-нибудь услышит, но голос словно увяз в этой

непроглядной темноте. – Отзовитесь кто-нибудь! – промямлила я, всхлипывая. – Пожалуйста! – протянула я, шмыгнув носом, и глубоко вздохнула от безнадежности.

Где я и сколько уже здесь нахожусь? Я не знала, что происходит и что вообще случилось. Перед глазами пролетали мои фантазии: война и люди погибли, засыпало землей во время землетрясения. Почему я тут? Что же произошло? События этого дня, не говоря о прошлом, никак не хотели всплывать в моем мозгу. Внутри из далеких уголков моего сознания, став мне «другом», выплыл страх. Страх в чистом виде, сплетенный из черной, непрозрачной тьмы. Меня била мелкая дрожь. Я никогда прежде не видела такой тьмы. Из всех страхов, какие существуют в человеке, больше всего боялась самой темноты. Даже в детстве, когда я оставалась в темной комнате, где едва различала предметы, мне было не так страшно, как сейчас. Никогда не боялась фильмов ужасов с их монстрами – кривыми, безобразными, чудовищно злобными, и не так уж были страшны пауки, как сама крошечная тьма. И вот я в темноте. Навечно? Меня положили в гроб и закопали в землю? Нет, только не это. Умирать в гробу не очень-то хотелось. Ноги стали тяжелыми и холодными, все тело ломало. Сердце! Мое сердце глубоко и сухо тянулось где-то под ребрами. Вдруг в голове что-то щелкнуло или булькнуло, или стукнуло, и в глазах потемнело. Вечная, невыносимая тьма. Это был мой кошмар. Боялась и ненавидела. Еще в детстве казалось, что темнота имеет мысли

и чувства, глубоко враждебными всему живому, и особенно мне. Даже темнота в подвале не шла ни в какое сравнение с теперешней. Мы все боимся чего-то больше, меньше, но все с детства боятся тьмы. И не столько самой темноты, сколько существ, живущих в ней. Став подростками, мы боимся ночных кладбищ, заброшенных старых зданий.

*Как страшно изменилось тело,
Как рот измученный поблек!
Я смерти не такой хотела,
Не этот назначала срок, —*

пролетел в уме отрывок стихотворения А. Ахматовой.

В моей голове царил полный хаос. Я потеряла виски, беспомощно всхлипнула. В этой крошечной темноте пропали все звуки, не говоря о запахах. Не было слышно ни голосов, ни пения птиц, ни шума деревьев, не ощущался аромат растущих вблизи цветов. Только вязкая густая темнота. Паника медленно начала заполнять мое сознание, подавляя разум и волю. Я в ужасе замахала руками в воздухе. Затем закричала что было мочи, но могильную тишину не смог разорвать даже мой визгливый голос. Судорожно схватилась за горло. Что происходит? Не могла же онеметь за каких-то несколько часов?! Это нельзя было выносить спокойно, я готова была кричать и биться в истерике, лишь бы прекратилась эта пытка. Я даже молила о смерти, не задумываясь над словами. Мне было все равно, что будет дальше! Я просто хотела из-

бавиться от боли, темноты и чувства страха.

– А-а-а-а-а! – закричала я во тьму, паникуя. – Помогите-е-е-е! Кто-нибудь, отзовитесь!

Но факт оставался фактом – в тишине не раздалось ни одного звука, хотя я пыталась, и кричать, и шептать, и просто говорить. Тишина была по ушам. Неизвестность, темнота и абсолютная тишина действовали на меня угнетающе и устрашающе. Я уже с трудом могла различать, то ли это сон, то ли реальность. Хотелось быстрее проснуться, увидеть свет. И меня не оставляло чувство, что за мной кто-то неустанно следит. Паранойя! Поставила я себе такой диагноз. Неужели я схожу с ума? Навязчивый, властный внутренний страх заставляет меня нервничать и сжиматься, словно я могу стать меньше и исчезнуть из этого неприветливого места. Необъяснимый приступ страха, который чувствует большинство людей перед темнотой, прыжком, падением, перед неизбежностью, неизвестностью. И этот страх сильнее меня. Он сильнее всего на свете. Ему невозможно противостоять! Было такое чувство, что голову будто бы накачивали и накачивали насосом изнутри. Я боялась, что она взорвется от дум, страха и боли.

– Ма-а-а-ма-а-а! – только сейчас вспомнила близкого человека, крикнув во тьму, в надежде, что это поможет мне. Но звука своего голоса так и не услышала, – О Господи! Я еще и голос свой потеряла окончательно, – прошептала я.

Меня окружала крошечная тьма, о которой знала лишь

из фильмов и книг. Мне казалось, что стены тьмы медленно сближаются, а потолок становится все ниже, и темнота будто уплотняется со всех сторон и давит на все тело. Голова жутко разболелась, и появилось чувство, как будто боль вливается своими коготками в мозг. Предательское чувство страха. Я понимала, что это всего лишь страх из-за неизвестности. Нас пугает больше темноты – неизвестность. Но, тьма эта была чернее, чем в темном подвале. Тишина становилась еще более зловещей, чем молчание, и чтобы не утонуть в своих страхах, я стала шептать во тьму. А может, обращалась к темноте, которая стискивала меня в своих «любовных» объятиях так, что становилось трудно дышать.

– Пожалуйста-а-а! Есть здесь кто-нибудь? – а в ответ тишина. – А в ответ ни души. Неужели, я здесь и умру и так никто не даст мне ответ? А может, я умерла? Но, если я думаю и чувствую боль, то значит, я все еще жива, – мысли будоражили мой мозг, не давая мне успокоиться и отдаться смиренно темноте.

Я, сосредоточенно напрягая зрение, вглядывалась в темное пространство. Свернувшись клубочком, подтянув ноги к подбородку и уткнувшись лицом в колени, заплакала. Плакала от безысходности, от неизвестности, страха и невозможности что-либо сделать. Чувствовала, как слезы текли по щекам, оставляя влажные дорожки. Уже много раз мои глаза увлажнились слезами. Наверно, так и буду плакать, пока кто-нибудь не найдет меня и не поможет выйти из этой

тьмы. Ничего не могу вспомнить, ничего! Только туман в голове, боль и темнота! Небытие! Ничего и никого! Кругом черным-черно! Боль отступала, но безысходные мысли продолжали терзать меня. Они словно обвиняли меня во всех смертных грехах! Я старалась не поддаваться на это, но все-таки они разъедали меня. Всею виной было то, что я сама считала себя виновной во всем. Пыталась бороться со своим страхом и виной, но они окутывали меня как липкая масса, тянущаяся своими щупальцами из темноты. Всем своим видом этот страх, который окружал меня, указывал на пустоту. Пустота – слишком абстрактное понятие. Для меня пустота – это бездна отчаяния, боли, страха и тьмы.

– За что? – всхлипывала я судорожно. – Где я? – спрашивала темноту. – Кто-нибудь мне может объяснить, что произошло? Если это розыгрыш, то он глупый и жестокий, – в воспаленном мозгу пролетали стихи З. Гиппиус:

*– Близки кровавые зрачки,
дымящаяся пеной пасть...*

Погибнуть?

Пасть?

Что – мы?

*Вот хруст костей... вот молния сознанья
перед чертою тьмы...*

И – перехлест страданья...

Что мы! Но – Ты?

Твой образ гибнет... Где Ты?

*В сияние одетый,
бессильно смотришь с высоты?*

Безысходность и бессилие перед неизбежным накалялись до страшных масштабов. Осторожно, поднеся руку к лицу, чтобы вытереть слезы, я дотронулась пальцем до места, где должны находиться глаза, и сразу же, как показалось, зажмурила их. Значит, веки открыты. Но почему я не вижу свои руки? Из всего этого следовало лишь два вывода: либо в помещении, где нахожусь, нет света, либо – ослепла. Ослепла?! Вопрос как червь впился в мозг и стал его сверлить. Ненавижу червей, бр-р-р! Все это было кошмаром, чудовищным сном. Казалось, это предел, дальше ничего не может быть. Тогда и пришел уже настоящий страх! В воздухе запахло смертью. В глазах был ужас... Да, да! Ужас! Я чувствовала, как от страха открываются мои глаза, расширяются зрачки. От страха судорогами свело тело, словно меня стали выворачивать, выкручивать! Я в ужасе вскрикнула и попыталась встать, но тут же села в бессилии от нахлынувшего ужаса.

*– От меня ничего не осталось,
только жуткий животный страх.
Это он вызывает жалость.
Он дрожит слезою в глазах.
Он ослабшей рукою плечи
охватил мне, чтоб не упасть.
В каждом слове текущей речи*

*спотыкается. Скалит пасть
в неудачной пародии смеха.
Он истерикой бьется в висках.
Он лишает гордость успеха —
этот жуткий животный страх.*

– О Господи! – безнадежно вскрикнула я. – Только не это!
Пожалуйста-а-а! Объясните мне, пожалуйста, что случилось?
Я в больнице? Я умерла? Я слепа?

*– Слепые блуждают ночью.
Ночью намного проще.
Перейти через площадь.
Слепые живут наощупь.
Наощупь,
трогая мир руками,
не зная света и тени
и ощущая камни:
из камня делают стены, —*

лились из моих уст стихи Бродского, поглощая мои выдуманные страхи, которые норовили облепить мой мозг.

Черная пустота, проникая все глубже, меняла мои чувства, обостряя их, будоража всплесками, делая пронзительными. Чувства становились все обостреннее. Где я? Что случилось? Эти вопросы сверлили мой мозг до боли. Я не очень-то любила головную боль, которая отнимала силы. Но только боль и заставляла лихорадочно искать выход из создавшей-

ся ситуации. Судорожно начала шарить руками вокруг себя. Подо мной оказалась пустота, над ней – пустота, справа – пустота, и слева тоже была пустота. Говоря о пустоте, обычно представляют пустое пространство без материи. Однако в другом, абсолютном смысле, под пустотой можно понимать отсутствие не только материальных объектов, но и самого пространства. Возможна ли такая пустота? Возможна! В данное время я и находилась в этой пустоте. Дома, если я считала, что вокруг меня пусто и я одинока, пространство не было пустым. Ведь дом уже наполнен мной, моими мыслями, моими страхами. Я заполняла собой это пространство. Таким образом, нет пустоты, а есть образное и эмоциональное восприятие пространства, где привычного для нас очень мало. Господи! Ни света, ни воздуха, ничего. Я словно была замурована в этой крошечной тьме, которую и разглядеть-то нет возможности!

– Господи! Господи! – шептала я, изучая руками пространство вокруг себя, надеясь, что наткнусь на какую-нибудь стену. – Неужели меня закопали живьем?! Только не это! Не хочу умирать в гробу! В каком гробу, если моя рука свободна и не упирается в стенку, – на какие-то доли секунды в памяти возник образ Н. Гоголя, который боялся умереть в гробу. Вспомнила все, что читала, что слышала: про закопанных заживо. Вот в чем дело! Усмехнувшись своим глупым мыслям и все еще надеясь проснуться, я закричала: – А-а-а-а! Только не это! – И крикнула во тьму: – Я

жива-а-а-я-я-я! Есть тут кто-нибудь???

Я орала так, что своими криками должна была поднять покойников из могил. Они не могли не услышать! Когда страх было невозможно терпеть, я кричала что есть силы одна во тьме, и мне становилось легче, впрочем, на короткое время. Но и это уже было хорошо: если хоть на секунду мне станет легче, я готова это делать много раз. Меня никто не слышит, и не услышит. Никто не придет. Мир отказывался признавать мое существование. Полностью опустошенная, я опустила, обхватил колени руками, и вновь заплакала. Будто внутренний голос, живущий своей собственной жизнью, сказал, что я должна успокоиться и думать трезво, подсказал направление, в котором может быть выход.

*Блуждаю я во тьме кромешной
Не видя белый свет,
Не знаю я, где скрылся выход,
Которого уж нет...
Не слышу я ни звука рядом:
Глухая тишина... —*

сверлили мой мозг стишки готтесы Даркнесс. Я и сама была из представителей этой субкультуры. Поэтому мне нравилось все, что касалось тьмы. Но, только не в данное время. Эта тьма мне уже не нравилась. Мне очень хотелось вырваться из ее тисков.

*Безмерная душа блуждая
В пустыне, выжженной судьбою
От дикой жажды умирая,
Томилась, мучаясь собою.
И кто-то гнал ее незримо,
Туда, где радости не знают.
Где день и ночь, проходят мимо,
Туда, где даже камни тают, —*

пролетели стихи А. Доманова.

Тьма, висевшая надо мной, растекалась словно живая, обнимала и сжимала, будто пыталась слиться со мной и стать одним целым. От нее веяло холодом и сыростью. Сквозь слезы боли и страха я пыталась осмотреть темноту. Я чувствовала как в детстве, что темнота собирается в тягучие сгустки, которые объединяются друг с другом. Они двигались. Оживали. Я знала, что тьма питается страхами и рождает образы, но ничего не могла сделать, чтобы остановить свое воображение. Тьма дотронулась своими липкими и холодными шупальцами до моей души и разума, заставив сильно нервничать. В ужасе я закричала так сильно, что вскочила и побежала. Куда? Не знаю. А может, мне показалось, что я бежала? Какова моя цель? Зачем я здесь? Вопросов много, а ответов ноль. Меня охватил неконтролируемый ужас перед тем, что я никогда не смогу выйти отсюда. Как в детстве, я застыла, чутко прислушиваясь к малейшим шорохам. Но никаких шорохов не было, и это казалось еще страшнее. Щу-

пальца непроглядной тьмы тянулись ко мне, ощупывая, будто смакуя мои страхи. Оцепенев от ужаса, я секунду наблюдала за своими ощущениями, как черные пальцы тьмы сжимаются на моем горле. Страх, одиночество – самые распространенные причины этого ощущения. В основном страха.

– А-а-а-а-а! – но звук вновь захлебнулся во тьме. – Помогите! – кричала я взхлеб, но вместо призыва о помощи прозвучало мычание. Колени предательски задрожали, и я, не удержавшись на ногах, безвольно рухнула на землю.

– «Разум играет с нами в прятки. Да и нет – слова-загадки. Этот мир, этот мир, дивный мир». Нет, нет, не так. Правильнее будет, что тьма играет со мною в прятки. Но, более правильно, что это страх вместе с тьмой играют в прятки. Самое главное сейчас, это успокоиться, – шептала я, разговаривая сама с собой. – Не впадать в панику и включить свой разум. Прямо уж дивный! «Время разлучает часто с теми, кто нам дарит счастье. Это жизнь, это жизнь, наша жизнь», – крутилась в голове песня Юрия Антонова.

Неожиданно я ощутила какое-то дуновение. Сквозняк? Откуда? Вытянула руку и помахала, пытаясь их ощутить или увидеть. Я ничего не увидела, ни говоря о своей руке. Не теряя надежды, решила исследовать пространство вокруг себя – безрезультатно. Справа от себя – ничего. Пытаясь подавить отчаяние, принялась ощупывать небольшой участок пространства. Пальцы обследовали миллиметр за миллиметром темноты. Рука словно проваливалась в пустоту. Паника

угасала, но страх заставлял стыть кровь и съеживаться. Боялась, что если шевельнусь или сдвинусь, то провалюсь в пропасть. Что такое страх? Я вновь задала себе этот вопрос. Задумывались ли мы об этом? А он ведь постоянный спутник в нашей жизни и тенью идет с нами всю нашу сознательную жизнь... С самого детства, когда мы можем уже осознавать происходящее, мы знакомимся с этим явлением. У страха много разновидностей. И все они по-разному проявляются. Страх – это нечто холодное, липкое, приторно-сладкое, обволакивающее наше сознание.

*– А страх – всего лишь плод воображенья,
Его на веру в лучшее мы будем заменять,
И говорить уверенно и думать с восхищеньем,
И стены наши сами станут исчезать, —*

шептала я как молитву отрывок из стиха Ольги Парталы. – Да, да, стены должны исчезнуть, чтобы я смогла выйти на дорогу. Помогите! Пожалуйста! – вдохнув полной грудью воздух, я попробовала еще раз докричаться.

А может быть, все это самовнушение? Может быть, мы с детства просто слепо верим в то, что смерть неизбежна, и поэтому боимся? В темноте мы всегда наедине со своими страхами и не только с ними. Время без света тянулось бесконечно. Я уже не верила, что когда-нибудь закончится весь этот ужас. В голову лезли разные мысли, на мое удивление, и стихи крутились, пытаюсь отвлечь меня от страха одиноче-

ства, страха смерти. Это было хорошо, что я читала стихи, пусть даже и не мои: они отвлекали меня. В этом месте стихи становились моей частью, и даже казались, что это я их сочинила.

*– Мысли болят. Я, как призрак, застыл.
Двинуться, крикнуть – нет воли, нет сил.
Каркают вороны, каркают черные, каркают злые над
нами.*

– Бальмонт, Бальмонт, ты как всегда появляешься, когда мне страшно, – прошептала я, прочитав наизусть еще отрывок из его стихов:

*– Можно жить с закрытыми глазами,
Не желая в мире ничего,
И навек проститься с небесами,
И понять, что все кругом мертво.*

«А вот этот отрывок еще лучше», – подумала я:

*– Эта мгла – не обманная,
Лжи в страданиях нет.
Привет новизне! О, желанная!
Буду мучиться тысячи лет!»*

Мучиться, конечно, мне не хочется тысячу лет, и я постараюсь все же выбраться.

К счастью, после прочтения отрывков из стихов мне стало легче и я почувствовала уверенность. Я понимала, что слезами и своими страхами никогда не смогу помочь себе. Тем более не разгоню тьму и не проложу дорогу. Эх! Жаль, что нет телепортации! Я бы отсюда исчезла, растворилась и появилась дома. Нужно действовать. На удивление ощутила своим телом, именно телом, что где-то в темноте есть коридор, по которому можно идти и не оступиться. Что такое темнота, тьма? Темнота – это понятие, которое человек использует, чтобы описать, что происходит, когда он находится без света ночника, солнца, луны. Многие любят говорить, что темнота – всего лишь отсутствие света, но при этом сжимаются, словно побывали в ее объятиях. С трудом я сглотнула комок невыплаканных слез и вновь попыталась разглядеть хоть что-нибудь в темноте, но тщетно: меня окружала непроглядная темень. А может?.. Может, это не темнота вокруг? Вдруг я действительно ослепла? Я закрыла глаза, почувствовав, как сомкнула их. Но подсознание говорило мне, что темнота – это особая сущность и бояться не нужно.

– Все хорошо! Без паники! Это временно! Если бы ослепла, то я бы споткнулась обо что-нибудь в квартире, – стала успокаивать себя, чтобы не бежать от страха, не изучив местность.

Продолжать сидеть здесь было бессмысленно. На ощупь я двинулась вперед и старалась сделать хотя бы шаг, но в ногах как будто было по меньшей мере несколько тонн свин-

ца. Я была медлительной и неповоротливой из-за того, что «долго» не двигалась. Сначала надо выбраться отсюда, все остальное – позже. К моему удивлению, я не провалилась, а стояла прочно на какой-то дороге. Сделала еще шаг, протянула руку вперед и встретила пустоту. Протянула вперед ногу и, поболтав ею из стороны в сторону, встретила лишь пустоту. Каждый шаг, каждое движение, каждый вдох и выдох казались последними. Вернее, не так. Я была абсолютно уверена в том, что вот они – последние часы, минуты, секунды жизни, что сейчас все закончится. Мысли, одна хуже другой, вихрем проносились в голове. Стараясь подавить чувство страха, я приняла решение пройти как можно быстро вперед в неизвестность, наудачу. Рассчитывать на помощь извне было глупо. Каким-то шестым чувством я осознавала – никто меня не ищет, спасения ждать неоткуда, нужно выбирать самой. Зажмурившись, я пробежала вперед и провалилась туда, где встретила меня зияющая пустота.

– А-а-а-а!!! Так и знала, что обязательно провалюсь куда-нибудь.

Пустота всегда и везде остается пустотой. Она, не имеет точного определения. Пустота, в которой нет сопротивления, борьбы, времени, энергий.

*– Ты бездну страшную, Паскаль, влачил с собою!
Увы! все – бездна в нас: слова, дела, мечты!
Мой волос дыбом встал пред чувством пустоты,
Я дрожью Ужаса пронизан ледяною.*

*Везде: вверху, внизу, вдали, передо мною —
Безмолвие пространств и ужас высоты,
И ночью Божий перст в провалах темноты
Кошмары чертит с их бездонной глубиной.
Я снов моих страшусь, как черных пропастей,
Что нас неизвестными путями увлекают;
Все окна предо мной безбрежность отверзают,
Мой разум кружит вихрь безумий и страстей.
Небытие зову я, ужасом объятый,
Но слит со мною мир Существ и Числ проклятый! —*

словно кто-то пел стихотворение Шарля Бодлера «Бездна».

Не-е-ет, это не я вспомнила этого поэта, а именно кто-о-о-то старался мне прочитать. И стихи лились красиво, плавно, словно мне их читали. Красиво. Постаралась подавить новую волну поднимающейся паники. Мое тело, подчиняясь ускорению, летело вниз, словно по трубе. Отчаянно пытаюсь зацепиться за что-нибудь, я хотела хоть немного убавить скорость движения, но ничего не получалось. Меня вертело в воздухе, и я не могла определить траекторию своего полета.

– А-а-а-а-а-а! – закричала и начала падать медленно, как в замедленном кадре фильма.

Любые кошмары и фильмы ужасов не стоят рядом с тем ужасом, который я испытала в тот момент. Страх, что я попаду в ад. Что такое ад? Я всегда думала, что у каждого ад свой. По сути, так оно и есть. Ведь все мы чего-то боимся

в жизни. И свой ад создаем по своим фантазиям. Либо ты умираешь в иллюзиях, либо иллюзии умирают в тебе. Даже иногда путаешь сон с реальностью, сидишь и ждешь, когда закончится этот кошмар. Поскорее бы проснуться, а потом уснуть и увидеть нечто прекрасное и совершенное. Ад – это когда ты в неведении, бессилии и не можешь с этим ничего сделать. Гнев. Ненависть. Жажда мести. Боль. Сожаление. Страх! Вот это и есть твой ад, со всеми вытекающими последствиями. Когда душа человека наполнена страданиями и жалостью к себе, и даже переполнена, нет места для радости и счастья, такое состояние называют пустотой. Нужно просто отдаться в объятия неизвестности и принять все таким, каким оно есть, чтобы ни о чем не беспокоиться. Эти мысли крутились у меня в голове, пока я летела.

*Казалось тебе – за высокой оградой
Цветущий весенний сад...
Ты раньше не знал такого сада?
Ведь это ад!*

С творчеством Черубины де Габриак я не была знакома, но почему-то всплыло это четверостишие. И мне оно очень понравилось, и я вновь его процитировала... для успокоения.

Находясь в полете, я чувствовала себя чем-то бесплотным, но вполне живым и способным чувствовать боль, испытывать страх, жажду вернуться, но также и осознание того,

что дороги назад больше нет. Я летела, а возможно, плыла по темному, незримому потоку тьмы. Здесь законы не действуют и никогда не определить, где верх, а где низ, никогда не понять, где правая сторона, а где свернешь налево. Все, что я знала, уже не имело здесь ни малейшего смысла. В этом новом, незнакомом, ужасном мире я – всего лишь беспомощный бестелесный дух или заблудшая душа. Скорее всего, заблудшая душа! Летела-плыла в неизвестном направлении.

*Я так мечтал увидеть тьму
Познать, увидеть самому,
Что значит вечность жить во тьме
И душу разрывать в войне,
С самим с собой, с душой своей
И так теперь во тьме ночей
В огне я жизнь всю увидал
И смерть, и тьму я осознал
Душа разорвана на части,
Ее не склеить, не собрать
И новые свои ненастья
Придется заново внимать.*

Поток остановился, или мне только показалось, что течение мрака прекратилось, как бы то ни было, я больше не чувствовала движения. В это время столько мыслей пронеслось в моей голове! Вспомнила всех своих близких людей, про-

сила прощения у тех, кого обидела. Для того чтобы получать удовлетворение от жизни – полюби страдания. Тогда и почувствуешь вкус жизни, тогда ты будешь ценить каждый миг, каждый вздох. Бесконечное многообразие судеб и историй – все это и есть настоящая жизнь. Нет таких страданий, нет такой боли, которая не открывала бы перед нами новые возможности. Но чтобы ими воспользоваться, нельзя игнорировать боль, ее нужно осмыслить. Я уже перестала игнорировать боль. Я срослась с ней. Раз говорят, что если чувствуешь боль – жива. Это и успокаивало. Я дрожала. Я и сама чувствовала, что дрожу. Но не от холода. От страха – да. Темнота – как темнота в бездонной глубине Вселенной. Тьма двигалась, словно черные клубы дыма, и она принимала неясные различные очертания существ, которые тянули свои костлявые руки ко мне. Нет, я не видела, но это все ощущала каждой клеточкой своего тела. Как слепой «видит» своим телом, осязанием, слухом. А мне одной страшно, так страшно. Тут как будто что-то живое. Мне даже кажется, что темнота меня обнюхала. Да, да! Именно, обнюхала. Ужас! Я могла поклясться, что среди всего этого скребущего шороха черные клубящиеся туманы едва шептали какие-то неразборчивые звуки, напоминающие глубокое дыхание. Мой затуманенный от боли разум то и дело цеплял какие-то странные детали во тьме.

Внемлите, слушайте и знайте,

*Что тьма – не просто темнота.
Ее в своей душе узнайте
И там оставьте навсегда.
Поймите вы, что тьма – стремленье
К душе и сердцу своему,
Она – души успокоенье
Придет к желанью твоему.*

Падение было недолгим, а казалось, что длится вечно. Встав на четвереньки, я решила осмотреться. Но вокруг стояла все та же крошечная темнота, хоть глаз выколи. Я горько рассмеялась сравнению. В какой-то момент мне показалось, что мир стал вообще абсолютно черным. Меня обволакивал ужас, который накатывал волнами, хотя вокруг не существовало ничего, что оправдывало бы мои страхи. Ну да, кроме самой тьмы. Во тьме нет сопротивления, так как в пустоте отсутствуют проявления человеческого сознания, которые, по сути, являются проявлением неосознанности. Чувствуя липкий страх, который принимает меня в свои объятия, вспоминаю все детские истории о буке из шкафа или сидящем под кроватью, фильмы ужасов, которые я любила смотреть перед сном.

– Хоть глаза выколи! Да тут я действительно как без глаз. Еще в такой ситуации имею чувство юмора, – хмыкнула я. – Вот только это уже черный юмор. Черный юмор! Это же бред! Что за бред?! – я стала истерически смеяться.

Смех стал постепенно перерастать в плач, унылый и муче-

нический плач. Мало кто может понять меня, понять мою адскую внутреннюю боль. Она прожигает, бьет током, заставляет ненадолго почувствовать вкус смерти. Эта адская боль внутри. Все берет свое начало внутри нас – и радость, и боль. Сгусток тьмы коснулся большого пальца левой ноги. Я инстинктивно дернула ногой, словно пыталась оттолкнуть кого-то. Холод страха мгновенно пронзил все тело. Черт возьми, эта душевная адская боль страха. Именно адского страха. Нет уже сил ее терпеть. Нужно просто взять себя в руки. Так можно огрубеть, духовно замерзнуть. Ты становишься холодным и жестоким от боли страха. Это боль, адская боль превращает тебя в ничто, убивает смысл жизни. Замораживает тебя и твои мечты. Эта боль! Адская боль! Боль одиночества и непонимания! Страх остаться наедине с болью! Теперь я понимала, почему люди убивают друг друга. Они это делали от боли страха.

– Что это? – я попыталась крикнуть, когда что-то мягкое и прохладное коснулась меня, но необъяснимый страх сдавил мое горло, и вместо призыва о помощи прозвучало мычание.

Это просто мрак, чернота надвигались сверху. Там вообще кроме темноты ничего не было! Но давило. Тряхнув головой, я попыталась заставить себя не думать о том, что могла разом не только ослепнуть, но еще и оглохнуть, и также онеметь. Вокруг по-прежнему стояла могильная тишина, а когда я попыталась что-то сказать, не раздавалось ни звука. Мое

подсознание упорно говорило, что темнота – это особая сущность, которой нужно покориться. Нет, слиться с нею! Но, организм мой сопротивлялся. Я боялась. До чертиков боялась всего, что окружало меня.

– Так и сойти с ума можно, – мысли пролетали так быстро, что я не успевала зацепиться ни за одну из них. – Ау-у-у-у! Скажите, где я? – но слова словно вязли во тьме. – Так, – протянула я, делая вывод, – значит, я здесь одна-одинешенька, и мне нужно выбраться отсюда. Сейчас успокоюсь и пойду куда глаза глядят. Авось и выйду из ада тьмы. Ада тьмы? – переспросила себя, словно смакуя, и повторила вновь: – ад тьмы! Это мой ад! И этот мир я придумала! Да! Это я придумала свой мир! Да! Это мой мир ада! Этот мир, где страх, одиночество, боль и ужасы. Да, да, это точно ад тьмы.

*Пощадь вопль, иль возглас нежный – скупо
Сорвется с уст; здесь умерли слова;
Здесь стянута бессмысленно и тупо
Кольцом железной боли голова;
И я, который пел когда-то нежно, —
Отверженец, утративший права!
Все к пропасти стремятся безнадежной,
И я вослед. Но вот, в прорыве скал,
Над пеною потока белоснежной,
Передо мною бесконечный зал.
Сеть кактусов и роз благоуханье,
Обрывки мрака в глубине зеркал...*

– Вы разыгрываете меня? – спросила я у темноты, так как мне вначале показалось, что кто-то или я с какой-то группой играю в неведомую мне игру. Я вспоминала игры, которые устраивали на телепрограммах, но ни одна не походила на мою. – Понимаете, я не давала вообще-то своего согласия играть. Вы слышите меня? Хм-м! У меня уже паранойя! – Я повторила вопрос: – Вы слышите меня? – В ответ тишина. – Я – игрушка, – подумала я. – Паяц на ниточках. Но я доберусь до вас, кто дергает за эти ниточки. И что я сделаю с ними? – возник тут же вопрос. Я остановилась и подумала, что просто не стала бы с ними общаться. – Выпустите меня! Пожалуйста!

Но ответом мне была тишина. Да и кто мог ответить, если мысли не озвучивались. Пока я сидела и обдумывала свое положение, мне вдруг показалось, что я попала на киносъёмки, где дали главную роль. Но, только почему меня не предупредили и я ужасно боюсь? Роль? Какую роль? Жертвы? Но, мне не очень-то хотелось быть в роли жертвы. Я передернула плечами. Но, выбора, кажется, не предоставили. Жертва, так жертва мысленно согласилась. Вдруг на память пришли стихи любимого поэта-символиста Константина Бальмонта, который напомнил о любимых фильмах ужасаов.

Я с ужасом теперь читаю сказки —

Не те, что все мы знаем с детских лет.

О, нет: живу боль — в ее огласке

*Через страшный шорох утренних газет.
Мережится, что вышла в круге снова
Вся нежить тех столетий темноты:
Кровь льется из Бориса Годунова,
У схваченных ломаются хребты, —*

стала про себя декламировать стихи, в надежде, что хоть таким образом смогу восстановить свое душевное равновесие.

В данное время главным было, найти выход. Я медленно двинулась вперед, вытянув руки перед собой. Пространство не кончалось, и мне казалось, что темнота, словно проглатывала своей огромной пастью, смакуя и пугая. Мной постепенно вновь стало овладевать отчаяние, так как не было перспектив на выход. Я призвала все свое чувство воли, чтобы успокоиться. Это немного помогло, и страх немного расслабил свою когтистую лапу. Но этого хватило только для того, чтобы снова начать дышать.

– Это уже не смешно! – прошептала я. – Мне надоела эта ваша бессмысленная игра. Вы слышите меня? Прошу вас, выпустите меня отсюда, – стала умолять кого-то. – Я домой хочу! У меня вся жизнь еще впереди! Мне страшно очень! Мне не нравится эта игра. Прошу вас, выпустите меня отсюда! – громко крикнула, почувствовав, как напряглись голосовые связки. – Слишком рано мне умирать! Пожалуйста!

В памяти возникли фильмы, где люди охотились на людей, не оставляя им права выбора. А в это время, сидя у мо-

ниторов, другие делали ставки на жертв, кто выживет. Я перередернулась, вспомнив также фильмы ужасов, где монстры охотились за людьми. Мне даже показалось, что за мной кто-то продолжает наблюдать и ждет каких-то действий. А может, и делают ставки на меня? И какого черта я вспомнила эту жуть? Я усмехнулась собственным мыслям, потому что сама любила смотреть эти фильмы, но быть жертвой мне не очень то и хотелось. Я стала понимать, что ужас и отчаяние, которые сводят с ума, потихоньку смогут выжечь некоторые мои эмоции, и тогда я буду уже бесчувственной куклой. Только инстинкт самосохранения толкает вперед, с единственной целью – выжить. А для этого нужно защищать себя от стрессов, и если встретятся на пути монстры, не давать себя в обиду. Как? Это уже другой вопрос.

– Только не это!!! Не хочу быть жертвой. Я не буду играть по вашим правилам. Ну и фантазия у меня!! Очень богатая, если представляю себя в чьей-то игре.

Оставаться здесь было так же бессмысленно, как и быть в неведении. На какое-то время я замерла, прислушиваясь к своим мыслям, и, удивившись рассудительности, всхлипнув сказала громко:

– Ладно! Ладно! Я пересилию свой страх и пойду. – говорила я сама с собой. – Мне плевать на ваши игры. А там что будет. Я просто так не отдамся! Вы слышите меня? – крикнула в пустоту тьмы. – Буду бороться за свою жизнь. Поняли?! А если и на другом конце будет пустота?! – то ли спроси-

ла, то ли утвердительно сказала себе. – Ну и ладно! Я постараюсь пересилить себя. Будь что будет, – глубоко вздохнула и поднялась на ноги. – В любом случае надо проверить. То, что здесь сижу, силы не прибавит, и тьму не рассеет, и домой не попаду.

В ответ были темнота и тишина. Через какое-то время донесли звуки. Я быстро сориентировалась и повернулась туда, откуда шел звук. Это были то ли стоны, то ли рычание, а может быть, безумный смех. Издалека было не разобрать. Я в ужасе присела, обняв колени и всхлипывая в тихой истерике.

– О Господи! – помянув его, наверно, в сотый раз. – Что ты мне приготовил на этот раз? – проговорила сквозь слезы. – И откуда столько слез? Я уже их давно выплакала, вообще-то. Я боюсь идти, но и оставаться здесь я тоже боюсь, – я вытирала со щек слезы. – Пожалуйста, я так боюсь темноты, выпустите меня. Неужели, я сошла с ума? В детстве я панически боялась ложиться спать, потому что перед сном приходилось выключать свет, – вспомнила я. – Я всегда боялась темноты. Во тьме, мне казалось, тени, что прятались по углам, выходят из укрытий и начинают рыскать по комнате, – говорила я, словно кому-то рассказывала, объясняла свой страх перед тьмой.

Я понимала, что никому не нужна эта исповедь, кроме меня. Помню, как тени беззвучно зовут меня, широко открывая свои черные рты, тянут ко мне тонкие острые пальцы.

Эти тени кружили вокруг моей кровати, задевая мое одеяло, словно хотели стянуть его с меня. Это было ужасно! Я помню, что всегда укутывалась с головой, чтобы не видеть, как за окном мелькают зловещие тени, которые норовят тебя утащить во тьму. И под защитой одеяла – засыпала.

*Страх, во тьме перебирая вещи,
Лунный луч наводит на топор.
За стеною слышен стук зловещий
Что там, крысы, призрак или вор? –*
Хорошо передала состояние страха Анна Ахматова.

Ну, зачем мне воспоминания, которые тянут назад, когда нужно идти вперед?! Я решила не думать о прошлом. Не вспоминать. Чтобы не рвать напрасно душу. Я стала тихонько продвигаться на звук, подбадривая себя тем, что там будет выход, отгоняя страшные мысли, которые норовили захватить мозг. Но с каждым движением все больше одолевал страх, отдаваясь болью в висках. Я спорила сама с собой. Часть меня удерживала, а вторая рвалась к звукам. Возвращаться назад не было смысла. Да и я не знала, откуда вышла, там же было темно. Если и в этом направлении окажется пустота, то и обратно двигаться будет бессмысленно. Взгляд проваливался в безбрежную тьму. Мне казалось, что я здесь без малейшей надежды когда-либо выбраться на свободу. Однако делать нечего. Собравшись с силами, я двинулась вперед, не видя перед собой ничего. Какое-то внут-

реннее чувство подсказывало, что иду правильно и рано или поздно выйду. Я не торопилась, соизмеряя свой шаг, пытаюсь разговаривать вслух, успокаивать себя, рассуждать о бренном мире.

– Надеюсь, что я иду в правильном направлении. Когда-нибудь должен появиться свет. Не всегда же будет тьма! Спешить некуда, потихоньку и найду себе дорогу к свету!

Человек во всем ищет смысл, все время стремится сделать свою жизнь безопасной и понятной и потому не живет по-настоящему. Разве человек в состоянии вынести обрушившиеся на него беды? И есть ли у человека свой предел терпения? Наверно, есть, раз мы всегда движемся вперед и боремся за свое существование. Но такого не может быть! Просто не может! Я должна вернуться из мира фантазий к реальной жизни, к повседневности бытия. Мне нужно просто идти. Мрак понемногу рассеивался. Глаза постепенно стали видеть какие-то очертания. В тумане всегда все искажается. Все становится серым и безликим. Как будто я смотрю на мир через грязное бутылочное стекло. Да, и сам туман бесконечно менялся. Он то стелился легкой дымкой, то поднимался плотной, почти весомой стеной. Вдруг туман стал переливаться то ли в солнечных, то ли в лунных лучах бледно-розовыми красками. Через какое-то время он стал черным, как грозовая туча.

– Что там меня ждет? – задала себе вопрос. – Не знаю! – ответила я сама себе. – Страшно как-то одной здесь, – вздох-

нула я. – Вот если бы с кем-то я была, то легче было бы переносить ужасы и неизвестность, – тут же вспомнила своего друга, который любил приключения, и глубоко вздохнула: – Жалко, что здесь его нет. Ладно! Постараюсь справиться!

Я вначале со страхом слушала тишину, опасаясь услышать какие-нибудь пугающие звуки и в случае чего – убежать. Но, тишина была такой, что я даже слышала биение своего сердца. Мысли в голове мелькали как в калейдоскопе, сосредоточиться на чем-то одном мне не удавалось. Глаза начали болеть от напряжения. Но сквозь туман ничего не было видно. Поэтому я решила не напрягать свое зрение. Любопытство все же пересиливало мой страх. Мне хотелось увидеть, что там впереди, где все покрыто туманом и манит загадочностью. И я решила исследовать, узнать, что там. Сквозь плотную завесу тумана едва пробивался тусклый серый свет.словно черная фата небесного купола таяла, открывая взору все новые и новые контуры. Я почувствовала, как нервное напряжение, нараставшее с каждым шагом, стало потихоньку спадать. Я глубоко вздохнула, успокоение теплой волной стало разливаться по телу.

– Что это? – спросила я, отодвинувшись от тумана, и в то же время, пытаясь разглядеть. – Какая-то игра света?! Интересно! Наконец-то, – с облегчением вздохнула я. – Я хоть что-то стала видеть! Значит, я вообще-то не слепая! И, это хоть как-то успокаивает меня! – сказала вслух, прислушиваясь голосу. – И куда сейчас двигаться? – сделав шаг

вперед, уже с интересом стала рассматривать окрестности.

Затаив дыхание, я напрягла слух, соображая, откуда доносятся тихие удары, – здесь было нелегко определить направление, откуда исходит звук. При мысли, что могу наткнуться на кого-нибудь из монстров или людей с оружием, вдруг пронзила холодная дрожь. Остановилась, чтобы успокоить свое сердце, которое норовило выпрыгнуть. Я не знаю, жила ли я, или вся моя прошлая жизнь лишь плод воображения. Но я знаю одно, сейчас я сама стала для себя плодом воображения.

– Откуда тут могут быть монстры? – невесело рассмеялась я. – Ну и фантазия у меня! Насмотрелась фильмов ужасов и пугаю сама себя. Вообще-то, надеюсь, что не так уж страшен этот мир, который рисует мое воображение.

Осторожно, очень осторожно я приблизилась к туману. Напряженно всматривалась в его клубящуюся сущность в надежде увидеть что-то, что так притягивает мой взор к нему. Что именно можно было увидеть в глубине тумана? Этого я не знала. Впрочем, этого не знал никто. В клубящемся вокруг меня тумане, один за другим стали вспыхивать крохотные огоньки. Их становилось все больше и больше. Они двигались или застывали на одном месте, озаряя туман зеленоватым свечением. Через несколько минут откуда-то повеял ветерок и немного разогнал белесую вуаль. Туман клубился, поглощая огоньки, то рассеивался, то собирался, играя огоньками, то расступался, приглашая вой-

ти в него. В некоторых местах он извивался, как змея, прижимаясь к земле, превращаясь в причудливые фигуры, которые исчезали так же быстро, как и возникали. Расстояние до туманной стены сокращалось, и я выставила вперед руки, словно пытаюсь ладонями поймать неуловимые волны, идущие от тумана. От восторженных восклицаний он всколыхнулся, уплотнился в одном месте и протаял в другом, а потом довольно быстро начал менять свои очертания.

Туман скрывает от нас порой то, что нам не нужно видеть. И это сильно напрягало меня. Туман был исполнен полутонами, полунамеками. И вообще он непредсказуем и потому небанален. Это как интрига. Он всегда разный, то густой, то подернут дымкой, то клубится, то ложится или вьется по земле. Нужно лишь уметь видеть его творческий талант, когда он создает образы. Если приложить свое воображение, то можно себе представить дельфина, вынырывающего из воды, летающих ангелов, фей, увидеть воздушные замки. Это как миражи в пустыне. В тумане растворяется окружающий мир, и нет ни начала, ни конца. Начало и конец – это грани, а туман не любит грани, но он нежен и трепетен. Искорки маленьких бриллиантов, вторгаясь сквозь дымку тумана, нежным теплом наполняли едва заметную тропинку, которая, петляя между травами, вводила в неизвестность.

– О! Да, ты со мной играешь? – поняв, обратилась я к туману и приняла его игру, а про себя подумала: «Хоть что-то нестрашное. Надоело уже находиться вечно в страхе. Точ-

но я рехнулась, уже с туманом разговариваю. Здесь действительно недолго свихнуться. Если уже не свихнулась?! А может это сон? Но, почему я не могу проснуться?»

Что такое сон? Это уход в мир иллюзий, который можно спутать с реальностью. Реальность – тот же сон, который длится до тех пор, пока не умрешь. Во снах все намного лучше, красивей и воздушней. Если приснится кошмар, то можно проснуться. В снах можно убежать от реальности. Многие поэтому любят спать, когда им очень плохо или одиноко. И тогда они уже с трудом могут отличать сон от реальности. Но это вызывает сильное привыкание. Как наркотик. Поэтому все должно быть в меру.

*Мой друг! меня уж несколько ночей
Преследует какой-то сон тревожный:
Встает пред взором внутренним очей
Насмешливо и злобно призрак ложный,
И смутно так все в голове моей,
Душа болит, едва дышать мне можно,
И стынет кровь во мне... Хочу я встать,
И головы не в силах приподнять, —*

творчество Н. П. Огарева в школе изучали, а вот этого стиха не помню. Но почему он возник в моей памяти? Все-таки, значит, мы изучали, раз всплыл в моей памяти, пришла я к этому выводу. Просто так не бывает, что в памяти возникают неизвестные мне стихи.

Туман меняет все, и только он так умеет. С ним ничто не сравнится, кроме миража, в умении подчинить себе мир и изменить его. Он циничен и самонадеян. Этот параллельный мир, который он создает, не насыщен цветами, кричащими и заявляющими каждый о себе. Каждый цвет является собой сгусток энергетики и переполнен эмоциями. Облака тумана, опустившись до самой земли, постоянно вращаясь и меняя свою конфигурацию, постепенно вытягивались вверх, становясь похожими издали то на фигуры закутанных в саван, то на образы животных. Туман создает свой мир, где твоя фантазия додумывает свое. Он как дитя, играющее с тобой в прятки, готовое выйти к тебе, но что-то не пускает его. И тогда туман начинает меняться, чтобы напугать или обнять и укутать как одеялом. Он благосклонен, никого не критикует. Меня вначале это испугало, но, увидев, что это не причиняет мне зла и боли, продолжила наблюдать. Я остановилась, и замер туман. Сделала еще несколько шагов, он медленно потянулся ко мне. Через минуту он расстелился и замер.

– И что дальше? – с вызовом спросила я. – Что ты хочешь сказать? Может, хочешь показать?

Туман неподвижно повисел, а потом тихо расступился, обнажая невероятную, почти мистическую красоту поляны. Когда туман рассеялся, и я смогла оглядеться, то обнаружила, что нахожусь в странном месте. С удивлением я рассматривала окружающее меня пространство с фантастическим

пейзажем. Я находилась рядом с радужной гаммой. Туман словно снисходительно улыбался, показывая свое богатство, давая восхищаться, удивляться. Вся поляна была наполнена серебристым светом, переливаясь и мерцая. Откуда он? Яркие красивые цветы распускались на полянах, распространяя нежный свет. Такой потрясающей игры света и тени я никогда не видела. Это было просто что-то нереальное. И вся эта картина была целостной, неповторимой, волшебной, для описания ее просто не хватает слов. Ни звука. Я присела на корточки и стала рассматривать траву и цветы.

– Фантастика! – воскликнула я в восторге, забыв, где нахожусь. – Красота! Это только в фантастическом фильме можно увидеть. Кто ты? – обратилась я к туману, который расстился неподалеку. – Ты живая субстанция? Ты кто? Откуда ты? Это все твое? – Я спрашивала и спрашивала, вопросы возникали одна за другим. – Много вопросов, и ни одного ответа. – Но, ответом была тишина, – Вроде бы я не напивалась до чертиков? Да и наркотиков не употребляю. Что это?

Все вокруг было словно залито мертвенным лунным светом. Вопреки моим опасениям, туман не причинил мне неприятных последствий. Наоборот, так же, как после грозы легко дышалось озоном, я почувствовала прилив сил и бодрости. Энергия тумана как бы подпитывала мое «тело», очищая, от накопившейся боли, и даже чувство страха исчезло. Это меня взбодрило, дала уверенность, что я найду выход

из этого места.

*– Озеро дышит теплым туманом.
Он мутен и нежен, как сладкий обман.
Борется небо с земным обманом:
Луна, весь до дна, прорезает туман.
Я, как и люди, дышу туманом.
Мне близок, мне сладок уютный обман.
Только душа не живет обманом:
Она, как луна, пронизает туман, —*

прочитала стих Зинаиды Гиппиус для своего нового друга тумана. Понимал ли он или мне так хотелось, но то, что лилось из души, то я и читала с вдохновением.

У меня даже мелькнула интересная мысль, что если я подпрыгну в этом тумане, то просто полечу в бесконечность. А потом буду падать в этот легкий туман. И падение мое будет длиться целую вечность. Коснувшись тумана, я вновь взлечу, и так до скончания века.

– Может, я умерла? – вдруг подумала я, но, откинув мысли о смерти, снова обратилась к туману: – Скажи кто ты? И почему я тут?

Не дав ответа, туман закружился, и дымка растаяла. Я опустилась на траву. И вдруг словно из тумана возникло стройное женское тело. Фигура тихо качалась, словно на ветру, и с каждым движением росла, а тело ее было прозрачно, точно соткано из серебряных нитей. Лицо ее было блед-

ным, с большими печальными глазами и чуть-чуть розовыми губами, золотистые волосы спадали красивыми волнами на грудь. Она словно плыла над землей.

– Вау!!!! – обомлела я от такой фантастической магии и красоты. Любая женщина на земле позавидовала бы совершенству. Я уже завидовала. – Кто ты? – задала вновь свой вопрос.

– Твоя Печаль, – прошелестела она. – Твой шелест в тишине. Твой глубокий вздох. Твои слезы одиночества. Твои воспоминания. Твой душевный страх. Твоя депрессия!

– Но-о-о, – удивилась я от изобилия ее имен и сделала небольшую паузу. – Какая печаль? – и я нахмурила брови. – Какая депрессия?! Какое одиночество? Хорошо, что я встретила с тобой, а не со своими ужасными страхами, – с облегчением вздохнула я. – Только объясни мне, что я тут делаю? И почему я? Где я?

Про себя подумала, что хорошо, что это не игра. Никто не убьет, а это значит, есть возможность вернуться домой. В голове мелькнула вновь мысль о смерти, но я быстро отбросила ее, чтобы не пугать себя окончательно.

– Ты здесь, чтобы пройти свой путь и вернуться обновленной. У меня много имен, и все зависит от души: что она выбирает.

– А-а, – протянула я, попытавшись встать, но нежность травы и сам воздух не дали приподняться. Я нашла удобную мне позу и продолжала сидеть. – Ты, ты так всегда выгля-

дишь? – шепотом спросила я, потому что была удивлена. – У тебя всегда светлый облик?

– Это зависит от того, какая печаль у человека. Я бываю светлой, бываю темной.

– Значит, это ты заставляешь людей печалиться?

– Нет. Вы сами меня приглашаете.

– Мы-ы-ы – протянула я, – а зачем нам печаль? Жить без печали лучше. Да-а! Чудеса, да и только.

– Возможно, и лучше без меня! Но вам нужна поддержка, поэтому я и прихожу.

– А что это за место? – спросила я, разглядывая фигуру.

– Это поляна Печали, – улыбнулась Печаль. – Здесь ты можешь попечалиться, и я попечалюсь с тобой.

– А зачем тебе печалиться?

– Поддерживаю, чтобы не было одиноко.

– Спасибо, – ответила я. – Да-а, вы правы, я сейчас действительно печальная!

– Я знаю, потому что чувствую своим сердцем. Когда пойдешь дальше, то свою печаль оставь здесь.

– Почему? Вы такая нежная, что я с удовольствием пошла бы с вами через все преграды и преодолела бы испытания.

– Печаль не дает силы, когда начинаются испытания, она отнимает волю. У человека в этот период опускаются руки. Думаю, что печаль нужна тогда, когда вокруг ничто не угрожает.

– Тогда я не пойму: если печалиться нельзя, то что я здесь делаю?

– Ты здесь, чтобы немного отдохнуть от пережитого, снять напряжение и успокоиться. Собраться с силами. Путь-то нелегкий и очень длинный.

– Я как поняла, что это только начало моих испытаний.

– Верно.

– Впереди меня ждут такие же испытания?

– Разные, – глубоко вздохнула Печаль.

– И как мне выйти отсюда? – И я поднялась с травы, которая сверкала разноцветными огоньками, словно там переливались маленькие бриллианты.

– Ты просто иди вперед! И не бойся! Сумей побороть свой страх! – ангел Печали улыбнулась. – Меня можешь не брать в попутчики. Я буду просто задерживать тебя в пути.

– Спасибо! Постараюсь, – улыбнулась я, передернувшись от предстоящих встреч с неизвестностью. – Хорошо! Я тогда пойду. Спасибо еще раз тебе! – На душе было легко, словно я оставила груз.

– Счастливого пути!

II

*Дорога, которая ведет в вечность. В бездну!
И каждый хочет пройти по ней,
зная, что никогда не дойдет до конца.*

Выйдя за пределы поляны, я вновь очутилась во тьме, которая обняла меня, укрыв своим покрывалом. Тьма – это посланник Вселенной, она скрывает от людей все прекрасное, порождая желание у сильных стремиться вперед и вырваться из темноты, скрывая пороки, давая возможность слабым забыть на мгновение. Но, страх не давал идти с легкостью балерины. Я словно выверяла каждый свой шаг, чтобы не споткнуться, не упасть. Протянув вперед руки, ощупывала пространство вокруг себя и делала маленький шаг, потом следующий. Так и брела, пока, наконец, не вышла на звук. Передо мной возникла черная бездна, она зияла под моими ногами! Если вокруг была темнота, то бездна была чернее, выделяясь среди тьмы. Звук исходил из бездны, словно звал меня, что заставляло ежиться. Тьма? Нет. Бездна. Нет, не ночная тьма, это намного страшней. Она вместе с тьмою клубится кошмарами вокруг тебя. И если попадешь в ее объятия, может убить. Эта бездна живет в твоей собственной душе, пробуждая ненависть и злобу. У тьмы есть запах – запах страха, ужаса, одиночества, разлитых в ночи. У нее есть звук – мяг-

кий шорох, шепот, стук твоего сердца. Все это отражается не только в твоих глазах, но и в твоих мыслях. Ее цвет – черная, антрацитовая ночь. Ни мерцания звезд, ни солнечного света не знает бездна. Те, кто забрел сюда, не возвращаются. Я сейчас испытывала неприятное чувство ужаса перед ней. Был страх, что стоит шагнуть вперед, и я провалюсь в небытие. Здесь все было наполнено тайной и угрозой. Я стояла и ждала. В памяти возникли стихи.

*Рождаемых число ряды усопших множит,
Бессмертной жизнью тешится мечта.
За гробом жизни нет и быть ее не может,
Идет за жизнью смерть, за смертью пустота.
Воскреснуть мертвому природа не поможет,
Она и без того по горло занята! —*

Я глубоко вздохнула, но не сдвинулась с места.

Смерть. Все, что у меня ассоциировалось с ней, было заперто в темнице моей памяти, которую лишней раз не хотелось тревожить. До последнего вдоха мы верим, что смерть никогда не заберет нас, ведь никто не знает, каково это – перестать существовать. Ничего кроме боли, страдания, она не приносит. Страх был сильнее любопытства. Меня то бросало в жар, то начинало морозить. Кровь больно пульсировала в висках, отдаваясь эхом по всему телу. Ужас стал окутывать меня в своих объятьях, пытаюсь погрузить в бездну кошмара. Боль, страх и ужас доводили меня до отчаяния,

я смотрела в бездну, пытаясь не потерять сознание. А что со мной будет, когда я дойду до своего предела боли и страха? Я умру? Или сойду с ума? Я что есть силы сопротивлялась, чтобы не закричать от страха. Пути назад не было и не будет. Помощи ждать неоткуда. Рассчитывать нужно только на себя. Внутри даже что-то неприятно кольнуло. Что такое страх?

*Страх детский есть и взрослый тоже —
Они друг с другом не похожи,
Бесстрашный, липкий страх есть, потный,
Есть глупый, дикий и животный.
У страха много есть личин,
А у меня еще один —
Боюсь я боли, гложет страх
Лишь речь заходит о зубах.*

Нда! Я вообще-то думала не о зубных страхах, а о липком, холодном, животном страхе перед тьмой. У каждого человека есть свои страхи: кто-то боится пауков, кто-то – высоты. Но, у каждого есть огромный страх. Он живет с вами до конца вашей жизни. Этот страх поглощает все радости каждый раз, когда он стучится в наши двери. Он заставляет нас думать о смерти каждую минуту. Эта фобия бессмертна, она растет с каждым годом, и я не знаю, где ее начало. Этот страх поглощает всех, независимо от статуса. Смелые люди испытывают такой же страх, как и все остальные. Просто они

не дают ему волю и не дают поглотить себя. Есть только один главный страх у человечества – смерть.

*– Совсем недавно ты мечтал о небе,
Что ослепляет всех голубизной.
Открой свои глаза, внимай вселенной:
Узри, как проникает страх слепой, —*

процитировала я стихи Алексея Кострова. И снова наша любимая Всемирная паутина, без которой не может жить современный человек. Как хорошо, что с творчеством людей можно знакомиться в Сети.

– Эй! – крикнула я. – Э-эй! Ответьте кто-нибудь! – Я сделала шаг вперед и не заметила, как полетела вниз. – А-а-а-а-а! Господи! Ой! А-а-а-а! Мам-м-м-а-а-а-а-а!

Я лечу. А если точнее, то я падаю. И мне страшно. Я падаю и падаю, я падаю в пропасть бездны. Бездна бесконечна. Тьма заполняла все вокруг и чувство невесомости создавало впечатление вечного падения. Будто я проваливалась все глубже и глубже в бездну, не зная, будет ли когда-нибудь этому конец. Мне даже казалось, что дыхание перехватывало от крутых спусков, неожиданных поворотов и опасных виражей. Спуск был неровный, где-то попадались выступы с тупыми и острыми концами. Я падала. Я все еще была во тьме бездны. Но я так отчетливо и ясно слышала звуки, что почти поверила в их реальность. Я попыталась позвать кого-нибудь, но мой голос утонул, завяз в липкой тьме, как

муха в меде. Я пыталась ухватитбся за что-то, но вокруг ничего не было. Только пустота и всепоглощающая тьма. А еще страх. Страх перед тем, что это и есть моя новая вечность. Я не хотела этого. Все что угодно лишь бы не эта пустота. А еще был страх потерять себя. Потерять-то себя, я не дам, это точно. Каждый человек верит в свое бессмертие. Вот и я не верила в свою смерть, хотя она была ближе ко мне, чем к любому другому человеку. Неужели смерть – это вечное падение во тьму?

*С разбега в пропасть... я лечу...
без сожаления... и страха...
я делаю... что захочу...
ведь если жить... то жить с размахом...
готова в омут... с головой...
и для меня законов нет...
плевать... что скажут за спиной...
ведь все запреты... это бред...
пока живу... я жить хочу...
без норм... морали... и без правил...
с разбега в пропасть... я лечу...*

– Мам-м-ма-а-а-а-а! А-а-а-а-а! Ой! Боже! – мне даже показалось, что я не кричу, а ору, что легкие были готовы вылететь вместе с криком.

*Не трогай в темноте
Того, что незнакомо,*

*Быть может, это – те,
Кому привольно дома.
...И будет жуткий страх —
Так близко, так знакомо —
Стоять во всех углах
Тоскующего дома.*

Время словно перестало существовать для меня. Я не знала, как долго нахожусь во тьме. Это могли быть секунды, а могли быть даже года. Пока летела вниз, передо мной промчались нарисованные моим сознанием всякие страшные картины. Тьма, мрак, ужас в чистом, природном, естественном виде, и поселился внутри меня. Я впустила их в душу, где они комфортно устроились. Я очень впечатлительный человек! И мое воображение бывает фантастически богатым. Голова немилосердно кружилась, от дикого полета начинало тошнить, казалось, ни конца, ни края не будет этой бездне.

– Главное, чтобы не попасть вновь в темноту, откуда нет возврата, – этого я боялась больше, чем встречи с монстрами. – И вообще не хотела, попасть к монстрам, – говорила я сама с собой. – И-и-и, не дай бог, я умерла! И что я сделаю? Ничего. Но, если я разговариваю, то значит, я все-таки еще жива. А может, я была мертва? Нет. Этого не может быть. Хотя, почему и нет? К черту, к черту мысли о смерти. И вообще пора отсюда найти выход.

Еще несколько десятков метров, и я разобьюсь. Все. Меня не станет. Я уже никогда не буду ходить по этой земле. Это

конец. Нет. Нет. Я не могу погибнуть, разбиться просто так. Еще один вираж, и я неожиданно ударилась так, что мне показалось, будто искры посыпались из глаз. Было такое чувство, что больно стукнулась затылком, отбила локоть, ободрала лодыжку. Странно? Боли не чувствую. А может, так и должно быть? Нет. Я до сих пор жива. Потерла фантомное ушибленное место. Меня окутывала тьма, за спиной было что-то зловещее, страшное, шуршащее. Я напряглась в ожидании чего-то ужасного.

– Чем дальше, тем страшнее! И вообще где я? Интересно, я все-таки умерла или нахожусь между смертью и жизнью?

Я пытаюсь найти ответы, но все они рушатся один за другим, обрываясь на совершенно несурзных вопросах. На многие вопросы нет ответов. Не потому, что вопросы слишком сложные, а потому, что ответов ждать неоткуда. Может, я действительно умерла, а еще страшнее – сошла с ума? Бессмысленность происходящего, бессмысленность моего положения приводят к самым безумным ответам, похоже, двинувшегося рассудка. Все мысли пропадают, и единственной, что значимо сейчас, становится реальность этого места. Оторвав взгляд от земли, я подняла голову и обомлела от страха – недалеко увидела столб вихря. Определить высоту не смогла. Что бы это могло быть? Я поднялась с земли, сделав шаг назад, остановилась в нерешительности.

– Кто вы? – спросила я громко, в надежде увидеть кого-нибудь.

Столб, качнувшись, медленно двинулся в мою сторону. В кругу света кто-то стоял. Я не могла пока разглядеть, кто, из-за того, что силуэт был в виде дымки. Я застыла уже не от страха, а от изумления и любопытства. Мне и самой было неясно, на что рассчитывала и надеялась, когда попыталась привлечь внимание к себе. Одолевая уже дикий первобытный страх, я попросила, а может, уже и кричала от страха:

– Пожалуйста, стойте! Немедленно остановитесь! Я боюсь вас! – и меня уже была истерика. – Стойте! Не подходите ко мне! – В этом визге было что-то угрожающее. – Что вы? Кто вы? Что нужно от меня?

Сумрак тьмы словно стирал все звуки, оставляя только громкое биение испуганного сердца и шорох чьих-то шагов. Из освещенного круга кто-то вышел. Это был стройный молодой человек высокого роста. У него было бледное, словно мрамор, с правильными чертами лицо. Тонкие губы, высокий лоб и темные глубокие глаза выражали ум, и в то же время жестокость и сдерживаемые страсти. Одет он был очень богато. Его шею украшало золотое ожерелье в несколько рядов, а за поясом, стягивавшим талию, был заткнут кинжал с резной рукояткой. На плечи был накинут черный плащ. Это меня немного успокоило.

– А ты кто? – уже смелее обратилась к нему.

– Страж Времени! – услышала приятный голос, мягким бархатом окутавший меня и мигом разогнавший страхи

и тревоги. Его улыбка завораживала, притягивала, но глаза оставались холодными.

– Страж Времени? – с удивлением переспросила я. – Это ваш транспорт? Вы охраняете время?

– Да! – обыденно ответил он, рассматривая меня.

– Странно, одна охраняет свою поляну, другой катается на вихре. Вы что, все привязаны к своим местам? Кто вы вообще-то? Кто-нибудь мне разъяснит, где я нахожусь, что здесь делаю, что за миссию выполняю и куда мне идти дальше?

– Не задавай слишком много вопросов, если находишься во тьме. Делай так, как считаешь нужным, что бы ни случилось. Чем больше вопросов, тем длиннее дорога.

– Понятно. А можно тогда глупый вопрос?

– Задавай, – улыбнулся уголками губ Страж Времени.

– Я жива?

– А ты как думаешь? – ответил он на вопрос вопросом. Я так и не поняла, что он хотел этим сказать. Возможно, я умерла, а возможно, и жива. – Выбирай ответ, который ближе к душе.

– Ладно. Тогда вопрос изменим. Здесь, во тьме, таких путешественников много?

– Много.

– И снова ответ не раскрытый. Понимай как хочешь. Почему я их не вижу и не встречаюсь с ними?

– У каждого из вас свой путь. Но, иногда ваши пути могут

пересечься и вы даже будете идти в одном направлении.

– Это уже что-то, – вздохнула я, в надежде что встречу на своем пути друга по несчастью. – А можно немного изменить ход событий в спирали истории, которая отвечает за человеческие судьбы?

– Нет! Ты же знаешь, что люди с древнейших времен пытаются познать и управлять временем. Но, как я уже сказал, это сложно сделать.

– Почему?

– Чтобы изменить что-то в своей судьбе, нужно менять не здесь. Есть много мест, где это возможно сделать. Например, чтобы изменить биологические часы, для этого есть река Времени.

– А вот ты сможешь внести изменения?

– Могу! Но, не стараюсь этого делать. Если я вмешаюсь, то тогда здесь появится ангел Хаоса.

– А тебе приходилось менять виток чьей-нибудь судьбы?

– Для того чтобы полностью поменять судьбу человека, он должен умереть. А вот откорректировать, возможно только историю.

– А кто-нибудь пытался остановить, изменить ход истории?

– Нет. Это не под силу человеку. Время может изменить лишь тот, кому оно принадлежит.

– А кому оно принадлежит?

– Великому Разуму.

– А как насчет реки Времени! Я могу остановить свое старение, если попаду в те края?

– Тебя волнует этот вопрос больше, чем желание вернуться на землю?

– Да нет! Возможно, меня волнуют эти два вопроса одновременно. Если я здесь, то почему не воспользоваться этим моментом?

– Логично, – Страж Времени улыбнулся, я ответила ему тем же.

– Ну, ты согласишься, что этот вопрос мучает не только меня, но и других людей. Особенно женщин. Если эти легенды о молодильных яблоках, живой воде, эликсирах молодости и прочих волшебных зельях волнуют нас до сих пор, то явно мы пытаемся найти это средство, – я улыбнулась, – а кто-то пытается создать машину времени, чтобы вернуть свою молодость. – Я говорила и говорила, а он молча слушал. Мне нужно было выговориться, чтобы как-то понять, что делать дальше. – Понимаешь, природа дает нам молодость в 20 лет бесплатно, а в дальнейшем за нее приходится платить. У нас за все платить нужно, – подчеркнула я, – за красоту, за здоровье, за молодость. Понимаю, что все зависит от нас самих. Конечно, если мы не будем за собой ухаживать, то состариться можно и в 20 лет, – я вздохнула. – Вот только природа не дала нам здоровья. Мы едва успеваем родиться на белый свет, как тут же на наши неокрепшие плечи ложится груз болезней, которые, конечно, начинают проявляться в разные

периоды нашей жизни.

– Столько боли в твоих словах!

– Как не будет боли, когда видишь больных и старых людей, зная, что тебя это тоже ждет впереди? Вы думаете, что нам всем хочется быть к старости больными и слабыми? Нет, и еще раз нет! Поэтому мы и мечтаем создать эликсир вечной молодости. Вам смешно, а нам горько.

– Болезни, старость – это, можно сказать, тоже своего рода испытания.

– Мне не хочется таких испытаний! – фыркнула я. – Да и многим не хочется! Болезни – это самый страшный вид испытания. Когда все это закончится?!

– Никогда! Все, что происходит на земле, отражается в этом мире. Ладно, не буду отнимать твое время, у тебя еще длинный путь к свету, так что не задерживайся здесь, – страж стал уходить от дальнейших расспросов, зная, что вопросов будет много: и о том, как остановить время, и о том, как вернуть молодость, и где найти этот источник. – До свидания!

– До свидания! – я хотела задать еще вопрос, но Стража Времени уже не было рядом. Он словно испарился, улетучился. Хотела спросить, в какую сторону идти, а он исчез. Хорошо бы, если на моем пути встречались только такие ангелы, а то я боюсь.

Но, где-то далеко в мозгу, мгновенно мелькнула мысль, что я умерла и больше никогда не вернусь на землю. Вечно буду скитаться по этим темным пустынным землям потусто-

ронного мира. Так что, мне не нужна будет река Времени, чтобы быть вечно молодой. Не нужно будет море Возрождения И Рождения Из Пены. Я медленно шла, стараясь выкинуть из головы мысли о смерти, которые как иголки впились в мозг. Пыталась себя развлекать стихами.

*– Безмерная душа, блуждая
В пустыне, выжженной судьбою,
От дикой жажды умирая,
Томилась, мучаясь собою.
...И кто-то, гнал ее незримо,
Туда, где радости не знают.
Где день и ночь проходят мимо,
Туда, где даже камни тают.
...Вопросы, как песков барханы,
Меняются и строят ковья.
Порой свистят, как хулиганы,
А то вдруг воют, словно вдовы.
...Кричит душа! И рвет на волю!
Как будто в схватке с диким зверем
Рычит!!! На свою боль в неволе,
Ногами вышибая двери,
...Лжывает лживые ответы,
Что миражами притворилась,
Маня в себя прохладным ветром,
В измене пошлой растворилась.
...Пески молчали... только ветер,
Посвистывал песком в зеницы,*

*Души... лежащей, в лунном свете,
В невидимой, пустой гробнице.
...Ну что ж? ответов нет.. Лишь раны.
Пустыня отняла все силы.
Уже ползут во тьме барханы,
Покрывать песчаной могилой, —*

выразительно читала И. Доманова, чтобы как-то скрасить свой путь.

Сколько шла, известно только Богу. Нет. Известно дьяволу. А вот интересно, существует ли дьявол в реальности? Пишут, что дьяволы – сложные, противоречивые натуры, возможно, даже больше, чем все остальные демоны. И все же мы знаем, что фигура дьявола – это порождение нашего разума, который пытается найти логическое объяснение феномена зла при столкновении с действительностью. Безграничная, предвечная бездна тьмы, которая принадлежит дьяволам, существовавшая до появления упорядоченного космоса, – идея, свойственная большинству мифологических систем. Если судить по легендам и мифам, то дьяволы – это отвергнутые нами боги, которые перестали играть в нашей жизни значимую роль. В целом до IX века дьявол изображался в образе либо человека, либо чертенка. В XI веке его начали изображать получеловеком-полуживотным. И благодаря художникам во главе с Босхом и Ван Эйком в образ дьявола привнесли гротеск. Они в христианском сознании легко преобразились в адских существ. Представление об обра-

зе Сатаны, нарисованное Мильтоном, было живым и ярким, так что прочно обосновалось в умах людей. Его влияние было настолько велико, что у многих людей сложилось впечатление, что образ Сатаны, нарисованный Мильтоном, в действительности создан на основе того, что написано в Библии. Так что нет дьяволов, а есть забытые божества. О сущности дьявола много писали, так что не буду повторяться и продолжу свой путь дальше.

*Я люблю тебя, дьявол, я люблю Тебя, Бог,
Одному – мои стоны, и другому – мой вздох,
Одному – мои крики, а другому – мечты,
Но вы оба велики, вы восторг красоты.*

Из тьмы и тумана возник некий пейзаж, вернее, смешение пейзажей. Разве это не гора там, внизу, проглядывающая через облака тумана? Откуда-то издалека якобы доносился рокот волн. Но, бескрайних просторов водяной глади не было видно. А это разве не река? Мне показалось, что слышу шум воды, низвергающейся с уступов искристым водопадом. Я огляделась. Тут и там бесформенной массой лежали огромные серые валуны, мелкая галька устилала песчаную насыпь. Слабое дуновение холодного ветерка приносило с собой маленькие капли соленой воды. Я облизала губы, почувствовав привкус соленого ветра. А может, так хотелось почувствовать и услышать. Возможно. Во всю свою ширь надо мной распростерлось темно-серое небо с темно-фиолето-

выми тучами. Позади упиралась острой вершиной в небо-свод отвесная скала.

– О Господи! И куда я теперь попала? – я заморгала, осматриваясь вокруг. – Что это за место? Хорошо, если из тумана не появятся монстры.

Тишина успокаивала, но в то же время настораживала. Пройдя по пляжу и осмотрев его, поняла, что перед до мной раскинулся океан. Почему? Не знаю. Наверно, чувствовала своей душой, что это не река, а именно океан. Океан я видела только на фотографиях, которые передавали его красоту. Бескрайний простор океана простирался до самого горизонта. Передо мной блестела совершенно гладкая, темная поверхность воды. Она простиралась куда-то вдаль, в густые черные тени. Две каменные глыбы, подобно безмолвным стражам, словно охраняли покой и тайну океана, скрывая от посторонних глаз его глубину. Многие отмечали, что нет восхитительнее зрелища, чем рассвет над морем или океаном. Сейчас я замечала, как сквозь ее непроницаемость появляется прозрачная, легкая дымка вуали, сотканной из мельчайшей водяной пыли, вобравшей в себя облачную млечность. Там, где вода и небо встречаются, стремительно меняются цвета – от бледно-палевого до багрянца.

*– Вдали от берегов Страны Обетованной,
Храня на дне души надежды бледный свет,
Я волны вопрошал, и океан туманный
Угрюмо рокотал и говорил в ответ:*

*...«Забудь о светлых снах. Забудь. Надежды нет,
Ты вверился мечте обманчивой и странной.
Скитайся дни, года, десятки, сотни лет —
Ты не найдешь нигде Страны Обетованной».
...И вдруг поняв душой всех дерзких снов обман,
Охвачен пламенной, но безутешной думой,
Я горько спросил безбрежный океан,
...Зачем он страстных бурь питает ураган,
Зачем волнуется, — но океан урюмый,
Свой ропот заглушив, окутался в туман.*

Мне вдруг стало одиноко и больно на душе оттого, что теперь никогда не смогу вернуться на землю. Смерть очень страшила. Но, душа не хотела в это верить. Я надеялась на чудо. Пока я себя жалела, воздух на глазах, за несколько секунд, стал сгущаться, конденсируясь в белый туман. Я стала с интересом наблюдать за облачком. Словно по мановению волшебной палочки туман рассеялся, а на этом месте уже стояла полупрозрачная фигура. Я тут же вспомнила поляну Печали, где так же из тумана появилась фигура. Дрожа то ли от холода, то ли от страха, я сидела и наблюдала за странным женским силуэтом. Женская фигурка, одетая в длинное до земли платье, приобретала плоть и объем. Густые белые волосы, чуть отливающие золотом в свете, исходящем от нее, легонько колыхались. Я замерла в ожидании. Величественная осанка, безупречные волны волос, надменный взгляд говорили далеко не о низком ее положении

в иерархии потусторонних сил.

– Час от часу нелегче! С кем не встречаюсь, почему-то все любят появляться в виде облака или тумана! Странно! Придется привыкать к этим появлениям и проявлениям гостеприимства этих мест.

– Я Одиночество.

– Чье одиночество? Мое? – с сарказмом спросила я, и тут же отметила, что вообще в таких местах я должна быть вежливой и тактичной. А то не дай бог, за это можно и заплатить.

– Нет! Я ангел Одиночества! Ангел! – она подчеркнула, чтобы до меня дошел смысл сказанного. – И прихожу, когда вам одиноко.

– Зачем?

– Вы меня приглашаете.

– Я никогда никого не приглашаю. Мне и одной хорошо.

– Раз тебе одиноко и ты одна, то значит, приглашаешь.

– И что тебе это дает?

– Помогаю вам.

– Страдать?

– Проанализировать свое состояние.

– Понятно. А есть гордое одиночество? Может, я люблю сидеть в гордом одиночестве?

– Да! Это когда человек себя запирает в четырех стенках. С одной стороны его ограждает от мира – Обида, с другой – Зависть, с третьей – Самовлюбленность, с четвертой – Эго-

изм.

– А почему их так много? Может быть, это гордыня?

– С гордыней всегда рядом бывают перечисленные духи. Они друг без друга не бывают. Где появился один, то жди и другого духа. А вы, кстати, очень любите дружить с ними, когда прогоняете Рассудок. Многие потом попадают в руки Цинизма.

– Вот почему мне знакомо это место! Сударыня Одиночество, скажите, пожалуйста, в каком направлении мне теперь идти?

– По воде, – Одиночество показала в сторону океана.

– По воде? – с изумлением переспросила я, посмотрев туда, куда указывала она.

– Да! По воде, – ответила Одиночество и добавила: – Если ты сумеешь удержаться на воде, то домой вернешься.

– А если утону? Это, что-то означает?

– Значит, много обиды в тебе на людей.

– А что это за море?

– Это Океан Слез и Страданий! Здесь слезы матерей, вдов, а также слезы зависти, слабости, цинизма, эгоизма. Можно перечислять все виды, от этого океан не изменит свою структуру и свое предназначение.

– И что, все души попадают сюда?

– Да. Они очищаются здесь от своих обид и боли, а потом поднимаются и идут дальше.

– Значит, здесь все души проходят испытание?

– Да.

– И все проходят?

– Проходят!

– Многие менялись после этого?

– Не все. Многие, вернувшись, забывают и продолжают творить злые дела. После этого им не дают другого шанса. А когда они возвращаются сюда, чтобы подняться на другой уровень, то здесь вновь проходят очищение. Длится это очень долго, в то же время те, которые исправили свои ошибки и постарались помочь другим людям не совершать злые дела, поднимаются на другую ступень развития.

– А если я еще живая, – я верила, что еще жива, – и не хочу сюда? Разве живые души могут проходить здесь испытания?

– Ты не исключение! Твоя задача пройти и увидеть, оставить груз. Вернувшись, исправить свои ошибки. Такой шанс дается многим.

Я улыбнулась тому, что услышала. Но, темные мысли о смерти не давали верить сказанному. Они как бы вонзались иголками в голову, повторяя: «Не верь тому, что говорят», и пытаюсь заглушить мою веру. Поэтому, чтобы, слишком не заикливаться на грустном, я задала следующий вопрос:

– Ангелами люди становятся?

– Да! Но, только те, которые прошли все испытания.

– Мне дали шанс? – спросила, подойдя к ней поближе.

– Да! – улыбнувшись, ответила Одиночество. – Я тебе дам совет. Когда будешь идти по воде, то прости тех, кто тебя

обидел. Это сделает тебя легче и, тогда ты будешь скользить, а не тонуть. Обида – дама очень тяжелая и всегда тянет на дно.

– Спасибо, мисс Одиночество! До свидания!

– Не прощаюсь, – ответила она.

– Ну, понятно! С ней вряд ли попрощаешься навсегда, – хмыкнула я и пошла в сторону океана.

Я подошла к воде, которая ласково стала плескаться у ног, время от времени касаясь пальцев приятной прохладой. Стал рассеиваться блеклой дымкой витающий над берегом туман, улетучиваясь в никуда, обнажая пустынный, абсолютно голый песчаный пляж. Но, если хорошо прислушаться, то в шепоте волн можно различить печальные, манящие, но бесконечно далекие голоса, тихо зовущие, плачущие, в словах, которых звучит боль и одиночество. Я поежилась от холодного ветерка и внимательно осмотрела себя. Как показалось, я была либо в платье, либо в рубашке. Тело мое больше походило на воздушный силуэт.

– Странно, но у меня такое чувство, что я здесь нахожусь в ночнушке. Значит, я либо медитирую, либо – в реанимации. Не будем нагнетать на себя страх, а продолжим исследование местности. Главное, не впадать в панику. Как говорил в мультике верблюд, «эксперимент продолжается», бороздя снежную пустыню.

– Иди к нам, – слышался шепот волн.

– Присоединяйся к нам, – доносил ветер голоса.

– Тебе здесь будет хорошо.

– Иди сюда!

Мой взгляд, бесцельно блуждавший по водной глади, вдруг заметил странное облако тумана, искрившегося словно в блестках. Но внимание привлек вовсе не туман, а то, что скрывалось за ним. Я напрягла зрение, чтобы увидеть, кто там вдали.

– Ну вот! Что и требовалось доказать. Тот же сценарий. Сейчас из тумана выйдет ангел, либо дух, либо сам дьявол.

Истончаясь, падая каплями туман редел, и в нем стал проступать размытый, словно бы сотканный из воздуха, силуэт девушки, медленно выходящей из пучины.

– Афродита! – сравнила незнакомку с греческой богиней. – Скорее всего, это очередной ангел. Лучше встречаться с ангелами, чем с дьяволами.

Девушка словно плыла поверх воды, и, казалось, ничего вокруг себя не замечала. Я видела, как шевелятся ее бескровные губы, и слышала, как перешептываются, пытаюсь что-то поведать, волны.

– Кто ты? – прошептала я едва слышно, и сердце при виде этой призрачной фигуры сладко-болезненно замерло на мгновенье, а потом забилось так часто, будто захотело вырваться и воспарить к небесам.

– Ангел Боли! – услышала за своей спиной голос.

Я обернулась, недалеко стояло Одиночество, которое наблюдала за мной и девушкой.

- Я думала, что вы ушли.
- Ты еще не отпустила меня.
- Как не отпустила?
- Душой.
- Поняла.

Одиночество долго стояла и смотрела вперед, а потом вдруг неожиданно повернулась к океану спиной, и устремила свой взор к вершине отвесной скалы, на которой стоял еще кто-то, наблюдая за нами. Я обратила внимание, что шевелятся бледные губы ангела Одиночества, словно она читает молитву, а взгляд устремлен к незнакомцу на скале. Сердце дрогнуло – мне показалось, что кто-то очень внимательно следит за мной. Я хотела было окликнуть того, кто смотрит, но не успела. Силуэт растворился, словно исполинских размеров волна смыла его. Одиночество вновь повернулась лицом к океану. И тут вновь увидела ангела Боли – она шла в мою сторону. Вернее, плыла, не касаясь поверхности воды.

– Кто ты? – повторила я свой вопрос.

– Я Боль! Я ваша сладостная Боль!

– Чья боль? – переспросила я.

– Людская боль, – ответила за нее Одиночество, и растворилась в воздухе, видимо предоставляя место для Боли.

– Ну, вот, то Одиночество, то Боль! И все появляются из воздуха и тут же растворяются, – вздохнула я и ступила в воду, которая тут же омыла мои ноги. – Что-то мне встречаются одни ангелы безысходности. Так и домой не попаду,

если они мне будут попадаться часто, – проворчала я.

Я стала наблюдать за игрой света на поверхности воды, которая в виде лунной дорожки, расстелилась передо мной. Почувствовала, что воздух словно был пронизан тайной. Меня стало окутывать какое-то спокойствие, как будто накрыли теплым одеялом в холодную ночь. Волны произносили мое имя на своем шелестящем языке. Я так думала, когда слышала шепот. Я продолжила внимательно наблюдать за ангелом Боли, которая стояла неподвижно и ждала. Ее взгляд был устремлен на меня. Иногда девушка вскидывала руки, словно звала в свои объятия.

– Иди сюда, – вдруг услышала явственно голос. – Не бойся!

– А я не боюсь, – ответила я, хотя очень боялась идти.

– Пошли со мной, – позвала Боль. – Идем, не бойся.

– Зачем? – спросила, разглядывая ангела Боли. – Мне хватает своей боли. Не хватало загружать себя чужими.

– Я помогу тебе перейти океан. Я не причиню тебе боли.

– Уже причинила.

– Я сочувствую.

– Смотрите, надо же, она сочувствует! – усмехнулась я.

– Но вы сами приглашаете меня.

– Началось! Нам делать нечего – приглашать вас? Уже от третьей слышу, что мы приглашаем. Я вообще-то не приглашаю, ты сама приходишь, без моего согласия.

– Я спорить не буду. Но, скажу, что мы не приходим без

приглашения.

– Вообще-то, приглашают в гости, а ты приходишь, не предупреждая. И у меня никогда не бывает приглашительных билетов для таких, как ты.

– А мне и не нужны билеты, чтобы стать твоей близкой подругой.

– Ты понимаешь, что самая страшная боль не физическая, а душевная?

– Знаю.

– Что такое боль? Представь, как эта боль пронзает наш мозг, потом отдается в сердце, – тихо сказала я.

– Знаю. Если тебе хочется выговориться, то, пожалуйста.

– Все вы знаете. Боль – это как червь, которая разъедает изнутри. – Я, слегка сморщилась от нахлынувшей в душе болезненной волны. – А душа так болит, что иногда хочется заглушить эту боль физически и навсегда. Понимаешь, боль – это когда не можешь найти ответа.

– Я знаю эти симптомы.

– Ну правильно, ты же ангел Боли. И тебе нравится причинять боль.

– Нет, я не причиняю боль, я забираю ее у вас.

Дорожка луны вдруг стала медленно расходиться и по ней медленно и грациозно шла Боль. Даже не шла, а словно плыла, нет, летела, чуть касаясь воды маленькими ступнями. Я зачарованно смотрела на нее. Луна освещала ее сзади, создавая серебристый ореол вокруг прекрасного тела, капельки

воды по всему телу блестели, как сотни бриллиантов. Волосы как будто были из воды, они струились по плечам и груди, именно струились, переливаясь всеми цветами радуги и искрясь.

– Там, где боль, клубится темнота, пустота, безмолвие, – продолжила я, не дав договорить ангелу.

– Где нет боли, там нет жизни! – печально улыбнулась ангел Боли. – Вы за своей болью не чувствуете чужой боли. Это очень больно для меня, – она провела рукой по лбу, словно снимала с себя груз. Я к каждому из вас прихожу под разными масками, и каждый это ощущает по-своему.

– Но что чувствуем мы? Для нас боль – это когда нет никого рядом и ты один во Вселенной, и некому тебе помочь, протянуть тебе руку, чтобы вырвать из небытия. Боль – это пустота, которая разрывает тебя изнутри. И понимаешь, что вместе с болью приходит ненависть, – мой голос звенел, проносясь над водой, и теряясь где-то вдали. – Ненависть к миру, к жизни. Ждешь минуты смерти. Но смерть не приходит к тебе. Если ты это знаешь, – обратилась я к ней, – зачем ты причиняешь боль?

– Я не причиняю вам боль, вы сами себе причиняете, – стала оправдываться ангел.

– Понимаешь? – я посмотрела прямо в ее глаза, где плескалась вся людская боль. – Боль, когда тебя предает друг. Боль, когда тебя обманули. Боль – это безысходность. Ты слышишь?! Слышишь?! Можно много приводить примеров,

чтобы объяснить, что такое боль для нас, людей.

– Я еще раз говорю, что я не даю вам боли, я ее забираю.

– Когда мне причиняют боль, я стараюсь ответить тем же, – тихо сказала я и отвернулась, чтобы не видеть всплеск волнующей боли в ее глазах.

– Зачем?

– Чтобы почувствовать как больно тому, кто меня обижает. – И добавила: – Я надеюсь, что человек, который причинил мне боль, – поймет. Понимаешь, когда нам пятнадцать-двадцать лет, мир светел, жизнь прекрасна, это легко. Не видишь страданий или не желаешь их видеть. – Я посмотрела на ангела: – Все вокруг кажется божественным, такое впечатление, что нет на земле ни зла, ни тьмы, ни боли. Но все меняется, когда сталкиваешься с действительностью.

– Я понимаю вас! Но, самое страшное для меня – это то, что вы не чувствуете боли детей. Им больно! Больно, когда взрослый не хочет замечать, что травмирует детскую чистую душу. Вы же отталкиваете их. Не желаете прислушаться к их боли. Вы словно несете эстафету своей детской боли. Вам причинили ее в детстве, вы стараетесь причинить ее другим.

– Поэтому вы наказываете нас, чтобы мы стали чуть-чуть добрее? Каждый из нас индивидуален. Я не причинила боли ни одному ребенку.

– Ты уверена?

– Ну, раз задала вопрос, значит, кому-то причинила. И если честно, то мне бы не хотелось вспоминать. Дети иногда

сами виноваты. Многие бывают такими жестокими, что лучше с ними не иметь никаких отношений. И в этом виноваты сами родители.

– Возможно, – согласилась ангел Боли. – Это страх перед болью!

– Это страх сознания того, что исправлять сделанное, уже поздно. Если бы ты снимала эту боль, чтобы мы не чувствовали ее.

– Я снимаю каждую минуту, секунду с вас эту боль, и в то же время даю вам эту боль, чтобы вы боролись. Я всегда чувствую боль мира. Я пытаюсь помочь, но не в силах даже взять ее в себя. Я вижу страдания людей, ими же порожденное, которое съедает их изнутри. Я помогаю, как могу, но люди бывают такими слепыми и глухими.

– Не все! Мы ощущаем эту боль!

– Прислушайся, что я хочу сказать. Вы всю свою боль носите в себе. Вы в это время так любите меня, что не хотите расставаться со мной. Укутываетесь болью, как одеялом, и лелеете ее. И ты тоже стараешься укутаться моим покрывалом боли, как и миллиарды людей. Хотя вы меня и пытаетесь прогнать, но в то же время удерживаете возле себя. «Кто тебя просит, – говорите вы тем, кто пытается вам помочь, – кому нужна твоя помощь? Если хочешь помочь, убей моего врага, ведь все беды из-за него». Вы в обиде на мир, обвиняете других, но не себя, и не свое больное воображение. Не понимаете, что мир только отражение ваших душ. Ваша

боль – это ничто по сравнению с моей болью. Больно видеть, как погибает планета, люди, и окутывает страх и безмолвие. И вокруг тебя сверкают холодные и немые звезды.

– Значит, ты болеешь за Вселенную, где погибают планеты?

– Моя боль безгранична. Но, согласись, что боль бывает сладостной и приятной! В ней ты как в теплой шали, – голос был мягким и успокаивающим.

– Это редко бывает!

– Возможно. Пошли со мной. Перед тобой океан слез и боли. Здесь смоешь всю боль, страдания и обиды свои.

– Все, все? Я пойду, потому что другого пути нет. Так или эдак, идти нужно!

– Нет, не все. Все равно ты пригласишь меня, когда тебе станет больно.

Я сделала еще шаг, и вдруг меня словно приподняли над поверхностью воды. Океан глухо вздохнул. Я вздрогнула и посмотрела на Боль, которая посмотрела на меня. Я шла медленно, словно боялась, что могу оступиться и провалиться в океан. Великий океан Слез и Боли! Он словно принимал меня в свои объятия, слегка ворча. И вот мы с ним, стали одним целым. Я чувствовала его каждой клеточкой себя. Ему невозможно было солгать, так же как и себе. Океан знал обо мне все. Он живой! Он чувствовал мою радость и боль! Прохлада стала подниматься от ног все выше, тело словно покрылось мурашками. Воды нежно гладили, очи-

щая от скорби мои мысли. Я чувствовала, как дыхание становилось свободным, как расправлялись плечи, избавляясь от тяжести. Пока шла, вспоминала людей, которых обидела, и просила прощения у них. Прощала тех, кто причинил мне боль. А океан благородно пил мою боль.

– Не бойся! – прошептала ангел Боли, и ее губы дотронулись до лба и губ нежно и осторожно. – Все позади!

– Я всю боль и обиды здесь оставила?

– Нет! Только часть!

Вокруг нее были слышны стоны, плач, и завывания от всплесков воды и, казалось, что плачет сам океан. Сколько же в тебе людской боли, сколько слез обид и бессилия? Дно как будто бы дымилось седой пеной, еле поспевающей за волнами, которые наполняли пространство стадами гри-вастых фантастических существ, несущихся в разнузданном свирепом отчаянии к далекому утешению. Мне показалось, что волны только и ждали счастливого для них момента моего бессилия и страха, чтобы наброситься на меня с яростью и выпить меня без остатка. Вскоре мы достигли берега.

– Вот мы и пришли. Теперь тебе идти одной. Боль немного утихла. Старайся не углубляться в дебри, где находятся пороки пострашнее.

– Как ты думаешь, долго ли я здесь пробуду?

– Это зависит от тебя.

Губы ангела были прохладны и свежи, со вкусом соленой воды. Волосы ее окутали мою голову и плечи. Заструились

как легкие прохладные ручьи по щекам и телу. Отступила боль, все просветлело внутри; они омывали, очищали от грязи людских пороков. Девушка-женщина посмотрела с печалью на меня и, развернувшись, пошла назад. Ее глаза! Они были необыкновенные, они манили, поглощали, успокаивали. Они переливались от ярко-синего до темно-зеленого цвета. Вода перед ней разошлась, образуя проход куда-то в глубину. Я стояла и провожала ее, любуясь плавными изгибами фигуры, любуясь неземной красотой, и думая, почему боги не дают такой красоты, такого совершенства людям. Я завидовала ей, и мне хотелось быть такой же красивой, грациозной.

– Да-а-а! – протянула я. – Почему мы не можем оставаться такими же до самой старости? Почему наше тело быстро дряхлеет? – задала вопрос в пустоту, а может, это было обращение к тем, кто следил за мной.

В ответ была тишина, но я и не ждала ответа. Потому что знала, что никто не ответит. Зависть плохой попутчик, поэтому я отбросила мысли о красоте и медленно двинулась вперед. Потихоньку брела во тьме, чтобы не оступиться, вглядывалась вдаль, надеясь, что-нибудь увидеть. Пока шла, я вслух рассуждала о смерти, развлекая себя, чтобы не кричать от страха. Я чувствовала, ощущала, что рядом кто-то есть и он слушает меня внимательно. Холод все усиливался. Кожа, как показалось, покрывалась мурашками, ледяные порывы ветра пробирали до самых костей. И ужас, холодный

липкий ужас подбирался к горлу.

*Жизнь уходит из рук, надвигается мгла,
Смерть терзает сердца и кромсает тела,
Возвратившихся нет из загробного мира,
У кого бы мне справиться: как там дела?*

– Что такое смерть? – стала говорить вполголоса. – Смерть! Наверное, самый первый и самый главный из всех человеческих страхов – это страх смерти. И почему я начала думать о смерти? Ну, да! Я сейчас одна во тьме, где только холод и одиноко. А вы молчите, чтобы мне было еще страшнее, да?! Да, я не отрицаю, что боюсь, но и пугать меня не нужно. Я убедилась, что ваш мир не такой красивый, как мы пытаемся представить. Здесь одиноко. Здесь нет даже солнца.

*О смерть! твое именованье
Нам в суеверную боязнь:
Ты в нашей мысли тьмы созданье,
Паденьем вызванная казнь!
...Непонимаемая светом,
Рисуешься в его глазах
Ты отвратительным скелетом
С косою уродливой в руках.*

Неужели смерть – это непреложный закон, который нельзя обойти? А может быть, все это самовнушение? Может

быть, мы с детства просто слепо верим в то, что смерть неизбежна, и поэтому умираем? Вы знаете, что такое смерть? Именно ваша смерть. Мы видим, как умирают в кино, смотрим криминальные хроники, хороним родственников. Но каждый из нас уверен, что с ним такое произойти не может. Точно определить грань между тем, где заканчивается жизнь и начинается смерть, не может никто. Ведь смерть – это процесс, причем медленный. Я уже начала ощущать, как ко мне потянулись холодные пальцы смерти, понемногу отнимающей у меня жизнь. О! Нет! Нет! Я просто так тебе не отдамся. Откуда взялись эти вопросы? Почему они меня интересуют? Похоже, что я не способна найти ответы, я не могу найти ничего. Мне так хотелось побыстрее выбраться из этой тьмы в обычный мир. Земля словно уходит из-под ног. Но чьи-то руки не дают мне потерять равновесие. У меня какое-то плохое предчувствие. А может быть, и нет. Я давно разучилась управлять своими чувствами. Я была бы рада научиться этому вновь. Но не могу себя заставить что-то делать, если я делаю что-то, то только из-за состояния своей души. Я не могу заставить делать себя то, что не в моих принципах. Иногда это освобождает, но чаще это не так.

– Все, хватит! – воскликнула я. – Нужно выбросить дурное из головы и идти дальше. Смерть! Смерть! Да, достала ты меня своим тупизмом. Смерть! Ха-ха-ха! Она с любовью раскрывает свои руки, а мы прямо, – протянула сарказмом я, – с великой радостью падаем в ее объятия. Махаем ей

ручкой и приветствуем: «Ах! Ах! Привет! Смертушка! И где ты гуляешь? И где тебя носит? Мы тут, видите ли, заждались тебя». Улыбка счастья прямо не сходит с нашего скошенного от страха лица. И весело щебечем смертушке: «Я-я-я так счастлив или счастлива с тобою встретиться». А смерть от счастья забывает или роняет от радости и нашей любви к ней свою косу. Не буду я о тебе думать. Кто ты вообще такая, чтобы думать о тебе? А для кого эта коса, не знаешь? – задала я вопрос пустоте, тьме, которая меня окружала. – Я так думаю, что коса предназначена для тех, кто старается избежать ее и оттянуть время. А я-я-я! – протянула я, – как раз из тех, кто занимает очередь в самых последних рядах.

*Второе существо, – когда назвать
Возможно так бесформенное нечто,
Тенеподобный призрак; ни лица,
Ни членов у него не различить;
Он глубочайшей ночи был черней,
Как десять фурий злобен, словно ад,
Неумолим и мощно потрясал
Огромным, устрашающим копьем.
То, что ему служило головой,
Украшено подобием венца монаршего.
Навстречу Сатане,
Что той порою ближе подошел,
Вскочив мгновенно, грозные шаги
Направил призрак с той же быстротой.
Ад содрогается под гнетом стоп*

Тяжелых...

...Так молвил жуткий призрак, становясь

Гнусней десятикратно и страшней

По мере возглашения угроз...

...а он, мое отродье, лютый враг,

Едва покинув лоно, вмиг занес

Убийственный, неотвратимый дрот.

Я прочь бежала, восклицая: «Смерть!»

При этом слове страшном вздрогнул ад,

И тяжким вздохом отозвался гул

По всем пещерам и ущельям: «Смерть!»

– Потерянный рай! Интересно Мильтон нашел потерянный рай? Возможно. Может, и я ищу этот потерянный рай?

«Я жить хочу! – кричит он, дерзновенный. -

Пускай обман! О, дайте мне обман!»

И в мыслях нет, что это лед мгновенный,

А там, под ним, – бездонный океан.

Бежать? Куда? Где правда, где ошибка?

Опора где, чтоб руки к ней простерть?

Что ни расцвет живой, что ни улыбка, —

Уже под ними торжествует смерть.

Слепцы напрасно ищут, где дорога,

Доверясь чувств слепым поводырям.

Но если жизнь – базар крикливый Бога,

То только смерть – его бессмертный храм.

– Не спеши, смертный, врата сии открыть, ибо они – в про-

шное. Бред! Бред! – бормотала я себе под нос. – Я сама себе это стала внушать! Так что будем двигаться дальше, пока чувствую биение своего сердца.

Я шла, и темнота вокруг меня сгущалась. Тени в серой дымке удлинились, дрожали и передразнивали то, что породило их. Я замерла, не в силах даже наполнить воздухом легкие, которые жутко саднило, будто что-то или кто-то стиснул их в тисках. Запястья словно перерезало тонкой нитью, впивающейся в кожу, и мне казалось, что еще вот-вот и кожа лопнет, из вен хлынет кровь, и кости сломаются. Густой липкий туман обволакивал меня, плотной стеной повиснув вокруг. Я с трудом стала различать предметы. Тягостное состояние усугублялось с каждым шагом. Я беспомощно огляделась вокруг и решила позвать на помощь, но из внезапно онемевшего горла удалось выдавить только невнятное сипение.

– Ну, вот довела себя до истерики, – просипела я. В голове пролетела мысль о том, как может выглядеть смерть здесь. В моей памяти промелькнули все образы, которые создали художники, церковь и люди. – А правда как выглядит сама смерть? – остановилась я и вновь задала вслух вопрос. Но мне никто не ответил. – После встречи такой страшной смерти, которую создали люди, вряд ли захочется покинуть этот мир, пусть и не такой уж райский, но зато реальный по сравнению с вашим темным миром, – я покрутилась вокруг, чтобы найти того, кто скрывался в темноте.

Я чувствовала его взгляд, который прожигал меня. Я начала слышать шепот. Сперва тихий и невнятный, но потом он начал усиливаться. Вскоре, слова стали понятны.

– Тебе нужно посмотреть правде в глаза, Анджелайн, – услышала я, а может, это были чьи-то мысли, – Тебе надо воспринимать собственные чувства такими, какие они есть. А правда заключается в одном: тебе страшно и одиноко, печально и больно. В жизни часто бывает больно и страшно, а смерть – это частица жизни. Смерть – это возврат домой! Это хорошо, когда смерть придет за тобой. А вот потерять свой разум и находиться между реальностью и иллюзиями – это страшно. Потому что только смерть может освободить тебя от кошмаров.

– Кто здесь? Ну, вот дофилософствовалась! Мне страшно! На свою голову накликала беду. Моей душе больно! Что ты можешь знать о боли, о страхе, когда находишься тут? Что такое в твоём понятии смерть? И что я встретила со смертью?

– Пока нет! Но, возможно встреча может и состояться, если будешь идти на ее волне. Если во мраке мыслей пребывать, это значит, на свет возврата нет!

– Да, что ты такое говоришь? – возмутилась я, – Как не смогу вернуться? Это что? Сумасшествие? Или мне предлагают умереть? – я чуть не закричала от страха, съежившись от своих неприятных мыслей. – Да, иди ты! Я все равно найду выход. А насчет смерти рассуждаю, чтобы успокоить се-

бя, – стала оправдываться. – Я знаю, что все стараются очередь к смерти занять в последних рядах, но почему-то получается, – вздохнула я, – что мы все ближе к ней. Но, надеюсь, что смерть за мной придет, когда я стану старой и дряхлой. А я так не хочу встречаться с ней. – уныло проговорила. – Я из тех, кто бежит в конец очереди, чтобы снова и снова занимать, когда приближаюсь близко к смертушке. И так без конца, пока действительно не настанет время встретиться с ней лицом к лицу. И тебе не запугать меня. – уже громко крикнула во тьму.

Со всех сторон подступала вязкая темнота. Через секунду за спиной раздался веселый смех и ржание коня, от которого у меня замерло сердце. Я повернулась на голос и, подняв голову, невольно вскрикнула. Я не в силах была отвести взгляд от призрачной туманной фигуры, которая, как показалось, не могла быть человеком. Но, это была человеческая фигура в черной одежде, сидящей на черной лошади. Я с ужасом наблюдала за ней, не в силах пошевелиться. Она смотрел мне прямо в глаза, словно пыталась проникнуть в глубину моей души. В этих глазах был виден весь ад человеческий.

– Смерть?! – прохрипела я, и мои ноги подкосились. – Я так и знала, что стоит подумать о смерти, и она тут как тут. Ну почему именно сейчас?!

– Нет. Пока тебе рано думать об этом. Твоя миссия еще не закончилась. Я для своих родителей Дитя Тьмы! Для других я Призрак Преисподней.

Я в ужасе была от такой встречи, и хотела убежать, но ноги словно приросли к земле. Фтгура, удерживая за узды коня, спросила.

– Ты ищешь выход отсюда? Но, не лучше ли остаться здесь? Ведь это ваш дом! Здесь мы всегда рады вам!

– Мой дом? Здесь так неудобно, что лучше я свой дом построю на земле, – прошептала я, пытаюсь придти в себя. – Это не ты со мной только что мило беседовал? – прокашлявшись, спросила у ангела Тьмы.

– Нет, – улыбнулся он, обнажив ряд ровных, красивых зубов. – Это не я. Но, знаю, кто это!

– И кто?

– Не скажу. Ты сейчас странница во тьме и значит, ты мой гость. И я хочу показать свои владения, чтобы привести тебя к твоему земному дому.

– То, что я твой гость, – поняла, а почему странница? И ты сможешь найти мой путь?

– Потому что вы странствуете здесь в поиске выхода отсюда. И все норовите покинуть этот мир как можно быстрее. Но, вы вечные странники бытия мира. Скажи мне, что там прекрасного на земле, что вы желаете вернуться?

– Вам никогда не понять этого! Это прекрасно! Там светло! Тепло! Вы там не были и не ощутили той прелести, что так нравится нам, людям.

– Нет, ты ошибаешься. Я бываю у вас на земле. Но, ничего интересного там не нахожу. Все там пресно одинаково. Одни

и те же проблемы. Вы все одинаково мыслите, думаете, говорите. У вас всегда одни и те же извечные вопросы, словно, все они написаны под копирку. И каждый раз вы не можете на них найти ответа.

– И какие же посещают нас вопросы? – поинтересовалась я, немного осмелев от того, что он не причинит мне боли.

– Хорошо. Я отвечу на некоторые вопросы. Каждый раз, приходя в этот мир, вы спрашиваете себя, зачем я здесь? Может, не случайно!? Что же от меня ожидается? Что я могу сделать? Что останется после меня? Для чего дано мне все, что меня окружает? Где то, что я ищущу? Куда я иду? Что поможет мне стать более гармоничным и наполненным, облегчит мою боль, страдания, одиночество? – стал перечислять ангел Тьмы. – Ты сейчас хочешь пофилософствовать, вместо того, чтобы найти дорогу?

– Нет, я не хочу философствовать. Но, приятно поддерживать беседу. А то брести во тьме одной очень страшно.

*Смешались, в страхе, мысли, мненья,
Но стал я к ощущеньям глух,
Отбросив все свои сомненья,
И лишь напруг свой взор и слух.*

– Ты боишься меня? Ты боишься, как и многие, столкнувшись со мной. Но ты не бойся! Я не причиню тебе боли, так же как и другим. А страх, боль, радость – все эти чувства выражаются вами иногда беззвучно. Но, мы их чувствуем.

– Ну, это всем известно, что мы через боль поражений и ошибок идем к самосовершенствованию. Это не новое для нас открытие.

– Да, это все старо как Вселенная.

– Спасибо, призрак Тьмы! – чуть подумав, добавила: – Дитя или ангел Тьмы? Как тебя величать-то? Ты когда посещаешь землю, то не в оболочке человека бываешь. И не чувствуешь того, что ощущают люди. Поэтому тебе не понять нас.

– Ангел Тьмы! – подчеркнул он свой статус. – Но, я бы не хотел бывать там, в облике человека. Слишком скучно, и вы все предсказуемы. Вами можно манипулировать, угрожать, подкупать. Вы такие смешные на земле, беззащитные и уязвимые. Мы даем право выбора.

– Право выбора? Какого выбора?

– Право выбора, либо искать ответы на земле, либо вернуться сюда. Извечный круг жизни и смерти вращается совершенно бесшумно. Вы даже не понимаете, что никогда не умрете, а просто перейдете в другое измерение.

– Лучше я буду искать ответ на земле.

– Твое право! Значит, тебе нужно еще многому учиться и пройти этот путь. До встречи.

– Лучше не встречаться. Ты же хотел показать дорогу к дому. А сам исчезаешь.

– Рано или поздно мы встретимся. Тебе покажет твой поводырь, идущий рядом.

– Кто?

– Сама увидишь.

Всадник исчез в темноте. Я стала двигаться медленно и осторожно, будто выпила, чаще оглядываясь, боясь, что вновь кто-нибудь резко появится из темноты. Особенно, я боялась того, кто не показывается мне на глаза.

III

*Оставь меня в своем кругу, шаман.
Нам таинств не хватает на планете.
Хочу (покуда я на этом свете)
Услышать бубен, что под черный ветер
В иных мирах рождает ураган,
В наитье сокрушая призрак смерти.*

И. Близнец

– Вот, так вот! Во мраке ужасы витают и соблазнительно манят, для тех, кто слаб душой и телом. Если впустишь в свой мозг страшные мысли, то ответы придется находить здесь.

– Снова ты? – вздрогнула я. – Почему ты не появился, когда здесь был всадник Тьмы?

– Я был рядом с тобой, и он видел меня, – почувствовала я улыбку собеседника.

– Но, ты не вступил в дискуссию, – я глубоко вздохнула.

– Зачем? Мы знаем все ваши вопросы, и на них ответы. А дискутировать с ним мы можем и дома.

– Вы нас встречаете, чтобы немного попугать, да? – ухмыльнулась я.

– Да, нет! Если душа потерялась, то мы немного помогаем. Показываем дорогу, чтобы она не попала в сети других представителей темного мира.

– Хорошая помощь! – рассмеялась я. – Появляетесь резко, артистично и тут же исчезаете, довольные собой. И что за представители темного мира?

– Ловцы душ.

– И что им нужно?

– Коллекционируют.

– Че-е-го-о? Они коллекционируют? – удивилась я, остановившись. – Что за игры тут у вас?

– Долго объяснять вам.

– Кому вам? Я ведь тут одна.

– Вас много, блуждающих во тьме. И ты не одна задаешь этот вопрос. Здесь таких как ты много в поисках света. И я должен не дать ловцам схватить вас раньше времени. Думаю, что мне пока с тобой нужно распрощаться. Ты немного освоилась, так что за тебя можно уже не бояться.

– Спасибо за помощь. А ты можешь мне сказать, что сейчас меня ждет?

– Нет, не могу сказать. Главное – не поддавайся своим эмоциям, когда будешь встречать много темного в этом мире. Верь в себя, и ты выйдешь отсюда в мир людей очищенной и осветленной.

– Темного? Да, тут всегда темно! Ну, и на этом спасибо.

Вдали заметила слабое свечение, которое проходило сквозь туман. Такое чувство, что туман был нужен для того, чтобы сгустить и без того черные краски тьмы. В середине тумана виднелся неясный силуэт. Слышались монотон-

ные бессмысленные звуки. Я насторожилась. Переборков появившийся страх, сделала шаг, и увидела расплывчатый силуэт человека. Боязнь неизвестности, боязнь шелохнуться и почувствовать боль. Все вокруг наполнялось звуками. Пока не враждебными. А потом? Я не знала, что будет потом. Нужно шагнуть в этот круг и попросить помощи. Но сердце билось все быстрее и быстрее, потому что это был единственный раз, когда сомневалась в правильности своего решения. Силуэт за туманом колыхался как на ветру. Да, именно человеческий силуэт. Это как-то успокаивало. Он был словно дымка, стелющийся туманом. Я сразу поняла по очертанию, что это шаман. Его сидящая поза, движение и взмахи обруча, покачивания головы в такт ударов, всполохи костра, говорили, что человек камлает. Я много слышала легенд, сказок о шаманах, способных на опасные черные проделки. Поэтому я решила, прежде чем заговорить, выяснить, кто он. Я медленно стала двигаться в сторону костра. Прозрачный силуэт сидел ко мне спиной, его голова в такт полупения-полувывтья медленно качалась из стороны в сторону, а бубен поднимался то вверх, то вниз.

– Над священным огнем вьется бархатный дым.

Старый мудрый шаман в бубен бьет...

*Сколько дней утечет, а сколько воды
превратится в холодный лед...*

Расскажи мне, шаман, что там духи поют?

За незримой чертой – Другой Мир... —

чьи стихи не знаю, но помню, что кто-то пел под гитару.

Желтое пламя костра освещало пространство вокруг шамана. Было такое чувство, что там жарко. Но, я не чувствовала тепла. Между костром и мной извивался в причудливом танце шаман, в ритуальном одеянии, которое колыхалось в такт его движениям. Лицо шамана прикрывала зловеще ухмыляющаяся маска. Из горла рвался не то хриплый стон, не то короткий плач, не то рык. Я стояла и смотрела, как колыхнется силуэт шамана под звуки пения и ударов в бубен. Он размеренно бил в бубен колотушкой, извлекая из натянутой кожи мерный рокот. Мысли мои бегали, как кролики в клетке, ударяясь друг о друга, и разбегаясь в страхе по углам. Сердце, казалось, бешено застучало, а где-то в груди защемило запоздалое чувство какой-то боли. А может, это был просто страх, который сковал меня? Я боялась, что если войду в освещенный круг, то уйти оттуда уже не смогу. По спине потек ледяной ручеек пота.

*– Рокочет бубен. Дух шамана
Умчался вихрем в мир иной.
Душа раскрыта, словно рана,
Сменяет темень свет дневной.
Там, где-то на небесных тропах
Витают тени Высших Сил,
И души странствуют усопших,
Кто на Земле уже прожил.*

Шамана дух в небесных сферах

Земли грядущее прозрит.

Древна, как мир, в шаманов вера.

Рокочет бубен. Разум спит, —

прочитала пришедшие стихи малоизвестного современного поэта Л. Зазерского

– Что стоишь? Присаживайся к огню. – опустив свой бубен, шаман повернулся ко мне. – Я тебя не съем. Ты отдохнешь. Поговорим. А потом пойдешь дальше.

– Знаю, – прошелестела я, – что не скушаешь! То, что ты шаман, я поняла, а какого ты звания или категории?

– Я небесный шаман! Проводник душ, – прошептал он, а звук разнесся по поляне как гром, так что я вздрогнула.

Я вошла в круг и присела напротив шамана. Когда опускалась, то обратила внимания на свое тело, которое колыхалось, словно под ветерком. Получается, что если я сяду или буду стоять, то от этого ничего не изменится. Я не почувствую то, что сижу либо только что присела. Осмотрев себя внимательно, я уже свыкла, что мое тело нематериально, но, не могла смириться с тем, что душу будет сопровождать шаман в мир мертвых. Думать о смерти каждый раз было больно.

– Полагаю, ты готова ответить? – с усмешкой произнес голос сзади. Я обернулась, стараясь ничем не выказывать своего волнения. – Не обращай внимание! Это духи балуются. Пытаются тебя напугать.

– Они всегда такие негостеприимные?

– Всегда. Ты в мире потерянных душ, – и дымка шамана стала более плотной. – Я должен помочь тебе.

– Значит, я умерла, – и всхлипнула. Мне так не хотелось оставаться здесь.

– Нет, – спокойно ответил небесный шаман. – Твое сердце еще бьется. Тебе рано завершать свой земной путь.

– А я что, тут в поисках утраченных иллюзий?

– Ну, можно и так сказать, – то ли ухмыльнулся, то ли улыбнулся шаман.

– Ага, ищу потерянный Мильтоном рай, – улыбнулась я.

– Мильтоном? – переспросил он. – Возрожденный из пепла.

– Он возрожден? Как? Он живой?

– Память.

– А-а, понятно.

– Ты расслабься. Я начну камлать, чтобы успокоить твою мятушуюся душу.

– Дорогу тоже покажете?

– Душа поведет.

– Вы говорите загадками.

– Ответ всегда перед тобой, и увидеть его ты должна сама.

Пространство расплылось перед глазами. Мир вокруг стал подвижным и гибким, он мягко менял формы. Шаман сидел, словно, в ореоле неяркого пламени, которое служило ему и опорой, и защитой. Огонь, точно живой, переплетался

и изгибался, свиваясь в причудливые узоры искр. Лицо шамана было строгим. Глаза засветились зеленым светом, который плавно переходил в синий, извергая фонтан синего огня. Казалось, что бубен стучит внутри моей головы, а пение заставляло вибрировать все тело.

*Бубен взлетает к планетам и звездам,
Песня его на гортань порвалась.
Голос шамана долями был роздан
Дымом костра, песня ввысь поднялась.
...Бубен шамана танцует и пляшет,
Тихо колдуя, упорно зовя,
Он позовет, тебе птица помашет
Синим крылом, за собою маня.*

– Здесь кто-то еще присутствует?! – спросила я, осматриваясь.

– Не обращай внимания. Это твой ангел-хранитель!

– А почему до этого я его не чувствовала? И почему он мне не помогал?

– Ему нельзя тебе помогать. Вибрации бубна позволили раскрыть его..

– И зачем он тогда рядом?

– Правила здесь такие, чтобы ангелы-хранители не скрашивали ваше одиночество. И не помогали справляться с возникшими проблемами на вашем пути. Я думаю, что вы должны это знать.

– Понятно, что совсем непонятно.

– Смотри в огонь! – шаман приложил палец к губам, чтобы я не задавала много вопросов, на которые он не стал бы отвечать.

Я посмотрела в пламя костра. Огоньки переплетались друг с другом, отталкивались друг от друга, обнимались и исчезали, чтобы тут же появиться. Это был странный танец, он завораживал и не отпускал взгляд. Шаман поднялся. Раскинул в стороны руки, тряхнул бубном и гортанным голосом прокричал что-то на непонятном языке. Потом повернулся вбок и повторил то ли заклинание, то ли просьбу. Резкий звон бубна, монотонное пение начали завораживать и втягивать в странный танец.

*– Заслышав бубен, заслышав бубен,
Запляшут духи у огня
И лгать мне будут, и лгать мне будут,
Что живой буду я всегда, —*

заменяла я слова песни.

Удары бубна были четкими, резкими, сильными, заполняя собой все пространство вокруг. Словно в мире не осталось ничего, кроме настойчивого голоса и звука бубна, и глубокого провала, затягивавшего все сильнее и сильнее. Шаман то поднимал бубен к небу, словно призывая добрых духов, то опускал к земле, прося не гневаться злых. Словно неведомые силы заставили его закружиться в ритуаль-

ном танце, убыстряя вращение, чтобы отворить двери в бездну, позволив могущественному духу преодолеть границы чужой реальности. Я зачарованно следила за древним танцем, и хлопала в ладоши в такт бубну. При каждом его движении все металлические предметы костюма сильно гремели, создавая непрерывный шум.

*А бубен желтый и рябой
Плывть будет, как луна в тумане,
И сердце, полное тобой,
И сердце, полное тобой,
Хоть ненадолго, он обманет, —*

в голове в такт бубну лилась песня, в исполнении Аллы Пугачевой.

Звуки бубна были слышны с разных сторон, то удаляясь, то приближаясь, и было такое чувство, что они были где-то внутри моей головы. Рядом со мной что-то летало. Я слышала то пiski, то хлопанье, то совиный хохот и другие непонятные шумы, появляющиеся сразу с разных сторон и сливающиеся в какую-то какофонию. Иногда мне казалось, что шаман летает, подхваченный неведомой силой.

*Гулкое эхо поет в небесах,
Племя танцует под бубны в лесах.
Вторя ночным завываниям выги,
Старый шаман заклинаньями сылет.*

Я видела, как лицо шамана искажалось, казалось, оно еже-секундно меняло маски, одна сменялась другой. Лицо шамана приобретало зловещий вид, красное пламя выплеснулось из его глаз. Вокруг все вибрировало в такт ударам в бубен и пению шамана, это отзывалось во всем теле, словно земля качалась подо мной. Голова раскалывалась от внутренней пульсации.

*Разрывается в экстазе бубен,
Истерзана душа танцора.
Путь туда, где правят духи, труден,
Охватить его не хватает взора.*

Я в трансе подошла к костру и смотрела на шамана, который бил в бубен. Все мое внимание было направлено на бубен. Шаман остановился и взглянул на меня, пронзая своими черными глазами. Они смотрели прямо вглубь души, поднимая на поверхность знания и мудрость моих предков. Обиды, боль, все самое плохое, что было в моей жизни, все, что хотелось выкинуть, забыть, не вспоминать. Вся неустрашенность и глупость, то, чего никогда не хотелось бы повторить. Все это увидел шаман, и мне стало не по себе. Все это я глубоко скрывала в себе. Шаман дотронулся до моей груди, и оттуда вверх устремилась нить. Она не была черной, а просто все цвета были тусклыми. Придя в себя, я ощутила легкость, радость, мне хотелось петь и кружиться в танце. И я

запела, чем была несказанно удивлена. Я никогда не пела, да и медведь на ухо наступил. Голос мой был чистым, звонким и каким-то волшебным. Моя песня поднималась в космос, и ударившись о звезды, рассыпалась миллиардами бриллиантов. Я не верила сама себе, но это было именно так. Внутри у меня стало светло и легко. Зазвучал бубен, и голос шамана вплетался в мою песню и звук бубна.

*Зыбкой реальности порвана нить,
Только луна продолжает светить...
Нет ничего, лишь слышатся звуки,
Пенье шамана, да бубнов постуки...*

Шаман поднял руки и начал раскачиваться на носочках, ударяя в бубен колотушкой. Звуки становились все более ритмичными. Он подтанцовывал рядом со мной, постукивая в ритм моему голосу. Пританцовывая на месте, он подпевал непонятные мне слова заклинаний или молитвы. Движения его были то резче, то более плавными. Он наклонял голову к земле, как будто что-то разглядывая, потом резко вскидывал ее вверх, и замирал на мгновение, как орел в небе.

*Он рвал руками сотни измерений,
Криком скорбным разгонял туман.
Не падал от ветра на колени,
Свой путь единственный искал шаман.*

Бубен запел совсем часто, ритм его слился в один неподражаемый звук. Мой голос как тысячи бриллиантов зазвенел в воздухе. Они мерцали, разгорались и сверкали нежным светом, и мне хотелось прикоснуться губами и пить. Слившись с миром, ощутив силу собравшихся духов, запел шаман без слов, вплетая свой голос в мою мелодию. Его голос, сливаясь с рокотом бубна, завораживал, втягивая в танец меня, заставляя открыть Вселенной свою душу. Я зачарованно смотрела за его странным танцем, где я кружилась рядом с ним как балерина, подпрыгивая и делая «па». Танец увлекал, бубен словно жил своей жизнью. Земля, Ветер, Вода и Небо закружились в танце с нами, и я была счастлива в эти мгновения. Шаман живет в удивительном мире, где возможно все, и все человеческие страхи остаются здесь. Когда последний звук бубна смолк, шаман сел на свое место. Он не шевелился и, казалось, не дышал, я не посмела потревожить. Затем плавным движением правой руки он велел мне садиться.

– Ну и какие сейчас стихи тебя теребят?

*– В изменчивом свете костра пляшут странные тени
И слышится шепот невнятный в сгустившейся тьме,
Рождая в сознании образы чудных видений,
Струится туман среди стволов и течет по земле.
...В причудливом танце шамана великая сила,
А в рокоте бубна грозы отголоски слышны.
И Ночь, колдуну подпевая, волчицей завyla,*

*Взирая на мир свысока зорким оком луны.
...К могучим богам обращает шаман свое Слово,
Закрты глаза, но все видит он лучше, чем днем.
В свой бубен ритмично ударит он снова и снова
И в бешеной пляске на миг вдруг сольется с огнем.*

– Прекрасно.

Чувствуя чей-то взгляд, я взглянула наверх и увидела красные и желтые линии заката. Это было похоже на раскисший крем, опрокинутый на небо. А в нем – глаза! Я вздрогнула и быстро прикрыла веки. Но, любопытство перевесило, и я снова подняла свой взгляд вверх. Красное свечение заката словно бы усилилось, и словно бы стали ярче желтые нити, вплетенные в него. Но, глаз уже не увидела. И что было для меня странно в этот момент, то, что я видела закат. Откуда? И сколько времени я находилась здесь? Может, два или три часа, а может, и десять или вечность. Если кто и знал, то точно не я.

*– Рокочет бубен. Дух шамана
Умчался вихрем в мир иной.
Душа раскрыта, словно рана,
Сменяет темень свет дневной.
Там, где-то на небесных тропах
Витают тени Высших Сил,
И души странствуют усопших,
Кто на Земле уже прожил.
Шамана дух в небесных сферах*

Земли грядущее прозрит.

Древна, как мир, в шаманов вера.

Рокочет бубен. Разум спит.

– Вам странно будет это слышать, но, я просто не смогла понять того, о чем вы пели только что.

– О душе!

– О душе? О моей душе? Моей душе грозит беда?

– Пока да. И тебе нужно быть осторожной, – подумав, добавил: – Ты многого не увидишь на своем пути. Но, тебе придется столкнуться и защитить себя без помощи духов. Это твой путь, и преодолеть его ты должна сама.

– Монстров? Привидения?

– Типа того. И ты должна пройти через боль, ужасы, страдания... – он сделал паузу, и в его голосе звучала боль. – Твоя дорога будет вести тебя в опасный мир. Мир, где много монстров и разных существ, непохожих на земных тварей. Их будет много, но не все будут твоими союзниками. Тебе будут встречаться и ангелы, которые будут указывать дорогу. Не давай затянуть твои мысли духам, Забирающим Разум. Они питаются ими. Не слушай духов Поющих, они отберут твой голос. Просто иди вперед. Тебе предстоит биться за свою душу. Если ты сильна, то дойдешь до конца своего пути. Я сочувствую тебе, но не имею права оградить тебя от зла, боли, ненависти.

– Вся жизнь твоя, лишь отражение,

*Потерянного навсегда,
И ты летишь, сквозь дни и время,
Мелькают люди, города,
...И ты идешь, как по канату,
Чтобы войти в открытый рай,
Неверный шаг, и вот расплата,
А если упадешь, вставай,
...И вот, когда наступит время,
В твоей мятущейся судьбе,
Тебе откроет вечность двери,
И ты исчезнешь, в тишине...*

– Твой путь – это выход в другие миры. Миры все разные. И многие души там не похожи на людей, ангелов и монстров.

– Возможно, – пожалала я плечами, представив свой путь во тьме. – Я не знаю, пока не видела, поэтому не могу судить. Но, с монстрами не хотелось встречаться. А можно вопрос? – обратилась я к шаману.

– Только не задавай вопрос о том, как ты попала сюда. А так всегда пожалуйста.

– Вот, я не христианской, ни мусульманской, ни буддийской веры. И, наверно, поэтому появились вы. А кто встречается христианским и буддийским душам? Они же не верят шаманам. Будут бояться. Их кто встречает?

– Их встречают христианские ангелы, буддийские и мусульманские божества, боги. Что ты ощущаешь после обряда? – спросил шаман, следя за моей реакцией.

– Я почувствовала, что стала спокойнее, лучше видеть, легкость.

– Постарайся удерживать свой страх в узде, чтобы не он тобой манипулировал, а ты управляла им. Идя тропой древних, не бойся. Будь уверена в своих силах. Пока стучит твое сердце, ты будешь жить! И помни, что тьма расширяет ваше видение. Она поглощает цвета, мелкое и неважное, оставляя только форму, контур и оттенок, оставляя только суть.

– Спасибо.

– Пусть охраняет твой путь ангел-хранитель. Помни, войдя в темноту, нельзя остаться ангелом. Старайся, чтоб никто не узнал, по какой дороге ты идешь. Никто, кроме ангела, который пройдет этот путь до конца.

Я стояла и не могла решиться войти во тьму. Я вглядывалась в темноту, но ничего не видела. Вдруг мимо меня скользнула какая-то тень. Я вздрогнула и отошла назад. Повернулась в сторону шамана и увидела, что он кивает головой, что мне пора идти. Я чувствовала, что мне нечего опасаться, ведь рядом со мной есть спутник, и наконец сделала шаг. Свет пламени словно расступился передо мной, выпуская из кольца. Меня сразу окутала тьма. Сделав шаг, попала на древнюю каменную дорогу. Я чувствовала ступней ровную каменную кладку, а местами выбоины и шершавую поверхность. По обе стороны дороги стояли деревья, подобные корчащимся в агонии фигурам. Кроны и стволы были утыканы огромными метровыми шипами, словно кактусы. Среди

деревьев мелькали чьи-то тени. Сгорбленные и иссушенные, они возникали неожиданно, но стоило попытаться рассмотреть их, как они тут же растворялись в тумане. Тишина давила и пугала. Туман обволакивал, дотрагиваясь своими липкими, холодными объятиями, словно до обнаженной кожи, отчего по телу побежали мурашки. Шаг. Еще один. Другой. Ступня зацепилась за какой-то корень, а может, и камушек. Я потеряла равновесие и упала на землю. Жалобный крик произвольно вырвался из горла, слезы брызнули из глаз.

– Господи! Такое чувство, что я подвернула ногу на самом деле, – воскликнула я. – Ничего страшного! Успокоились, и еще раз успокоились. Это всего лишь длинный сон, – стала успокаивать себя – Еще тут туман, как в кино, – всплыли в памяти некоторые эпизоды из фильмов ужасов. – Ладно, ладно! Пусть будет так! – крикнула я во тьму. – Не буду бояться! – прошептала себе. – Пусть это будет фильм. С ногой все в порядке. Я же не материальна! У меня не физическое же тело, а это значит, боли не будет. Все! Все! – словно читала молитву, чтобы успокоиться. – У меня все хорошо!

– Не бойся умереть в пути.

Не бойся ни вражды, ни дружбы.

Внимай словам церковной службы,

Чтоб грани страха перейти.

Она сама к тебе сойдет.

Уже не будешь в рабстве тленном

Манить смеющийся восход

*В обличье бедном и смиренном.
Она и ты – один закон,
Одно велье Высшей Воли.
Ты не навеки обречен
Отчаянной и смертной боли.*

Мне казалось, что кто-то следит за мною, я это сразу почувствовала, когда вышла во тьму. Обернулась. Я ничего не увидела. Я не скажу, что вообще ничего не видела, вдали виднелись очертания местности. Можно было различить кустарники, деревья и изредка мелькали сполохи. Закрывает глаза, чтобы себя не пугать. Со всех сторон тьмы слышалось грозное шипение и какой-то жуткий треск. Повеяло ледяным холодом, отчего даже волосы на голове застыли от страха. Я с ужасом и омерзением почувствовала, как чья-то грубая, шершавая рука дотронулась до моей души, оставляя следы когтей. От ужаса не могла пошевелиться, даже дышать не могла, мой разум вылетел от страха. Тьма – вечный холод и одиночество. Прошло какое-то время, и я почувствовала, что холод отступил. Я вновь могла открыть глаза, но паника поглощала мой разум.

*– Мрак густейший непроглядный
Вопль свирепый, безотрадный,
Искры сыплет пламень жадный
От бесчисленных костров.
Место мрачно и бездонно,*

*Жарко, дымно и зловонно,
Стоном, воем оглашено, —
Вечно жадной бездны ров.*

«Господи, где же я оказалась? – в отчаянии подумала я. – Кругом только мрак, хаос и жуткий холод. Неужели это Царство Тьмы? Чем же я заслужила подобное наказание? Я, конечно, не ангел. Но, во мне же есть и светлые и добрые чувства!»

– Да, приходилось и огорчаться, и ненавидеть, и, даже, лгать иногда. – вслух говорила я. – Как бы то ни было, нужно попытаться выбраться отсюда. Если я пробуду здесь еще немного, то я умру

*Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы.
А весной ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый,
Разобьется с треском
и в потемки
Уплывут ужасные обломки
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю в вечности покоя!*

Мне было не по себе. Один раз я отчетливо увидела женскую фигуру в длинном белом платье, которая бесшумно

скользила среди деревьев и кустов. Туман все сгущался. Без того черное небо заволокло грозowymi тучами. Густой липкий пар обволакивал меня, повиснув плотной стеной. Дорога стала петлять между скалами. Ни одно деревце, ни один куст не росли. Путь был только один – вперед! Бежать, и бежать, пока не упаду. Я несколько раз спотыкалась и падала, задевая камушки, все чаще попадавшие под ногами. Холод все усиливался. Кожа покрывалась мурашками, ледяные порывы ветра пробирали до самых костей. И ужас, холодный липкий ужас подбирался к горлу. Тягостное состояние усугублялось с каждым шагом. Вдруг я почувствовала необъяснимый прилив страха, а также ощутила, как тонкие волоски на теле встали дыбом, сердце гулко затрепетало в груди. Паря над землей, ко мне стали приближаться фигуры в черных плащах до самых пят. Лица были бледными и каменными, как мраморные маски.

– Час от часу нелегче! – воскликнула я, рассматривая с широко раскрытыми от ужаса глазами. – А сказали, что не умру!

«Неужели, пришла смерть? – подумала я. – Это-то в мои планы не входило. Спокойно, спокойно! Не будем впадать в панику. Все будет хорошо!»

– Ты окружена тьмой, – я вздрогнула, когда один прошелестел.

– Смотря какая тьма, – дерзнула я, пытаясь таким образом успокоить свое сердце.

– Нет, это тьма в тебе самой, – сказал другой.

– Душа человека отягощена побуждениями, страстями, эгоизмом, гордыней, жадностью, вожделением, симпатиями и антипатиями.

– А я тут при чем? Я здесь случайно, чтобы посмотреть как вы тут живете, – съязвила я, пытаюсь засмеяться от своей черной шутки. Они не поняли моего юмора и продолжали приближаться. – Здесь мне кричать или бежать? Хотя, я уже и так кричу от ужаса.

Они медленно приближались. Страх накатывал волнами. Перед глазами замелькали самые ужасные мысли. Ощущение времени исчезло, мне стало казаться, что в этом мире кроме кровоточившего комка боли, обжигающего и пожирающего меня, ничего не осталось. Горящий от боли мозг, что может быть страшнее! Неожиданно сознание отделилось от боли. Перед моим внутренним взором запыльхали черно-багровые языки. Я чувствовала, что сердце разрывается на части – от сострадания, от страха за себя несчастную, от ненависти к равнодушным, бросившим меня здесь одну. Голова кружилась. Быть заточенным в мире, где безумие, страх и забвение, – это лишь было только начало моих страданий. Я понимала, что никто не поможет, кроме меня самой. Ледяной холод одиночества в душе, вот что я почувствовала. Одиночество. Холодное одиночество. Его чувствовал каждый хотя бы раз в жизни. В нем нет ничего пугающего. Избравший тьму не более одинок, чем тот, кто идет по светло-

му пути.

– Это уже не смешно! Может хватит пугать?! Я люблю одиночество. Меня этим не запугать. Любой из нас одинок, потому что все люди разные, и не стоит бояться остаться одному. Вот!

– Ты хотела посмотреть, каков твой мир в душе? – спросил кто-то

– Не знаю, что и сказать, – виновато произнесла я, в который раз поднеся руку к слезящимся глазам. Мне не хотелось верить, что в моей душе столько тьмы.

*– Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, —
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...*

– Ты слышишь? Это твоя душа плачет.

– А почему бы ей не плакать, когда находишься в этом страшном мире? Вы пугаете и ждете, что она будет смеяться от счастья?

– Ты дерзишь!

– А как тут не дерзить, когда страшно?

Впрочем, я не любила делать поспешных выводов, а потому терпеливо ждала дальнейшего развития событий. Но, меня что-то стало сильно беспокоить. Боль? Страх? На моем

лбу выступили крупные капли пота. Страх за себя, за свое будущее усилился. Собрав всю волю, я начала рассуждать, чтобы найти рациональное объяснение происходящему. Как и прежде, чтобы избавиться от него, я попыталась прибегнуть к самовнушению и к испытанному приему превращения энергии страха в какое-либо повеление. Но на этот раз добиться желаемого не получалось. Проще всего было расслабиться и смириться с собственной участью, но меня, почему-то не покидала надежда освободиться из этой ловушки, которую сама для себя сотворила. У меня задрожали колени, забилося сердце и пересохло во рту. Отдавать просто так свою душу, я не собиралась.

*– Если душа заброшена, забыта,
В мире зла, где ложь и суета,
То будет она изранена, избита
Человеком, который
Совсем не ценит себя.
Растопчет он свою душу,
Убивая в ней ростки добра.
В его душе останется
лишь пустота!
И будет бродить она по свету,
Искать себе приют.
И всюду будет гонимой,
Пока Бог не подберет.
Береги свою душу!
От тех, кто пытается ее*

– Во-о-от о-он, твой ад-ддд! – прошипел кто-то над ухом.

– Что ко мне пристали? Подумаешь, что тут хоть глаза выколи. Я-я-я вас не боюсь, – но голос предательски дрожал. – Да пошли вы со своим пуганьем.

– Только ты сама можешь выпустить себя из своих тисков темной души.

– Это твоя тьма! – сипела маска, пытаюсь коснуться меня.

– Ты сама себя добровольно заточила в мире тьмы.

– Ага, делать мне нечего заточать себя среди вас! Пропустите меня и нечего кружиться возле меня, – попыталась показать, что я не боюсь их. – Прочь.... Прочь отсюда.... Бежать! Но... куда бежать?

– От себя не убежишь! – зловеще хохотнул кто-то так, что внутри у меня все сжалось.

– Ты должна бороться с ней, – говорили летающие друг за другом существа, словно старались загипнотизировать.

– Бороться? С кем? – слеза скатилась по щеке, оставив за собой дорожку.

– Со своей тьмой, – прогундосила одна из масок

– Неужели, мой мир такой темный? – заплакала я. – Неужели у меня нет ничего чистого и доброго? Мамочка... Мама! – уже кричала я сквозь слезы. – Помоги мне, мама! Что мне делать? Я не смогу больше здесь оставаться, – я упала на колени, сжала кулаки и стала бить ими по земле.

– Освободи тьму в себе, – шипели маски.

– Как?

– Здравствуй, Анджелайн! – сказал кто-то мягким грудным голосом.

– Ты в моей душе?

– Да!

– Что ты там делаешь?

– Ты сама впустила меня! Вы знаете, что мы никогда не приходим без приглашения.

– Ты моя совесть?

– Нет!

– А кто?

– Твоя Тьма!

– Я должна с тобой сражаться?

– Нет!

– А мне сказали бороться!

– Ты неправильно поняла смысл сказанного.

– А что тогда я должна сделать, чтобы ты ушла из моей души?

– Пойдем со мной, я что-то тебе покажу! – пригласила Тьма в путешествие по лабиринту моей души, вместо ответа.

Щелчок, и я словно попала в какое-то помещение. Дверь захлопнулась передо мной, где сразу окутала непроглядная темнота. Ничего не видно. Кругом кружила тьма, и ощущение своей полной неприкрытости заставляло инстинктивно поеживаться.

– Смотри, какой твой внутренний мир!

– Я внутри себя?

– Да!

Затем Тьма быстрым жестом дотронулась до груди. Оттуда вырвалось яркое свечение, а затем появился многогранный кристалл, переливающийся на свету. Я почувствовала не столько его мощь, а удивительное упоение радостью, которая охватывало все мое существо. Лучи света насквозь пронзали меня, и я испытывала блаженство, вся без остатка превращаясь в одно большое чувство, становясь частицей света. Я как никогда была бесконечно счастлива, устремившись к кристаллу всем своим существом. Однако что-то мешало полностью слиться с ним. И тут я поняла. Это Тьма преграждала путь к источнику света. Тьма взяла в руки алмаз и осмотрела его. Я негромко вскрикнула, когда ощутила холодок, словно кто-то прошелся, и чуть не потеряла сознание.

– Что это?

– Твоя душа! – повертев в руках кристалл, ответила моя Тьма. – Душа твоя – вот этот неограниченный алмаз. А ты, – она мягко подчеркнула, – ювелир своего кристалла. И все зависит от тебя, какую вы сделаете огранку. А для того, чтобы алмаз играл всеми красками, нужно его шлифовать каждую секунду. Но, – протянула моя Тьма, – может испортить всю красоту вашего алмаза один только неверный, пусть даже маленький шаг, одна гаденькая мысль, – Тьма приподня-

ла камень вверх, показывая его мне, – и вся твоя работа пойдет насмарку. И тогда снова долгие годы труда.

– Мне мама говорила об этом. Часто она любила говорить, что алмаз нужно чистить, чтобы он сиял всеми красками жизни. И я всегда старалась делать только добро, чтобы он сверкал. Трудно делать добро, легче кому-нибудь причинить зло.

В этот момент сечение алмаза потухло, он стал темнеть. Я перестала испытывать исходящую от него энергию тепла.

– Почему он стал темным? – стон сожаления вырывается у меня.

Я почувствовала себя не совсем удобно, словно меня просвечивали насквозь. Вдруг ощутила, как вокруг меня все начало двигаться, упорядочиваясь, и все разрозненные мысли и воспоминания стали обретать очертания. Сама вместе с ними становилась частичкой своей души.

– Потому что черная энергия сильнее, чем светлая. Пошли.

– Куда?

– Смотреть, что у тебя в душе творится и кто там живет.

Тьма повела по лабиринту моей души. Здесь, как я поняла, должна пройти свое внутреннее чистилище. Через призму своих чувств, с помощью которой моя душа подвергнется анализу, я увижу в самых потаенных ее уголках, какова я на самом деле, без примесей и оценок других людей. На встречу ко мне выходили люди в черном.

– Кто это? – в страхе меня передернуло.

– Твои мысли и поступки.

– Но они живые!

– Да! Живые! Вы их сами оживляете.

Я даже почувствовала, что они гуляли в моей душе, словно хозяева. Поступки и мысли черным пятном лежали в моей душе. А где-то в этой вязкой темной массе скрывался алмаз. Я была от этого в ужасе.

– В мире так много горя и несправедливости, – стала оправдываться за этих темных личностей, которые чувствовали себя в моей душе комфортно.

– Мир, который вы создаете в своей душе, ограничен четырьмя стенами и множеством дверей. За каждой дверью находится лабиринт.

– Да, наверное, – задумчиво ответила я, пытаясь сосредоточиться на объяснении.

– Не будь слишком требовательна к другим, ведь все свои беды ты создала сама.

Одно из существ был чернее, чем остальные. Существо было неопишимо омерзительным. Из полуоткрытого рта, истекающего слюной, высовывались гнилые клыки. Горящие ненавистью глаза и темная энергия, окружающая его, говорили сами за себя. Я чувствовала, как ненависть все более замутняет мое сознание и подчиняет волю, разжигая желание заглушить мучительную боль, это причинить боль кому-нибудь. И хотя я была убеждена, что зло в ответ порождает

ет только зло, однако в данный момент было такое чувство, что кто-то навязывал жажду чей-нибудь смерти.

– Это моя ненависть?

– Да!

От распирающей ненависти ко всему, и прежде всего к самому себе, от беспомощности, я в отчаянии несколько раз ударила по стене. Ужас застыл на моем лице. Перед глазами стали пролетать фрагменты из детства, юности и молодости. Я увидела много неприятных моментов, которые хотела забыть, вычеркнуть, вырезать. Все эти воспоминания пронеслись в моей памяти за несколько мгновений, напомнив о реальном содержании прожитой жизни. Сейчас я ненавидела всех и вся, и прежде всего себя за ту злобу, которая торжествовала в моей душе.

– Это зло убьет меня! – проговорила я, с ненавистью глядя в пространство, будто пытаюсь разглядеть что-то, что неподвластно. – Как мне все это надоело! Это просто невыносимо! Я ненавижу всех, и все ненавидят меня! Я всем чужая, и все вокруг чужие! Мне никто не верит. Никто не хочет мне помочь. Нет, я этого не вынесу!

– Чужой – это не тот, кого принимают за чужого, а тот, кто воспринимает других как чужих.

– Неправда! – произнесла я. – Злым человека делает не то, что его не понимают, а то, что не стараются понять.

– Страх делает вас врагами и создает для вас врагов – страх, что вас лишат того, что вы имеете. Именно страх по-

рождает зло!

– Страх? – переспросила я.

– Страх, что над вами могут посмеяться, – стала разъяснять Тьма. – Страх, что могут отобрать ценное. Страх, что надругаются над самым дорогим, что вы храните втайне от всех. Страх, что вам не ответят и лишат дорогого. Именно он заставляет страдать и делает людей врагами.

– Но, как на зло отвечать добром, как любить врагов, как преодолеть ненависть? Как? Говоря по правде, мне тяжело с людьми, а им тяжело со мной. Мы друг друга не понимаем, точнее, они не понимают меня. Я устала оправдываться и доказывать, что вовсе не такая, какой они меня представляют. Они создают из меня монстра. Они видят во мне самих себя и боятся. А потому предпочитаю быть одна. Я не хочу бороться сама собой и приспособливаться, чтобы быть как все, поскольку не считаю это правильным.

– Любой страх функционален и произведен. Ненависть – это порождение страха.

– А если в ответ я получаю только ненависть? Как быть тогда?

Я сейчас ненавидела Тьму за то, что та победила, одержав верх не только над моей душой и над той любовью, которая еще недавно жила в ней надеждой. И нет теперь другого способа справиться с победившей ненавистью, кроме как раздавить ее в себе самой. Я, морщась от душевной боли и холода, сделала еще несколько шагов в сторону. Остановилась,

терзаясь собственными мыслями, то согреваясь, то вновь замерзая. Сколько времени прошло, я не знала – здесь нет времени. Все больше ощущала себя в приемной больницы, где в ожидании вызова дают возможность подумать.

– Ненависть – это лишь невестребованная любовь.

– Виноват каждый, кто подталкивает другого к совершению зла. Я тоже стала заложницей отчуждения. И даже искреннее раскаяние кардинально не изменит отношения к другим, поскольку на фоне злого человека очень удобно выглядеть ангелами. И нет людей с абсолютно светлой душой. Поэтому и говорят, что чужая душа – потемки! – как-то обречено сказала я.

– Ты права! – улыбнулся собеседник. – Если бы душа человека была открыта, то весь мир стал бы черным от мыслей и похоти людей. Каждый скрывает в своей голове очень черные, недобрые и злые мысли. Чужая душа всегда закрыта, и поэтому люди могут и не знать, что думает в это время их собеседник.

– Так как же быть? Не существует понятий «абсолютно плохой» или «абсолютно добрый» человек. Все зависит от нашей оценки. Все мы имеем положительные и отрицательные качества. Если мы сталкиваемся с условиями, в которых проявляются плохие качества человека, то говорим, что он плохой. А если мы видим того же человека в условиях, когда проявляются его положительные качества, то говорим, что он хороший, и возникает привязанность. И то и другое

мнение исходит из неправильного представления. И как творить добро, когда вокруг много зла?

– Злоба возникает, когда не получается быть добрым. Поэтому неправильно осуждать людей. Ведь каждый человек желает добра, даже если творит зло.

– Но откуда, же в людях столько злобы?

– Все это от страха и неумения любить.

– Но разные люди имеют различные мнения. И из-за того что люди легко приходят к разного рода выводам, они легко впадают в состояния гнева, эйфории или депрессии.

– Да, ты права, гнев возникает оттого, что вы даете неправильную оценку людям и их поступкам.

– Значит, что человек сам делает себя чужим, замыкаясь или поворачиваясь к окружающим с подозрением и страхом. Как правильно воспринимать людей?

– А ты прости. И сразу станет легче.

– В душе-то я их давно простила, и нет у меня на них никакого зла, – попыталась оправдаться. – Но дело в том, что они поступают нечестно, несправедливо.

– Значит, на самом деле ты их не простила, – заключила Тьма.

– А за что их прощать? – вдруг заупрямилась я, и с обидой спросила: – А что вы хотели? Чтобы мы впускали всех со злыми намерениями, и они топтали наши души? Никогда! – злорадная улыбка промелькнула у меня на лице. – Я буду защищать себя тем же, чтобы не пострадать от них.

– Поверь, это нужно, прежде всего, тебе самой. Ведь именно тебе сейчас хуже всех.

– Я всегда страдала от непонимания. Мне приписывали несуществующие качества, и, конечно же, искривленное представление окружающих обо мне никоим образом не соответствовало тому, какой я была в действительности. А все потому, что каждый старается судить о другом, невольно сравнивая с собой, и, приписывая другому отрицательные качества, тем самым возвышает себя. И все, что они сейчас обо мне думают, вызывает лишь чувство обиды и горечи.

– Все зло в вас самих. Вы сами создаете себе врагов, когда переносите собственные недостатки на окружающих. Ваше отношение к другому – это зеркальное отношение к себе самому.

– Мы все нуждаемся в том, чтобы нас понимали и прощали, все хотим любви, даже когда боимся и бежим от нее.

– Ты любила больше всех себя, так чего же удивляться, что и окружающие поступали точно так же. Ведь они принимают тебя настолько, насколько ты впускаешь в свое сердце, а все проявления заботы и внимания к тебе есть зеркальное отражение собственного участия в жизни окружающих людей.

– У каждого из нас больше тьмы, чем света.

– Добро требует самопожертвования, и потому его труднее предпочесть, тогда, как зло соблазняет видимой легкостью и обманчивой быстротой достижения желанного ре-

зультата.

– Быть может, людям необходимо иметь врага, чтобы, отражаясь в нем, видеть свои воображаемые достоинства.

– Не бойся быть чужим, но и не бойся чужого. Только любовью ты сможешь преодолеть темное в себе, и только с помощью любви ты перестанешь быть злой.

– Нужно многое взвесить и сделать правильный шаг.

Вид у меня был растерянный. Мне никто в лицо не говорил о том, что в душе больше тьмы, чем светлых моментов. Я сейчас не знала, куда идти. Меня окружила абсолютная тьма. Шаг за шагом, как слепая, я пробиралась на ощупь вперед, туда, где недавно был свет.

– Ты здесь?

– Пока да!

Вытянув руки в разные стороны, я кончиками пальцев могла коснуться обеих стен. Медленным неуверенным шагом, смотря под ноги, словно, я могла в кромешной тьме что-то увидеть, на ощупь продвигалась вдоль стены. Темнота такая, что не видно даже пальцев своих вытянутых рук. Неожиданно стены стали расходиться в разные стороны. Развилка. Куда идти? Пошла вдоль стены, и наткнулась еще на одну стену. Мной завладел, чуть ли не животный страх. Страшный, мрачный мир души, в котором нет места ничему и никому. Этой мой мир и мне не хотелось здесь оставаться. Здесь нет даже малейшего намека на жизнь. Ни запаха, ни звука, ни искорки света. Тело вновь пробил озноб, и «кожа»

покрылась мурашками.

– Безумие сменяется паникой, смятение сменяется паническим страхом, – усмехнулся один из встречающих.

Передо мной из темноты предстала сгорбленная, мрачно-серая фигура, лишенная лица. Я удивилась, что не закричала в голос от безумного ужаса.

– Мы питаемся вашими страхами, ненавистью и злобой, – произнес один из них.

Я побежала. Куда бежала, не знаю, но голос не смолкал:

– И куда ты бежишь, прекрасный ангел? От себя не убежишь!

Из каждой тени выходила фигура, они были повсюду. Я уперлась в стену – тупик, идти некуда. В моей памяти вдруг всплыли неприятные деяния, когда скрывала, лгала близким. Да, я лгала, как, наверное, каждый из людей в страхе лжет в трудную минуту. Все люди грешили, грешат и будут грешить. Я заплакала от бессилия, но никто не видел моих слез. И чем сильнее плакала, тем быстрее на место ненависти и боли приходило отчаяние. Я чувствовала, что теряю веру в людей, и не могла объяснить, как и почему так случилось, что место любви заполнила ненависть.

– Не приходи в часы раздумья,

Когда наводит демон зла,

Вливая в сердце яд безумья,

На нечестивые дела;

...Когда внушеньям духа злого,

*Как низкий раб, послушен ум,
И ничего в нем нет святого,
И много, много грешных дум.
...Закон озлобленного рока,
Смерть, надо мной останови
И в черном рубище порока
Меня на небо не зови!*

– Некрасов! – улыбнулась Тьма. – Ты от себя не убежишь, пока не освободишь себя от темных оков.

– Я защищалась! – стала я оправдывать свои действия. – Я пыталась не причинять зла и не обижаться. Но, они вынуждали меня в ответ наносить им боль.

– Ты лгала! – эхом пронесся в голове голос.

– Невозможно представить жизнь безо лжи. Спросите у любого человека, зачем он лжет, и он вам не ответит. Люди лгали, лгут и будут лгать, потому что для них это так естественно.

– Всякая ложь – это обман, прежде всего, себя, – услышала я чей-то голос. В памяти возникла мама, которая часто повторяла, когда я пыталась солгать: «Не обманывай, прежде всего, себя. Тогда не придется искать для себя оправдания».

– Маленькая ложь – не ложь. Самообман утешает, без него не прожить, – ответила я в свое оправдание.

– Всякая ложь губительна – признайся в этом. Правда делает человека свободным, ложь – пленником собственной лжи.

– Тогда почему люди лгут, обманывают друг друга?

– Ложь один из наиболее часто употребляемых приемов общения, чтобы защититься от чужого внушения. Но, ты должна была побороть в себе это чувство.

– Как? Не могу! Стоит ли удивляться, когда только в одном случае из десяти люди говорят правду?! Люди гораздо чаще и с большим удовольствием лгут, чем говорят истину. Если мы будем всегда говорить правду, то мы убьем друг друга.

– А ты постарайся говорить правду.

– Своей прямоотой я вызываю неприязнь у многих. Может быть, потому и не было у меня близких друзей? Хотя, настоящих друзей не бывает много! Отберите у человека возможность лгать, и жизнь его превратится в кошмар. Ложь спасает, хотя и создает при этом проблемы, без которых, однако, невозможно представить человеческое существование.

– Не может быть лжи во спасение. Даже сиюминутная неправда губительна, поскольку прозрение правды неизбежно, а доверие вернуть невозможно; и это тоже стимулирует продолжение лжи.

– Люди гораздо легче соглашаются быть обманутыми, нежели предпочитают узнать еще одну разоблачительную правду. Все или большинство человеческих проблем созданы ложью и существуют вокруг лжи.

– Пойми, ложь причиняет невероятную боль и крадет свободу. Именно она становится причиной беспокойства, оби-

ды и депрессии.

– Как могут верить тебе другие, если ты пытаешься обмануть не только их, но и себя?

– Разве мечта не есть ложь? А фантазия?! Люди гораздо чаще и с большим удовольствием лгут, чем говорят правду.

– Не нужно путать мечту и фантазию с ложью. Они совершенно разные.

– Да и что будет, если люди начнут говорить одну только правду? Людям нужны простые земные радости.

– Ничего не будет. Чище будет ваша душа.

– Я за свою правду получаю только негативное отношение людей. Они отворачиваются от меня, когда я стараюсь быть честной. Я стараюсь любить этих людей, любить и говорить правду. Неужели мои слова настолько их раздражают, что они готовы избавиться от меня?

– Люди лгали бы меньше, если бы думали, что существуют точные признаки обмана.

– Лучший способ солгать – сказать правду так, чтоб никто не поверил.

– Хочешь увидеть, как выглядит ложь? – спросила безликая фигура.

Я отрицательно помотала головой. Мне не хотелось видеть что-то ужасное, что поселилось в моей душе. Но, против своего желания ухватила за руку Тьмы. Моя рука ощутила ледяной холод. Тьма провела по узкой лестнице, кончавшейся наверху площадкой с единственной дверью. Тьма улыбну-

лась так, что я съежилась. Запах, сначала слабый, становился все сильнее и сильнее. Я хотела вырвать руку, но хватка была железной. Медленно открылась дверь. Вонь окатила волной, и меня чуть не вырвало. Я уперлась, не желая входить. Но, Тьма, не обращая внимания на мое сопротивление, протащила через порог в вонючую комнату.

– Смотри, как выглядит Ложь на самом деле.

В узкой комнате было темно и пусто. К стене было что-то привязано. Оно было черное, сочащееся гноем. Кожа трескалась и кровоточила. Я смотрела и не понимала, как в моем мире души могла возникнуть такая комната. Глаза отказывались смотреть. Я лишь поняла, что это Ложь, которая сейчас не подпитывается моей энергией. Черное лицо повернулось к вошедшим, и на нем открылись глаза, в которых мерцал искусственный свет. Глаза, которые обещали радость, тайну и наслаждение. На грани полной паники я боролась с головокружением и с чувством, что чья-то чуждая воля притягивает меня, что грязное чудовище манит гипнотическими чарами. Я вскрикнула от ужаса.

– Не такой ты представляла ложь?

– Все мы кому-то лжем. Кто-то самым близким людям, чтобы сохранить их, кто-то совсем незнакомым, пытаюсь скрыть свои чувства.

– Я задала вопрос! Не уходи от ответа.

– Если ты знаешь ответ, то зачем спрашиваешь?

– Мне хотелось бы услышать.

– Она бывает разная. Для некоторых она красивая, приятная, льстивая, для других темная, жалкая. Но, какая она в сущности, я сейчас увидела.

Едва я произнесла эти слова, как Ложь задрожала всем телом, ее лицо, если это можно было назвать лицом, сморщилось еще сильнее, покрылось глубокими морщинами, на спине вырос безобразный горб, волосы потускнели. Воспоминания о совершенных когда-то и давно позабытых хороших поступках усиливали пламя, согревая ее, то от осознания содеянных грехов оно затухало.

– Вот ты и увидела только часть своей темной души.

*– Я так устала быть в плену обмана,
Мне надоело жертвовать собой.
Я спрятаться пытаюсь от тумана,
А он бежит, охотится за мной.
Нет сил уже доказывать и верить,
Я пыль из глаз устала убирать.
Ну, сколько можно ложь терпеньем мерить?
Пойми, нельзя к сомнению привыкать.*

– Хорошие стихи! Надеюсь, ты не дашь энергию для Лжи?

– Да, я никогда чужие произведения не воровала, – вымученно улыбнулась я. – Это стихи Елены Дашановой. – Каждому человеку интересно узнать, что скрывается у него внутри. Каждый, в большей или меньшей степени, хочет знать, как он устроен.

– И каждая душа здесь видит свою внутреннюю сущность. Пойдем, тебе еще нужно много пройти, – ангел заботливо взял меня за руку и вывел. Тьма, нависшая надо мной, стала постепенно отступать. – Только не позволяй ненависти ослепить себя, Анджелайн. Бессмысленно биться головой о кирпичную стену; этим ты лишь ускоришь собственную гибель.

Я огляделась. Мир, словно обволокло призрачным туманом. В нем смешалась и серебряная изморозь, и красная пелена, как будто по миру распылили кровь. Не знаю, почему, но мне вдруг захотелось взлететь.

– Рано еще взлетать, – остановила меня Тьма. – Пока душа в оболочке лжи, обмана, крыльев не будет. Душа – это огромный твой мир. А там много дверей, куда бы желательно зайти и посмотреть, что там творится.

– А если я не хочу?

– Придется пройти и увидеть.

Моему взору открылся удивительно лучезарный простор из перламутрового света.

– Что это?

– Выход.

– Не знаю, что будет дальше и для чего все это, но такое чувство, что действую, словно по давно заведенному правилу. Не жду, но готовлюсь.

– Не прощаюсь!

«А хотелось бы! Если Бог есть, то разве он может обречь человека на адские муки в качестве платы за совершенные»

грехи? Ведь Бог заповедовал нам любить и, более того, воз-
любить врага своего. Если мне никто не простит грехи, то
как же смогу я прощать?» – думала я.

IV

*В банальной логике святого,
На перепутьях адской тьмы,
Сознание бытия земного,
Полет сквозь тонкие миры!
И с верой идеалам света
Идеи темные слились,
Все те, кто верит в силу Сета
В бездонной ложе обнялись!*

И. Тимофеев

Пока я шла, вдали появлялись силуэты людей, духов, монстров. Бесформенные, молчаливые, они были похожи друг на друга, и мне казалось, что десятки людей ходят вперед-назад, как и я, ждут чего-то, дрогнут и молчат, и думают о чем-то своем, загадочном и печальном. Они неслышно вырастали за моей спиной, большие и темные. Двигались мимо меня и, таяли словно дымка, или внезапно исчезали во тьме. И снова появлялись сбоку или передо мной, равнялись и медленно таяли в сером пространстве.

*– Страшнее нету одиночества,
Чем одиночество в толпе,
Когда безумно всем хохочется,
А плакать хочется тебе...*

Внезапно яркие лучи света осветили арку, словно перед ними открылись ворота. Силуэты поплыли к ней. Я двинулась тоже. Меня как будто затягивало в этот лабиринт. В детстве, наверно, многие во сне проходили такие длинные коридоры, где гонимые страхом бежали от кого-то и куда-то. Сейчас я также стремилась вырваться с этих узких коридоров лабиринта. Они словно давили на меня с боков, сверху, стараясь протиснуться сквозь узкие проходы. Я попыталась бежать, чтобы найти конец коридора и выйти. Но он оказывался продолжением другого, еще более узкого и душного. В ужасе и в страхе я медленно продвигалась по бесконечному сужающемуся коридору туда, где, как мне казалось, ждет липкое, красное, возможно черное, бесформенное месиво, готовое поглотить.

– И снова этот лабиринт, – протянула я, оглядываясь на безмолвных духов, которые заходили в двери и выходили. – Мы так и будем здесь бродить? – но, все были заняты собой и стремились найти выход.

Подойдя к одной из дверей, я остановилась в нерешительности. Решила проверить, что там, за дверью. Протянув руку к ручке, задержалась. Потом решительно дернула на себя дверь, которая с каким-то шумом раскрылась. Комната была темной, где-то мелькал слабенький огонек. Я заглянула внутрь, придерживая дверь, чтобы невзначай не захлопнулась, прищемив при этом голову. Постояв несколько секунд неподвижно, прислушиваясь к тишине и не обнаружив ниче-

го необычного, я успокоилась. Медленно шагнула в комнату. Но, как мне показалось, кто-то подтолкнул меня. Я чертыхнулась, разозлившись на того, кто толкнул, и невольно пришлось войти. Прошло время, но я не могла понять, сколько именно – секунды, минуты, часы. Приоткрыв глаза, обнаружила, что все еще нахожусь во мраке какого-то помещения. Мягкий свет освещал пространство вокруг.

– Простите! – громко подала голос, направляясь к свету. Комната была абсолютно пустой, и что было самое удивительно – стены были украшены чьими-то портретами. – Здесь есть кто-нибудь? Эй! Кто-нибудь! – мои слова эхом отражались от стен.

Стало вдруг страшно, и я попыталась успокоиться, дышать ровнее и не паниковать раньше времени. Вдруг передо мной возникла рожа. Да, именно рожа, а не лицо. Она была коллажем из тысяч чужих черт – лиц, искривленных и перекроенных, которые встречала сотни раз – такое, казалось бы, знакомое и в то же время совершенно неизвестное. Дикий блуждающий взгляд, как у помешанного, сидящего на стальной игле или нюхающего райский порошок – пыльцу высушенных трав. Но, несмотря на пустые глаза и выпученные зрачки, он, скорее всего, был слеп. Из щек и губ торчали тонкие антенны, вроде тех, которые имеются у крыс. Такое чувство было, что он был грязный и вонючий, укутанный во что-то мягкое; разве что у него отсутствовал хвост и мерзкий тонкий писк.

– Преступница! – прохрипел дух комнаты, появившийся из мрака.

– Нет! Я Анджелайн! Я ищу выход отсюда, – вздрогнула, с ужасом понимая, что это мои преступные мысли, в виде этого чудовища.

– Преступница! – повторил он, словно приговаривал меня к смерти или на пожизненное заключение. – Твоя душа ничтожна и омерзительна! Ты много совершила мысленных преступлений, – не отводя от меня отвратительных глаз, сказал судья-палач. – Твои мысли преступны и ужасны! – прохрипел он.

*– Я почти не живу – обвиняю, пишу приговоры,
Отпускаю грехи, умираю, рождаюсь опять...
Лабиринтами дней – одиночеств моих коридоры,
Не найти в них себя, не понять, не простить,
не обнять...*

– Что мне делать? – охватила меня дрожь от таких обвинений. Дерзить не хотелось. – Как мне очиститься от темных мыслей? – Возразить было нечего. Я и сама знала, как злоба и горечь давят мою грудь, что попала в этот край из-за своих же грехов, которые поселились в душе.

– Признаться в своих обидах! Признаться себе, что не сумела сохранить чистоту своей души.

Как прожил, так будешь умирать,

*Раз грешил, придется отвечать.
Он раскроет суть простых вещей,
И поведает о тьме.
Та тьма, что в тебе живет,
Поглотив тебя, она убьет
Не без помощи его,
Освободит тебя он от нее.*

– Освободиться!!! Ну да, легко сказать.

До рождения человека, в душу вносятся множество прекрасных черт и признаков: материнские переживания, события окружающего мира, радость, добро, влияние планет, которые застывали в их линиях жизни. Оставалось человеку не только закрепить все чистое в своей душе, но и работать над ней. Но, не все пытались работать над собой, нести в мир чистоту своей души. В свои сознательные годы жизни, пытаюсь объяснить повороты своей судьбы, свои поступки и действия, я находила эти объяснения в видимых причинах и побуждениях. Но тайно догадывалась: за внешними побуждениями кроется глубинная, запечатленная в человеке судьба, незримый, оттиснутый в душе отпечаток.

– Вспомни, прости и отпусти, – услышала я. – Освободи себя от темной силы, гущающейся сейчас в твоей душе.

– Что отпустить? – хотя, я прекрасно осознавала, что должна простить себя и покаяться перед собой, чтобы освободиться от этого тяжелого груза.

– Неужели ты собираешься обманывать себя вечно? –

на губах рожии появилась самодовольная улыбка.

– Обида пулею шальной

Поранила меня...

И в горле ком, и в сердце боль,

И в духе пустота.

...В груди как будто бы свинец.

В глазах дрожит слеза.

Я не могу забыть, Отец

Обидные слова...

...Я не могу простить, Господь!

Я не могу простить!

Как мне прикажешь теперь быть?

Как я могу любить?

Я ощущала ту дрожащую струну, что сейчас оказалась натянутой в душе, и не могла ее ослабить. Острые и холодные иглы, что проникали до самого сердца и кололи ее тоской и гневом бессильного ожидания. Я никогда не думала, что мне придется копать в тайниках своей души в этом страшном, одиноком месте. Хотя читала о страданиях и мучениях грешников в аду. Мне казалось, что вот это место хуже ада. Здесь нельзя было укрыться от всепоглощающего гнева, боли и обиды. Они просачивались сквозь мое «тело» и копались в моей памяти, вытаскивая самые отвратительные моменты. Иногда обида настолько захватывала внутреннее пространство, что оно становилось вообще неспособным

воспринимать мир хоть с какой-нибудь другой позиции, кроме как поделив его на «плохих» и «хороших».

– Прекратите! Прекратите! Прекратите! – Я закрыла лицо руками, чувствуя, что слезы брызнули из глаз. – Как вы можете?!

*– Я поняла – это тюрьма,
Я, как побитый зверь,
В цепях своих заточена...
Как можно жить теперь?
...И вновь Ты где то там, внутри
Шепнул мне тихо: «Стой!
Оставь обиду позади
И обрети покой».*

Обида, нанесенная в детстве, растет с годами до огромных размеров, заслоняя собой другие аспекты жизни. Обида – это смесь злости и бессилия, которую нельзя выразить открыто. Она преломляет и искажает взгляд на мир, принося все новые и новые страдания. Человек как будто лелеет свою боль и обиду, словно не в силах расстаться с ней. Ощущение бессилия, невозможности защититься и постоять за себя. А это значит – он жертва своего внутреннего мира. Чем больше бессилия в жизни человека, тем больше он – жертва. А жертва, как известно, притягивает насилие – физическое и эмоциональное. Мало кто способен слышать и слушать слова без гнева – не каждому рассказывают о невыска-

занных помыслах и непрощенных поступках. Каждый старается увидеть и слышать о тех, кто сгорел в пламени его гнева, ненависти и о тех, чье пламя он погасил.

*– Жалкая, подавленного вида,
На тебя нахлынула обида...
Сжала горло, затемнила разум,
Все на свете отравила разом, —*

прочитала я отрывок из стихов Л. Щипахиной. —

*Зло остынет. Горе притупится.
Боль минует. И беда промчится.
Все пройдет. Загладится. Сотрется.
Все пройдет – обида остается...*

– Работай, работай над собой, – вновь прервал мои думы монстр. – Постарайся, чтобы темные стороны души оставили тебя.

– О! Господи! Неужели, все это мои мелкие обиды, зависть рождает в душе моей темных мелких монстров? – задала вопрос не столько монстру, сколько себе. – Боже! Неужели, мы сами себя топим в этой темной массе? И кого же я старалась обмануть? Только себя, – ответила на свой же вопрос. – А мы думаем, что никто не узнает наших мыслей, – пронеслось в голове.

*– Не храните обиды под сердцем,
Отпускайте на волю, прощайте.
Есть от горечи старое средство,
Вы обидчиков благословляйте!*

– Вот, вот! Не храни свои обиды как бриллианты. А то носятся и носятся со своей обидой, лелеют, баюкают и прячут глубоко под сердцем. Если ты виновата, то признай свое заблуждение, скажи всем правду. Но не такую, в которую могут поверить другие, а такую, которая нужна тебе для того, чтобы изменить себя.

Я понимала, что вся прожитая мною жизнь с ошибками, с неудачами и нравственными успехами встанет ярко и четко, прежде всего, передо мной, и я должна увидеть и различить, что было хорошего и чистого и что – темного и ужасного. Все мысли от обид и боли, нанесенные людьми, превращались в маленьких и гадких монстров, меняя мою судьбу, превращая иногда жизнь в сплошное невезение. А то, что было заложено, – чистые, светлые черты, все покрывалось вязкой и темной массой ненависти к окружающим за то, что они старались вторгнуться в мою душу.

*– Как ранит слово грубое порой,
Оброненное походя, не глядя.
Обида, словно зверь на водопой,
Крадется тихо и садится рядом.
...И точит, точит душу, словно червь,*

И гложет изнутри коварной болью.

Душа кричит: «Не верь всему, не верь!»

А сердце поет, обливаясь кровью.

– Это древняя тьма в уголках вашей души – дьявол, – то ли прошипела, то ли пропела рожа. – Это змея, пытающаяся проглотить и пожрать саму себя и все, что ее окружает. Все зависит от вас самих. Вы можете победить обиду, а не давать ей власть над вами.

– Заладил мне: борись со своим злом, – криво улыбнулась я. – Что-нибудь новенькое скажи, – но в голову упорно лезли гаденькие мысли о том, что не нужно слушать это древнее омерзительное существо. – Сам-то, небось, и рад, что я подпитываю тебя своими черными мыслями, – съязвила я.

Я старательно отгоняла темные мысли и пыталась рассуждать здраво. И понимала, что трудно дается найти решение проблемы страха по причине, что на каждый страх и на каждую обиду у человека припасено достаточно логичных и непоколебимых оправданий этих эмоций. Получается это потому, что человек не любит знать о себе правду, поэтому он скрывает ее от самого себя. Человек говорит себе, что принимает правду, что хочет решить проблему, хочет разобраться в себе. На самом деле он ищет подтверждение тому, что уже сделал все правильно.

– Зачем же бояться того, что неизбежно? Нужно просто быть всегда готовым.

– Что же это значит, быть готовым? К чему?

– К необходимости дать оценку своим поступкам, мыслям и своей прожитой жизни.

– В мире сейчас зла гораздо больше, чем добра.

– Тебе нужно вести борьбу со своей тьмой, со своим адом, со своим дьяволом, а не с теми, кто наносил и наносит тебе раны, – словно он выносил вердикт. – Пусть они думают, что делать со своей темной энергией, которая исходит от них, а не ты. Все их темные мысли вернутся к ним.

В детстве жизнь представляется вечной и кажется, что всегда найдется возможность исправить ошибки. Со временем промахи накапливаются, но не всегда жизненный опыт страхует от совершения других. Самые отдаленные моменты, самые незначительные события – все, что казалось безвозвратно стертым со скрижалей памяти, оказывается, хранится в области подсознания. Я поняла с годами, что имела в виду тогда мама, когда говорила, что стереть из памяти неприятный момент не значит, что удалила его навсегда.

– Старайся прислушаться к советам, чтобы не совершить проступок, о котором ты пожалеешь в будущем. Через много лет, когда ты забудешь, обида напомнит о себе в виде сильного ожога. Даже на рисунке, по которому проходишься ластиком, остается след.

– В детстве я воспринимала все очень прямолинейно, черно-белым, и очень страдала от этого. Поверьте, не всегда нужно говорить людям правду, иногда необходимо и солгать.

Обида может быть страшной, и, нет ей прощения. Ведь человек не добрый и не злой, ведь все его проявления естественны.

– Перестань сравнивать себя с другими, – вспыхнул монстр. – И не нужно доказывать другим, что ты не такая. Прими себя внутри такой, какая ты есть, со всеми недостатками, со всеми плюсами – и с объективным подходом, начни себя улучшать. Внутри тебя живет прощение. Это еще и способ разорвать круг злобы и ненависти.

– Простить?! Кого? Себя?!

– Всех и себя в том числе. Простишь себя, простишь других. Будь честна перед собой. Прислушавшись к себе, ты откроешь для себя правду о своем существовании. Это прощение и твоя честность помогут понять ситуацию и найти из нее правильный выход. Это одна из возможностей расти в духовном плане и вырваться из круга зла.

– И чего ты злишься? Ты должен быть довольным, что я злая, обидчивая.

– Мне это не нужно в данное время. Я и так подпитывался твоей энергией, когда ты совершала зло, причиняя себе боль, истязала свою душу, нанося раны.

Передо мной с удивительной отчетливостью стали всплывать на поверхность сознания мои ошибки, обиды, злость. Сколько помню себя, всегда спорила и хотела доказать свою правоту, оскорбляя близких и нанося им душевные раны, вместо того чтобы остановиться и дать людям возможность

объяснить свои поступки. Для окружающих я всегда была непонятной, с какими-то странными замашками и причудами, вечно затевающей неприятный для всех спор. Темы выбирала весьма необычные: о цели и смысле жизни, о добре и зле, любви и ненависти, – такие, которые мало кто хотел обсуждать, а кто все-таки решался, после таких дискуссий окончательно портил со мной отношения. Я вспоминала, что многим обидчикам желала смерти, даже мысленно представляла, как они умрут. Вспомнила, что ненавидела некоторых людей и даже желала им несчастья.

– Я стараюсь не делать другим того, чего не желаю себе, – стала оправдываться. – Они сами нарывались на ссоры. Если говорить, то они также мысленно мне желали зла.

– Это все лишь твои предположения. Жизнь, она совсем иная.

– А разве мысли не есть моя жизнь? Ведь любая мысль возникает не сама по себе. И она меня учит. Мы должны совершать ошибки и обижаться, тогда какой опыт мы получим?

– Да, жизнь – хороший учитель, как и опасность. Они заставляют пересмотреть многие вещи, отделить зерна от плевел.

– Нельзя требовать от человека сверх его возможностей. А возможности его во многом связаны с условиями среды, в которой он вырос и живет.

– За все приходится платить, а эта наука стоит особенно

дорого, потому, что расплачиваться за нее нужно не только на земле, но и здесь.

– Слушай, с тобой просто невозможно разговаривать! Ты постоянно стараешься обвинить, не давая мне объяснить и оправдать свои поступки и мысли.

– Такова моя сущность, чтобы видеть и обвинять.

– Критиковать мы все умеем, а вот понять другого человека очень сложно. А ты не только критикуешь, а стараешься толкнуть меня в это месиво греха.

– Ну, зачем же так критично? Ты говоришь с жестокостью глубоко уязвленного человека, – с неподдельным сочувствием произнесла Тьма. – Ты очень ранимая и в твоих глазах боль. Твоя злоба и ненависть – всего лишь крик отчаявшегося человека. Ты же понимаешь, что это все от слабости. Ты понимаешь, что негативные эмоции приносят всего лишь опустошение, всего лишь разоряют тебя изнутри.

– Мало, кто из нас способен рассказать о себе всю правду, даже себе самому. Люди все понимают, но ничего не хотят менять. Они хотят как легче, и сидят по привычке в тупике, из которого не желают выбраться.

– Значит, ты оправдываешь поступки, совершаемые из чувства мести? Верно! Люди полны слабостей – потому и несовершенны, потому и допускают много ошибок, – среди которых обман, непостоянство, трусость.

– Не оправдываю. Я считаю, что поступаю правильно, когда творю зло, – ответила я, понимая что разговариваю сама

с собой, а этот монстр питается моей слабостью.

– Это оттого, что ты не веришь в себя. Не веришь в свои силы. У меня такое ощущение, словно ты делишь себя на двое, отделив хорошее от плохого, и наблюдаешь за собой со стороны, будучи недовольна своей несовершенной половиной.

– Когда судят ближнего словно обвиняемого, основываясь исключительно на собственных представлениях о добре и зле, даже чистосердечное раскаяние при этом стремятся подать как доказательство справедливости обвинения, – ненависть оказывается естественной и закономерной реакцией.

– Когда одна ложь подталкивает другую, а зло порождает ответное зло – взаимная неприязнь превращается в порочный круг.

– Так и есть. Это аксиома. Без всего этого мы будем бездушными куклами.

Я почувствовала какую-то странную боль внутри и ощутила все страдания, все потрясения, которые пришлось познать слишком рано. Я была уже не беззащитным ребенком, которого оберегали от горестей и бед, а вполне самостоятельным, хотя и не до конца сформировавшимся созданием, со своими мыслями, воспоминаниями и со своими тайнами, которые научилась хорошо скрывать. Если раньше все мои чувства были написаны на лице, то теперь окружающим оставалось только гадать о тех обидах, которые таила я в своей

душе. И пока была полна противоречий, и продолжала конфликтовать с собой и с другими, во мне не могло быть гармонии, а значит, я пока не могла полностью очистить свою душу.

– Мне кажется, понять судьбу можно, лишь оглянувшись назад в свою жизнь и убедившись, что в ней нет ничего случайного! Нам кажется, что мы управляем событиями, но есть масса неизвестных факторов, которые управляют нами.

– К сожалению, жизнь – это цепь непредсказуемых случайностей. Глупо пенять на судьбу. Виноват во всех своих несчастьях только сам человек. Твоя задача сейчас – оставить здесь свою обиду, боль, ненависть и простить всех.

Рассуждая о жизни, я вспоминала, что скрывая свои волнения, обиды от окружающих, с гипертрофированным чувством вины, с разъедающей болью трагедии в сердце, с жадой любить и быть любимой, но молчащей, ничего не просящей, боявшейся того, что не имеет права просить, я стала замкнутой и молчаливой. У меня была обида за людей, причинивших боль не только мне, но и животным. Это невыносимо больно терзало мою душу. И вместе с обидой в меня вошло что-то плохое, что-то гнетущее и тяжелое, властно обволакивающее все внутри, вызывающее тягостное состояние. Пребывая здесь, на земле, мы остаемся лишь тленными, немощными людьми. Если подумать, то каждый скрывал свою боль по-разному, кто-то был тихим, а кто-то слишком эмоциональным. Я опомнилась и принялась освобождать се-

бя от обид и оправдывать свои поступки. Переживая самостоятельно трагедию, я все же не лишилась своей доброты, светлости, чистоты сердца, но закрылась ото всех.

«Пытаюсь, но ничего не выходит. Словно не чувствую в себе сил. Постараюсь простить всех, кто меня обидел, попросить прощения у тех, кого обидела я. Да! – подумала я, – слишком мрачная у меня душа! Интересно, у других такая же идет борьба?»

– Да! – коротко ответил на вопрос монстр.

– Интересно, я же ничего вслух не говорила, а ты копаешься в моих мозгах.

– Я не копаюсь, а констатирую факт.

Странно, я всегда думала, что попав сюда, у меня не будет мук совести. Я ощущала, как во мне происходит какой-то процесс, но какой именно, понять не могла. Все, что спало долгие годы пустоты, одиночества, грязных ошибок и обвинения, смешанных чувств обиды, разочарования, безумной непонятой любви и всепрощения, все, что затаилось внутри меня, в самое основание моей сущности, сейчас просыпалось. И я подалась навстречу изменениям.

– Всех, кто когда-то зла мне пожелал

И злобно камни в спину мне бросал,

Кто оболгал, – я вас за все прощаю.

Кто не подал руки мне в горький час

И кто унизил, – я прощаю вас.

Прощая, свою душу очищаю.

*Я тех прощаю, кто ломал и сек
Мою любовь, как тонкий колосок,
Кто осуждал, шептался за спиною.
Надломлен колосок, но все равно
Надежды сохранилось в нем зерно,
И, значит, прорастет оно весною.
Монетой вашей вам не заплачу —
Я злобой душу пачкать не хочу
И ненавистью не отягощаю.
Я вас не уважаю, не люблю,
Но не клянц, обиды не коплю,
Не презираю. Просто, вас прощаю, —*

продекламировала ровным, как мне показалось холодным тоном и, помолчав, добавила медленно, словно в раздумье: — Может, это поможет.

Стоя в центре комнаты и размышляя, я так и не пришла к определенному ответу, но чувствовала, что он лежит за границами этого лабиринта. Я подошла к двери и вышла. Вдруг услышала, как словно упала на пол шипящая свеча, потом послышался звук, похожий на треск материи. Вздрыгнула и огляделась. Но, позади меня была темнота. Я поняла, или правильной сказать, почувствовала спиной, что это дверь закрылась позади меня, за ней я оставила обиды, ложь, ненависть. Впереди открывалось пространство, узкий, уходящий вдаль коридор.

— И куда теперь? Снова коридоры! И снова война с собой,

со своими страхами, со своими обидами.

– И снова борьба сама с собой, – эхом прошелся по моей душе чей-то голос.

Даже если я и постаралась освободиться от негатива, пусть даже незначительного, то страх существовал по-прежнему, и, появилась еще более страшная, чем древний ужас, обезволивающая, невыразимо отчаянная депрессия, окутывающая человека, как саван. Сколько бы ни пыталась я побороть свой страх, он все равно преследовал меня. Гонимая боязнью, что останусь здесь навсегда, так и не найдя выхода, я ускорила шаг. Кто бы что ни говорил, но женские слезы – великая вещь. Выплакавшись, я почувствовала себя гораздо лучше. Коридор несколько раз поворачивал, и в темноте невозможно было сориентироваться и понять, куда он в конце концов выведет. На стенах коридора были серые отсветы, черные тени. Воображение придавало теням измененные формы, пугающие звуки, доносящиеся издалека, и мгла, таящаяся за каждым поворотом, порождала в моем мозгу демонов, оборотней и чертей. По лабиринту кружили призраки, неуловимые, блуждающие тени, которые высасывали из душ жизненную энергию. У меня больше не было сил плакать, сопротивляться, бороться.

*– Нас смертью крестили, косо охраняли,
Мы жили, учили и свет проклинали...
Наш путь освещала царица луна,
А разум наш соткан из атомов зла!*

Я шла, и мне навстречу шел поток людских душ. Когда они приближались, то их лица тут же превращались в ужасные гримасы, тела – в бесформенные массу, а души – сами в монстров. Я шарахалась от каждого духа или души, которые хотели прикоснуться ко мне. Я видела тьму в их горящих красных глазах. Или мне так хотелось видеть. Это меня сильно пугало.

*– Ты зачем прокралась в душу,
Ты зачем меня грызешь,
Заставляешь сплетни слушать,
Неужели ты не уйдешь?..
... Уходи, моя кручина,
Ты покинь меня, мой страх,
Исчезай в часах пучине,
Обратись в незримый прах! —*

прочитала отрывок из стиха А. Ефремовой, чтобы успокоить свои нервы.

– Ты боишься меня? – спросил кто-то громко из пустоты.

– А ты хочешь, чтобы я боялась тебя? – ответила вопросом на вопрос. – И злишься, что этого не происходит, поэтому мучаешь меня?

– А у тебя и так ужас в душе. Ты боишься?

– Как я могу бояться, если тебя не вижу. Да, я всего боюсь, когда не вижу.

– Логично. Чего же люди боятся более всего? – спросил он.

– Что тебе нужно? – я уже сожалела, что ввязалась в этот разговор, но пятиться было поздно.

– Ответ!

– А я хочу правды, – ответила.

– Правды? Здесь ты и найдешь свою правду. Ты никогда не испытывала желания сделать что-то доброе, хотя бы для очистки совести, причем абсолютно бескорыстно и даже в ущерб себе?

– Я делала людям добро и бескорыстно.

– Не обманывай себя.

– Неужели действительно я такая плохая? Неужели я недостойна сострадания? Никто просто не хочет меня понять. Ты что, моя совесть?

– Нет.

– Тогда кто?

– Какая разница, ты просто попробуй разобраться со своими чувствами.

– Я поняла тебя, а может вас, какая разница, как обращаться. К чему ты клонишь? Вы считаете, что, делая добро людям, можно одним неверным поступком разрушить впечатление о себе. Мне вообще-то пофиг, какое впечатление сложится у вас обо мне, главное – я знаю, кто я и что из себя представляю, – стала дерзить, чтобы как-то заставить выйти Нечто из темноты. – Поэтому многие создают ложное добро,

чтобы легче было оправдать свои поступки.

– Ты не должна отвечать на зло злом и не уподобляйся им. Постарайся быть терпимее. Зло – это всегда обман и самообман. Вся твоя дисгармония от тебя самой, точнее от твоей неспособности быть сама собой и любить. Это тьма вами владеет, а не придуманный священниками дьявол. Вы сами создаете своего дьявола в душе. Он внутри вас, – подчеркнул мой собеседник. – Не вы в его власти, а он выполняет ваши помыслы. И его нечеловеческая темная мощь подвластна вам!

– Ну-у-у-у, – протянула я недовольно, – началось! Давайте начнем читать нотации, правила, как жить среди нелюдей, которые убивают, насилуют, дерзят, бьют, ненавидят... Мне этого еще не хватало в этом темном мире, где будут учить уму-разуму.

– Я не пытаюсь тебя учить жизни. Просто хочу помочь разобраться в себе и дать зеленый свет к другим испытаниям. Понимаешь, когда нет темных мыслей, и ты не желаешь никому зла, то и душа становится светлой.

– Понятно! – поумерила я свою агрессию. – А если меня провоцируют? – спросила я, пытаюсь оправдать свои поступки. – И то, что ты говоришь, – это высокопарные слова. Я, например, не хотела причинять никому зла. Когда мне делают больно, я стараюсь ответить тем же, – попыталась объяснить собеседнику, чем вызвала его ужасный смех.

– Я не вижу здесь ничего смешного, кстати, – дернулась

я оттого, что мне не понравилось как все мои оправдания пытаются превратить в прах. – Я никому не причинила зла!

Вспомнила свою маму, которая при виде мертвых животных разъясняла, почему нельзя обижать тех, кто слабее. И что такое смерть, чтобы не напугать. Мое сердце сжалось, как когда-то в детстве, всколыхнув горькие воспоминания. Тогда слезы сами собой выступали на глазах при виде хромящей собаки или умирающего голубя. Я не могла безучастно смотреть на замерзающего в подворотне котенка и всегда приносила его домой, чтобы отогреть, накормить. Даже сломанное дерево, казалось, кричало о своей боли.

*– Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, —
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья... —*

продекламировала чьи-то стихи, стараясь этим успокоить себя.

– Я-я-я-я, никогда не была жестокой, но почему, почему вы пытаетесь мне показать темный мир моей души? Я не желала никому зла. Когда же на меня нападали, вынуждена была защищаться. Меня никто никогда не понимал. Если я кого-то несправедливо обидела, то готова извиниться. Смотря за что извиниться. Однако не могу согласиться с клеветой, –

когда меня стараются облить грязью лишь для того, чтобы самим выглядеть чистенькими и праведными. Да, наверное, объективно я виновата. Но прошу понять и учесть мотивы моего поведения, то, что я не хотела делать зла и всегда стремилась к добру. Я никого не убила, не выбрасывала на морозы беззащитное животное. Что вы от меня-то хотите? Вы хотите, чтобы я приписала чьи-то грехи себе? Не-е-е, не выйдет. Вы хотите сказать, что если ударят по левой, подставь правую. Эта мораль не для меня. Добро должно быть с кулаками. Так хочется заплакать и спрятаться ото всех. От кого прятаться? – тут же задала себе вопрос. – От самой себя прятаться? Здесь так пустынно и одиноко. Дежа-вю! – словно утвердила свои мысли, и слезинка скатилась по щеке.

Воспоминания пронеслись в памяти за несколько мгновений, напомнив о реальном содержании прожитой жизни. Но не исчезли, а словно наполнили собой пространство, в котором я находилась. Я никогда не старалась быть похожей на других, хотя и не избегала компании. Но не могла же я пить вино и ругаться, только чтобы быть как все. В моем присутствии люди почему-то чувствовали себя неуютно из-за моего изучающего взгляда. Я всегда старалась быть сама собой. И, наверное, потому была чужой. Старалась держаться естественно, хотя, возможно, со стороны казалось, будто я хочу подчеркнуть свое моральное превосходство. В душе на маленькую въедливую гордость и радость за сделанные когда-то добрые дела наползает тень стыда за ложь и тщесла-

вие, жадность и слабость.

– Конфликт! Ты пытаешься конфликтовать сама с собой!

– А тебе-то что? Я не конфликтую, а рассуждаю, что всегда была права. Ну, ладно, в некоторых ситуациях была неправа. Но, люди сами лезли на конфликт и получали то, что хотели.

– Ты права в чем-то. Все конфликты происходят из-за того, что окружающие видят тебя не таким, каким ты сам себя представляешь. Мы сами творим чужого вначале через суждения, которые выявляют совпадение или несовпадение взглядов, представлений и жизненных правил, а затем через осуждение в пользу себе по принципу: я лучше и я прав, а ты неправ, значит, хуже.

– Снова нотации!!!!

– Я озвучиваю твои мысли и помогаю тебе понять себя.

– Мне не нужно помогать, я сама справлюсь со своими демонами. – проворчала я, понимая что грублю там, где я должна быть осторожнее в словах.

– Такова человеческая природа – каждый защищает себя.

– И днем... в пустыне тьма и тихо,

А ночью... солнце обжигает.

Душа кричит!!!... но крик тот хриплый,

Увы, никто не различает.

...Да и кого найдешь в пустыне?

Где небо и земля роднятся,

Смыканьем губ заполовинив,

Все тайны, что меж них томятся...

Было такое чувство, когда по щекам стекали слезы, что я оплакивала свою смерть или типа того, будто б она была живая... и вот умерла... и вот лежит передо мной в гробу. Я представила ее прекрасный образ в нежном одеянии света. Почему она? Не знаю! Может, это был мужчина? Все возможно. И все же перед глазами был женский образ. Я словно стояла на границе царства смерти и любовалась ею. Вообще-то, я и находилась в царстве Смерти, Тьмы и Вечности. Я, ценитель красоты и совершенства форм, мечтала запечатлеть образ в вечности. С этими капельками слез выходило что-то. Но, что, я не могла понять.

– Оставь, душа, сомненья и надежды!

Конец борьбе с мирским всеильным злом.

Я чувствую: сомкнутся скоро вежды,

Близка пора заснуть последним сном!

Истощены бесплодно наши силы;

Мы не щадя их тратили в борьбе;

Но у дверей темнеющей могилы

Мы не пошлем проклятия судьбе.

И от нее не ждем мы воздаянья

За все, чем жизнь была отравлена...

Страдали мы – но были те страданья

Дороже нам бездействия и сна.

Покинем мир спокойно, без упрека;

Пусть не для нас победные венцы,

*Пусть цель от нас была еще далеко,
Но пали мы как честные борцы!..*

– Главное – чтобы в тебе была гармония! – голос оставался холодным. – Мы хотим, чтобы ты освободила от своего груза. Нам ничего не нужно от тебя. Если ты будешь искать оправдания для себя, то ты не сможешь себя очистить.

– Я не ищу никаких оправданий. Мне бы выйти отсюда, – и стерла со щеки слезинку, которая, как мне показалось, щекотала.

– А ты в Бога веришь? – обратился Дух Тьмы ко мне.

– Я? Я? – от этого вопроса я слегка растерялась. – Это что, экзамен? – Я человек неверующий, а потому мне трудно ответить на ваш вопрос. И вообще Бога нет, его выдумали, чтобы подчинять тех, кто слаб духом.

– Здесь можно и поспорить. Сама вера в Бога основана на убедительности того факта, что жизнь на Земле не могла возникнуть в результате случайного взаимодействия химических элементов.

– И что? Я должна испугаться Божьей кары? Пусть верят те, кто хочет. Я буду придерживаться своей точки зрения, – надерзила я. – Представление каждого отдельно взятого человека о Боге зависит не только от особенностей культуры и религии его народа, но в значительной степени и от личных качеств, среди которых ключевыми являются духовная зрелость и уровень образования.

*– Нет, не Богу я буду молиться.
Не у ангелов помощь просить.
Мне протестом дано вдохновиться.
Слишком много на сердце носить.
...Не хочу обвинять и гневиться.
Жизнь моя – роковая борьба.
Все стирается: Будни и лица.
Что поделаешь – это судьба.
...Если ад уготован мне после.
Пусть так будет, не спорю с судьбой.
Человеком жить в мире не поздно.
Я желаю остаться собой.
...Не спасут ни кресты, ни иконы.
Ни священники и ни попы.
Каждый болью своей в мире скован.
Не отнять высших прав у судьбы.
...Никому я молиться не буду.
Пусть не много таких в мире мест.
Не поверю ни в кару, ни в чудо.
Жизнь-дорога – извечный протест, —*

прочитала стихи Марины Снеговой. Впрочем, мне они очень нравятся.

– Ведь надо же во что-то верить. Люди всегда ищут в жизни опору, чтобы не сломаться.

– Я? – помолчав несколько секунд, собираясь с мыслями. – Не знаю. И вообще, что такое вера в Бога? Когда чело-

веку плохо, то он начинает задумываться о Боге. Это неправильно. Человек должен всегда верить в свое божество, чтобы изменить жизнь в лучшую сторону. Он живет иллюзиями. Я понимаю, что человек нуждается в вере в Бога; но поверив однажды, будет доверять лишь до того момента, пока кто-то не обманет его, или когда убедиться, что полученное знание ложно. Признать чужую истину своей, не пережив ее и не выстрадав, очень трудно.

– Вера в Бога действительно приносит человеку облегчение, решение каких-то проблем, но, к сожалению, верующий человек не застрахован от болезней, нищеты, преждевременной смерти.

– Значит, я все-таки права? – я была довольна тем, что кто-то поддержал мою мысль.

– Вера есть не слепое исполнение и не просто согласие без действия, но исполнение по внутреннему убеждению. Вера – это убежденность, надежда – лишь предположение.

– Но, многие слепо верят. Ладно. Я верю. Только не в иконы, мощи да свечки. Церковники, так же как и все прочие посредники, ставят своей целью нажиться на вере простых людей, предлагая вместо любви к Богу различные платные обряды и священнодействия.

– И что тебе сделали плохого священники? Ты же не христианка!

– Потому, что они обманывают людей и за счет них жиреют, богатеют.

– Но, ты тоже можешь пойти служить в монастырь и также разбогатеть.

– Зачем? Я не хочу. Они напичканы концентратом злобы, стимулирующей их лгать, клеветать и осуждать других людей, – попыталась я пояснить стоящему рядом со мной Вестнику Тьмы. – Вот смотришь, был священник нищим, работая трактористом, водителем, в полиции или еще где-нибудь, где зарплата только на выживаемость, и уже батюшка, уже катается на новенькой машине и живет с матушкой и детишками в добротном маленьком особнячке. И ведь согласился поиметь все это на деньги, вымазанные в крови невинно погубленных жертв: мужчин, женщин, старушек и дедушек, у которых отняли последний угол и сгубили зазря.

– Зависть – плохая черта. Тебе никто не мешает также обманывать и богатеть.

– Ага, а потом вы здесь меня отправите в ад, так, что ли?

– Нет ада, есть только чистилище, где освобождаются от, как вы говорите, грехов. Очищение – это болезненно. Ты же сейчас чувствуешь боль?

– Чувствую. И мне это не нравится. Поэтому не хочу быть как эти зажравшиеся попы, священники, чтобы вечность тут очищаться. Висеть над котлом и жариться. А еще хуже, когда будешь ходить по раскаленному полю, где огонь жарит твои ноги. Бр-р!

– *Покажи мне рассвет боли.*

*Заглуши криком звук мысли.
Мы играем не те роли,
Утонули не в том смысле.
...Покажи мне закат жизни,
Расскажи про восход смерти.
Как душа на струне виснет.
Режьте, режьте, а после мерьте...
...Разметай крылом мои грезы,
Я стою по колено в море.
Успокойся и вытри слезы.
Только боль, и никакого горя.
...Покажи мне рассвет боли.
Только боль – никакого страха.
Нету воли... и нет неволи,
Лишь с плеча ввысь взлетает птаха, —*

то ли прочитала вслух, то ли просто эти стихи пролетели в памяти. Красиво, ничего не скажешь. Ахура!

– Конечно больно! А ты что думала, что очищение души проходит безболезненно? Это равносильно тому, что с вас сдирают кожу. Вы много лет накапливаете, а хотите, окунувшись в воду, сразу очиститься? Такого не бывает. И то, что ты описываешь, здесь нет. Это фантазии людей. Впереди тебя ждет много мест, где ты будешь расставаться со своей тьмой.

– И какая из себя тьма? Это бесформенное существо? Я думаю, что в душе моей живет маленькая частичка этой бессмысленной тьмы.

– Во тьме безутешной – блистающий праздник,
Огнями волшебный театр озарен;
Сидят серафимы, в покровах, и плачут,
И каждый печалью глубокой смущен.
Трепещут крылами и смотрят на сцену,
Надежда и ужас проходят, как сон;
И звуки оркестра в тревоге вздыхают,
Заоблачной музыки слышится стон.
Имея подобие Господа Бога,
Снуют скоморохи туда и сюда;
Ничтожные куклы, приходят, уходят,
О чем-то бормочут, ворчат иногда.
Над ними нависли огромные тени,
Со сцены они не уйдут никуда,
И крыльями Кондора веют бесшумно,
С тех крыльев незримо слетает – Беда!
Мишурные лица! – Но знаешь, ты знаешь,
Причудливой пьесе забвения нет.
Безумцы за Призраком гонятся жадно,
Но Призрак скользит, как блуждающий свет.

– Можешь не продолжать. Стихи Эдгара По мы все знаем. Так вот, тебе кажется, что тьма бессмысленная и бесформенная, но помни – она была здесь до тебя и пребудет после, наблюдая за тобой, пожирая твои слова и крики. Во мраке тьмы похоронены все утраченные воспоминания и забытые секреты прошлого.

– Ты меня пугаешь? И долго мне скитаться?

– Я всех пугаю. Не знаю. Это все в твоих руках.

– А можно спросить: этот мир большой? Есть ли еще другие миры?

– Мир, в котором вы живете, не единственный, и некоторые другие лежат к вам гораздо ближе, чем ты можешь предположить. Границы видимого и невидимого иногда пересекаются.

– Вы там были? Вы знаете об этих мирах?

– Что я знаю, то знаю. Ты сама увидишь эти миры. А во что веришь-то? Можешь мне ответить на этот вопрос?

– Я верю в силу, которая контролирует все и каждого на земле, – ответила я. – И не важно, как ее называть. Важно лишь то, что замысел для нас есть тайна, о которой мы можем только догадываться.

– Верить – не значит выполнять, внутренне не соглашаясь. Вера – это всегда согласие, даже с тем, что недоступно для проверки. Если не соглашаешься, значит, и не веришь.

– Понятно! Ты хочешь сказать, что все, что я здесь вижу, это не ложь и верить нужно. Без веры здесь не найти выход.

– Ближе к истине.

По дороге лабиринта я то и дело натыкалась на силуэты людей, которые тоже брели, спотыкались, бежали. Никто не разговаривал друг с другом, все были сами по себе, оставаясь со своими мыслями, пороками и грехами. Никто не пытался помочь, когда кто-то падал или кричал в от-

чаянии. Постоянные волны раздражения, ненависти, страха, сменяющегося диким ужасом, сбивали меня с пути к намеченной цели – разобраться, что произошло, и найти выход. Тьма закрывала ужасы, чтобы не рассыпаться от страха. Что такое тьма? Тьма – вечный холод! Мы не имеем ни малейшего представления о тьме, когда говорим о ней. Холод будет всегда, но не снаружи, а внутри – в душе, в сердце. Самая страшная – это духовная тьма! Она покрывает сегодня всю землю. Отсюда бездуховность. Особенно сгущается в густонаселенных центрах и является одной из самых больших проблем современного общества. Тьма в наших душах – это своего рода плата за все, что мы обретаем. Каждому свое. У тьмы есть вкус! Да, именно вкус! Вкус свежей крови, слегка солоноватой, с железным привкусом. У тьмы есть запах! Это запах страха, мокрой земли, разложившихся трупов. У нее есть звук. Это легкий шорох крыльев летучей мыши, мягкий шелест травы, пробегающих мышей, пугающий крик совы. Цвет тьмы – черная, антрацитовая ночь. Нужно лишь почувствовать тьму в себе, сделать ее своей частью. Бояться нечего, потому что нельзя потерять больше, чем у тебя есть. Страх – это слабость; тот, кто слаб, недостойн этого пути. Дорога тьмы – для сильных.

– Ага, для сильных! По этой дороге тьмы идут и трусливые. Бойся, не бойся, а идти придется, так что никто не уйдет с этой дороги, если даже захочется свернуть.

«Люди привыкли жить в своих иллюзиях. Все здесь толь-

ко иллюзия, – думала я, пытаюсь разглядеть мутные силуэты. – Я бестелесный дух! Не дух, а заблудшая душа. Это мое лишь нематериальное подобие земного облика. Вымышленный мир, нам кажется лучше, чем жестокая реальность. И я всегда создавала свой мир, где мне было комфортно и уютно».

*– В этом солнечном мире я не хочу умирать,
Вечно жить бы хотел в этом цветущем лесу,
Там, где люди уходят, чтобы вернуться опять,
Там, где бьются сердца и цветы собирают росу.*

– Рабиндранату Тагору было комфортно, – сказала я, вспомнив его. – Он же жил в достатке и роскоши, в то время в селениях умирали дети, девочек насиловали, мальчиков продавали, и те бы рады умереть в цветущем саду, но каста не позволяла. Хорошо рассуждать когда тебя не касается нищета.

«Нет выхода, – подумала я, но тут же возразила себе: – Выхода нет только из гроба, так что выход всегда есть! Всегда есть запасной выход! Надо прекратить эти невыносимые страдания. И в данной ситуации этот выход для меня единственно возможный. Конечно, рассуждать хорошо, когда находишься в светлой комнате, на мягком диване. А-а тут? Тут только тьма и некомфортно».

В страхе и тоске я продвигалась по бесконечному сужающемуся коридору и умоляла, чтобы это был выход. Воз-

никшая из ниоткуда тишина оглушила меня, и навалилась со всех сторон вязущей, мешающей соображать массой. Мне показалось, что кто-то заткнул мои уши ватой. Движения тоже замедлились. Я кожей почувствовала чуждый взгляд. Чуждый этому месту, времени, миру. Я остановилась и стала искать того, кто пронизывал меня взглядом. Один короткий миг, но я почувствовала ледяной холод, прятавшийся во тьме.

– Бред! Что за бред?! Я сама себе это внушила! Здесь нет никого, кроме этих бестелесных блуждающих душ! Это сон! Сон, который слишком долго длится. Что за ерунда! Я сама придумала то, чего нет.

Все, что происходило, казалось мне нереальным. Страх охватил меня настолько, что я почувствовала, как холод окутывает мою душу. Я села на землю и стала истерически плакать, пытаясь таким образом заглушить свой панический страх. Плач стал постепенно перерастать в истеричный смех. Плач и смех резко прекратились, как и внезапно появились. Обессиленная я сидела на земле, понимая, что вся эта реальность, в которой я нахожусь, это уже не сон, как я пыталась себе внушить, пока гуляла по лабиринтам, не фильм ужасов, который я смотрю ночами, не игры, в которые я играю вечерами. Настоящее время, каким бы жестоким и ужасным оно ни было, и есть сама тьма. Слабость продолжалась лишь секунду, и возможно, я бы ее не заметила, если бы не истеричный плач и смех. Я встала и пошла вновь искать выход

из лабиринта.

– Когда же закончится этот чертов лабиринт! Я устала идти бессмысленно. О Господи! Помоги мне! – то ли умоляла, то ли молилась я. – И при чем тут Бог? К черту Бога, буду надеяться на себя и свои силы. Бог – кто он такой, чтобы решать, умирать, мучиться или брести вечно впотьмах? – Здесь я не выдержала и стала размахивать руками, обращаясь в небо к этому Богу, который отправил меня скитаться тут. – Объясни мне одну вещь. За что? За что Ты так со мной? Почему именно я? Почему я стала объектом Твоей ненависти? Я не мила Тебе? Я делала что-то не так? Тогда что? Объясни хотя бы напоследок. Ну ответь. Отвечай, чертов ублюдок! – истерично закричала я, топая ногами, удерживая слезы, чтобы не разрыдаться.

Как и многие люди, я стала сетовать на Бога за то, что он допускает такие страдание, боль, страх. Я не могла найти разумного объяснения, почему нахожусь в этом отвратительнейшем из миров. И все это списала на него, который играет душами людей, как куклами. Где этот Бог? Это даже не вопрос, это просто крик моей души, скитающейся во тьме. Я представила Бога в виде беспомощного, безумного ребенка, величиной со Вселенную, – который получал удовольствие от того, что причинял страдания и наносил боль. Он мял своей беспощадной рукой беспомощных людей, как кукол, ломал им ноги, заливал в организм болезни, швырял о камни, заставлял пробовать алкогольные напитки, резал, отры-

вал головы, мстил за то, что не поклонялись. И это огромное дитя мучило нас, бедных, до тех пор, пока мы не начинали орать: «Боже, я люблю Тебя за то, что Ты так со мной поступаешь! Прости! Я буду тебе поклоняться». Подобная мысль вызвала у меня сильное возмущение. Нет! Мне такой недалекий Бог в образе неразумного дитяти не нужен. Лучше с дьяволом дружить, чем этот недоросль Бог. Пошел Он к черту, этот ваш Бог.

– Скажи-ка, друг, что он за Бог?

Что ненависть к нему развита.

И почему же он не смог?

И почему душа разбита?

Слезы сами по себе текли из глаз, сердце бешено кололось, душа буквально разрывалась на части. От злости. От обиды. От одиночества. От страха. От ненависти к проклятому Богу. Почему Богу дозволено делать то, что запрещено человеку, как, например, убивать людей болезнями, создавать стихии, чтобы уничтожать континенты, творить чудеса ради удовлетворения своих потребностей, управлять целым миром, не неся за это никакой видимой ответственности? Нужен ли такой Бог? И если человечество признает его, значит, он поклоняется творению своего ума и фантазии. Я имею в виду, что группа людей выдумала, а другая часть человечества поклоняется тем, которые создали этот образ.

– Ладно, я должна остановиться и спросить себя, так кто

кого не слышит: я Бога или Он меня? Итог – мы не слышим друг друга. И что теперь? – остановилась я. – Что мне делать? Просто идти?

Вокруг темнота. Лишь слабый свет то ли звезд, то ли луны освещает дорожку. Темные силуэты скал, деревьев, кустов, летающих духов давят на мозг. А боги? А что боги? Спрятались за огромными стенами Вселенной. Ладно, я сейчас думала об христианском Боге, но есть еще и другие забытые боги. Во всем мире до принятия христианства почитались как высшие боги, так и духи-покровители рода. Вера в Бога, а точнее, в целый пантеон богов, являлась для язычников-идолопоклонников важной составляющей их жизни. Такой подход к восприятию божества был характерен практически для всех народов мира на ранней стадии их развития. Живы ли забытые боги? Живы. Живы ли в памяти народной? Ответить сложно. Хотя, если честно, то нехристиане до сих пор поклоняются своим богам, божествам и духам.

*– Иногда я бываю печален,
Я забытый, покинутый бог,
Созидающий в груди развалин
Старых храмов грядущий чертог.
...Трудно храмы воздвигнуть из пепла,
И бескровные шепчут уста,
Не навек ли сгорела, ослепла
Вековая, Святая Мечта.
...И тогда надо мною, неясно,*

*Где-то там, в высоте голубой,
Чей-то голос порывисто-страстный
Говорит о борьбе мировой.*

Интересно, как они делят Вселенную? Не может же править один христианский Бог, ему кто-то же должен помогать! В религиозных верованиях существует иерархия, свойственная многим народам, поклонявшимся нескольким богам. У всех народов мира боги, которые входили в древний пантеон, делились на богов солнечных и богов функциональных. Так что здесь все было рациональным и правильным. Я думаю, что над этими божествами есть всемогущий, все-сильный Великий Разум Вселенной. Кто он? Это живая, творящая мысль, бесконечная во времени и пространстве Вселенной. И у нее великое множество имен. Так что Вселенная огромная, всем места хватит. А так кажется, что космос один, и в то же время и одновременно его бесконечно много.

— Ладно, прости, если ты конечно существуешь, а не выдуман человечеством. Дай мне просто силы пройти эти круги испытаний. Я, наверное, как большая соринка у тебя в глазу, поэтому ты пытаешься избавиться от меня? Скажи, что я тебе плохого сделала, что ты даешь мне самые сложные испытания? Ладно, ладно, я извинилась, больше не буду злиться на тебя.

Еще один поворот, и далеко впереди появился рассеянный свет. Я поспешила и вскоре оказалась перед огромной

долиной. Воздух здесь был легче, чем внутри лабиринта. Или мне так казалось. Мне хотелось сорваться с места, и бежать, и бежать. Куда? Из этого страшного места домой. Тьма продолжала ползти за мной, словно она играла в догонялки, поглощая по пути все. Во тьме мелькнули пустынные, отрешенные от всего земного глаза, и показалось, что я вновь оглохла. Голова сама собой повернулась, словно какая-то неведомая сила хотела мне что-то показать. Обернувшись, я увидела лицо. Нет, не одно лицо, их много. Лица, лица, лица! Одно и то же лицо вокруг. Лица похожие на фарфоровые маски. Бормочущие замысловатые проклятия, ликующие, молящие, празднующие, жалующиеся, просящие, угрожающие, радующиеся.

– Что это? Кто вы? – я почувствовала, как на лице мышцы натянулись, а глаза раскрылись от страха. – Кто вы? Что вам нужно от меня? – Сердце билось, казалось, так громко, что его было слышно на всю Вселенную. – Мамочка! – прошептала я, с ужасом глядя на них. – Что это? Мама! Всюду маски! Там маски, здесь маски! Ужас!

– Боишься эти невинные маски? Они разве тебя пугают? – услышала я чей-то голос. – Эти маски причиняют тебе боль? Люди за период своей жизни настолько привыкают к своим маскам, что они становятся их настоящим лицом. Это твои маски, которые ты надеваешь для друзей, для врагов, для родных, для близких.

Это были маски, властвующие на этой территории. Здесь

можно было увидеть маску невинности, холодности, хитрости, доверчивости. Все они напоминали мое лицо. Разглядывая маски, как свое отражение в зеркале, я вынуждена была признать, что не совсем была честна с близкими, собой. Об этом говорили эти маски, которые я надевала, когда не хотела, чтобы человек знал, о чем думаю.

– Да! Они пугают. Но, если рассуждать, то жизнь – это маскарад, где мы прячемся за масками, чтобы выжить в суровом мире, – я всхлипнула, пытаясь кого-то разжалобить.

Не зря же говорят, что по лицу можно прочесть все, что творится в твоей душе. Это своего рода защита от злых людей. Воспоминания о том, что была горделивой, нет не гордой, а именно горделивой, лишь добавляли боли душе. Сейчас вспоминать об этом было не только мучительно стыдно, как о своих истериках и приступах бессильной ярости, но и очень страшно, потому что лица, которые я видела, отражали мои темные помыслы и чаяния.

– Я такая, какой меня хотят видеть. Понимаете?! Одному нужен кто-то, с кем можно повздорить. Другому необходим человек, который смог бы тебя выслушать. Третий хочет видеть перед собой злое, но глупое существо. И я становлюсь такой. Надеваю маску ту, которую они хотят увидеть, принять. Но... но я не такая! Такой хотят меня видеть окружающие, – воскликнула я, оправдываясь больше перед собой, чем перед кем-то. – И я надеваю маску. Но и этим людям приходится надевать маски, – невеселая улыбка заигра-

ла на моих губах. – Зачем? Зачем мучить нас? Вы прекрасно знаете, что нас не переделать.

– Люди играют в игры, носят маски – сами не веря в себя. Подумайте перед тем, как надеть маску. Может случиться так, что когда вам понадобится ее снять, то будет сложно это сделать. А если вы и сможете снять, то только вместе с кожей.

*– Смеюсь навзрыд, как у кривых зеркал,
Меня, должно быть, ловко разыграли:
Крючки носов и до ушей оскал —
Как на венецианском карнавале!
...Вокруг меня смыкается кольцо,
Меня хватают, вовлекают в пляску.
Так-так, мое нормальное лицо
Все, вероятно, приняли за маску.
...Петарды, конфетти... Но все не так!
И маски на меня глядят с укором,
Они кричат, что я опять не в такт,
Что наступаю на ноги партнерам.
...Что делать мне – бежать, да поскорей?
А может, вместе с ними веселиться?..
Надеюсь я – под масками зверей
Бывают человеческие лица.
...Все в масках, в париках – все как один,
Кто – сказочен, а кто – литературен...
Сосед мой слева – грустный арлекин,
Другой – палач, а каждый третий – дурень.
...Как доброго лица не прозевать,*

Как честных отличить наверняка мне?

Все научились маски надевать,

«Чтоб не разбить свое лицо о камни» – кто написал? Ну, да, это В. Высоцкий. Он видел под масками людей, ведь не каждому дано разглядеть душу. За то, что он видел, то эти люди его и растоптали: чтобы не бередил их души и не срывал с них маски.

– Я в тайну масок все-таки проник,

Уверен я, что мой анализ точен,

Что маски равнодушия у иных —

Защита от плевков и от пощечин.

– Стихами заговорила? Ты хотела избежать встречи со своими масками? Ты хотела, чтобы тебя показали нежным цветком, который нужно защищать? Ты разочарована?

– Да не хотела избежать и уйти от ответственности! Стихи Высоцкого лучше меня объясняют, почему люди надевают маски. Я живу в мире, где улыбка уже не означает хорошего отношения к тебе, где поцелуи совсем не значат чувства. Наш мир, где твои признания не признак любви. Каждый из нас одинок, и никто не старается это изменить, а слова теряют всякий смысл, потому что несут ложь. Отсюда и наши маски.

Большинство человеческих проблем построены на лжи о себе. Говорить правду сложно. Легко солгать. Если предло-

жить выбрать между честностью и возможностью лгать, то, без сомнения, лишь единицы предпочтут постоянно говорить только правду. Ведь правда – это страх обнажить свою душу, раскрыть, что у тебя на уме. Ложь – это мир иллюзий, это своего рода щит от людского любопытства. Вот здесь и помогают наши маски, которые надеваем при встрече. Искренность так редка в мире масок. Ужасное чувство пустоты и удушья. Я стала жадно глотать холодный воздух, который как мне показалось, стал мягким. Сейчас была одинока в этом черном пространстве так же, как была одинока на земле. Нет, теперь одиночество стало неизмеримо больше – оно было бесконечно, тысячи тысяч душ не смогли бы заполнить эту темную бездну, это вечное, недвижимое море мрака.

– Если в том жестоком мире я не надену маску, то меня растопчут как Высоцкого или как других известных талантливых поэтов и писателей. Нельзя нам без масок.

*– Как защиту от сотни потерь и невзгод
Надеваю привычную маску
И, с готовностью маска любому соврет
Что я верю – и в чудо, и в сказку...
...Я ее вырезал по кусочкам из губ
В те года, когда мог улыбаться,
Из биения вен и, из голоса труб...
Из глубоких поклонов паяца...
...Сколько долгих ночей голым нервом шивал
По кусочкам неистовой боли...*

*И все чаще и чаще ее примерял
Глухо морщась от высохшей соли.*

– Ты убегаешь от самой себя, – усмехнулся кто-то. – Тебе никогда не уйти от них. Теперь ты с этими масками одно целое. А чтобы избавиться от них, нужно работать над собой. Сейчас тебе нужно хоть немного снять с себя груз.

– Я не убегаю, а просто стараюсь смягчить ситуации, чтобы было не так больно. Это своего рода театр со своими зрителями и актерами. Неужели мы должны обнажать свою душу перед каждым? – мне стало жалко себя. Да и с масками мне не хотелось расставаться, в них я чувствовала себя безопасно, как бы они ни были отвратительны. – Если, если... если, мы не будем носить эти маски, то погибнем! Понимаете ли вы? Мы погибнем без этих масок! – я подняла голову, чтобы найти того, кто со мной в данное время разговаривал.

– Надо быть искренними как дети! Воспринимать все легко, с чистотой и открытостью, не останавливаясь на проблемах. Главное – любить в себе ребенка. У детей нет масок, даже когда им больно и страшно.

– А если ребенку больно? Если проблемы нерешаемы? В сути детства заключено брать, а во взрослости – отдавать.

– Любая проблема решаема. Не стоит отрицать того, в чем ты не уверен. Не стоит также слепо верить. Прислушайся к себе, и ты поймешь, в чем ты истинно нуждаешься.

– Легко говорить, но сложно сделать, когда вокруг тьма

и зло.

– Не жалуйся на тьму... Стань сама маленьким источником света.

– Борись, – сказал кто-то несчастным голосом. – Никто тебе не поможет. Только ты сама можешь себя спасти.

– Я не хочу! – прошептала в ужасе. – Там тьма, там пустота веков и бесконечности, и там не будет меня, и нигде меня не будет. Вы так и не сказали, что это за место, где чувствуется одиночество, боль и страх.

– Это долина холодного одиночества, зла, надменности и лжи. Эти маски показывают твой внутренний мир, о котором ты и сама знаешь и за который цепляешься.

– Но, я проходила очищение от лжи и одиночества.

– Они разные по своей структуре, поэтому находятся на разных территориях этого мира. Злость, обида, ненависть, презрение, отчаяние – их много. Это ваши внутренние враги. Вы раз за разом им проигрываете! Здесь обитают Потерянные, пока они не освободятся сами. Существа кушают их память.

– Потерянные? – губы беззвучно выговорили, я закрыла глаза, и волна дрожи прошла по моему телу.

– Ты боишься? – спросил кто-то.

– Боюсь? – переспросила я. – Да, я боюсь. Боюсь расстаться со своими масками и боюсь их оставить.

– Ты снова за свое?! Я видел, как твои светлая и темная части постоянно борются, как побеждает то одна, то другая...

– Темная побеждает все чаще! – сказала я торопливо. – И все страшнее. Иногда вообще без причины, – я прикусила губу, сдерживая слезы.

– Ты сама ей разрешаешь побеждать.

Мне сейчас просто необходимо выбраться отсюда, чтобы не видеть вокруг себя эти фарфоровые лица. Не лица, а именно маски. Я зажмурилась от ощущения полного бессилия и бесконтрольности ситуации. Что ждет впереди? Я споткнулась, вскочила на ноги и продолжила идти. Возможно, каким-то образом пересекла незримую линию, и вновь вернулась на то же место, откуда начинала свой путь. Место тьмы. Место фарфоровых масок. Я знала, что у меня сильно развитое чувство вины, что где-то в глубине подсознания погребено воспоминание о каком-то неблагоприятном поступке. Я упорно старалась затолкать воспоминание глубже, чтобы забыть. Забыть что? И что меня удерживает тут? Нужно было освободиться от этого груза, чтобы идти дальше.

– Страх расширяет человеческие глаза, а вместе с ними и то, что его пугает, – прошелестел кто-то.

– Это ад! – прошептала я.

– Нет ада в этих мирах. Каждая душа, попавшая сюда, своими помыслами строит себе свой ад. Она борется со своими грехами, которые принесла с земли.

– И как освободить себя от этих оков?

– Облегчи свою душу, – сказал кто-то во тьме

– Не суди себя строго, – вновь зазвучало в тишине. – Ты

росла в хорошей семье, где в тебе воспитывали честность, вкладывали доброту, уважение, любовь к людям, – попытался кто-то помочь ей сосредоточиться на хороших воспоминаниях.

– Помимо родителей, есть окружение. Мы не отделены от общества, как общество не изолировано от нашего присутствия. В детстве мы просто не осознаем, что происходит и как реагирует наше подсознание, а в более сознательном возрасте зачастую уже поздно, – сказала я, чувствуя, как по спине пробегает какой-то холод.

Все бессмысленно. Я реагирую на все, что мне показывают и навязывают, на то, что встречается на пути. Возмущаюсь, нервничаю, сопереживаю, злюсь, негодую. Зачем? Почему?! В этом мире не нужны чувства, здесь все за гранью добра и зла. Здесь терзают, распинаят, морально убивают, так же обыденно, буднично, привычно, как в моем мире, где воспитывали и учили. В детстве мучительно искала объяснения своим чувствам, желаниям, непонятым мечтам, неизвестно откуда берущимся, словно всплывающим из глубин сознания – из непроницаемой пучины, одновременно влекущей и пугающей. Слезы застилали глаза. Страх, боль и злость сплелись в одно невыносимое чувство.

– Людскими грехами выкармливают монстров? Ну и что! Значит, не грешите! – пронеслось в голове. – Распинают, вешают и топят? Так ведь за всю историю рода человеческого столько себе подобных распяли, повесили, утопили,

что этим душам самое место тут. Адские муки, страдания, боль?! Разве их мало? Смерть идет по трупам растерзанных, замученных до смерти – тысячами, миллионами, сотнями миллионов. Что же тут нового?! Все уже было! – В голове пролетали какие-то образы, старые воспоминания и непонятные сны.

– В тебе сильны, как светлая сторона, – приветливо сказал кто-то, – так и темная. Потому у тебя эти вспышки ярости. Усмиряй их, они... нехорошие. Вредят всегда. Не только другим, но и тебе. Сейчас будет легче их обуздывать, ты знаешь их причину. И понимаешь, откуда они. Не зацикливайся на плохом, вспомни свои добрые дела. Не давай себе возможности увязнуть в темных воспоминаниях, которые иногда бывают ложными.

– Никогда не сдавайся, какие бы испытания не посылал тебе этот мир, запомни, нет судьбы иной, чем та, что творите вы сами, – кто-то улыбнулся среди масок. – Хочешь познать саму себя? Выйди за рамки общественного мнения и моралей. Все твои сокровища лежат на дне твоей души, под хламом и мусором продуктов твоего ума. И только овладев своими ценностями, получишь возможность воспарить над тьмой своих заблуждений, и, увидев себя со стороны, приблизиться к совершенству.

– И что? Что вы хотели этим сказать? Что я жила, что не жила – никому от этого ни холодно, ни жарко? Вот и все? Таков ваш приговор? – я глубоко вздохнула. – И да-

же то небольшое, что осталось после меня, по моему мнению, вряд ли достойно внимания.

– Ты предпочитаешь прятаться в лабиринтах и пещерах своей личности. Когда ты таким образом прячешься от мира, тебе кажется, что ты чувствуешь себя в безопасности. Ты полагаешь, что успокоила свой страх, но на самом деле ты заставила себя онеметь от страха... Опасаясь собственного страха, ты омертвляешь не только свою душу, но и свое сердце.

– Только груз греховных уступок за счет собственной совести гнетет, не давая тебе вырваться с этих тисков.

– Ты чувствуешь, как приходит облегчение?

– Чувствую.

– Вот и славно. Впереди еще ждут другие испытания. – успокоил кто-то. – Ты справишься. Ты сильная.

V

*И странно: мне лобо сознание,
Что я не умею дышать;
Туманное очарование
И таинство есть – умирать...
Я в зыбке качаюсь дремотно
И мудро безмолвствую я:
Решается бесповоротно
Грядущая вечность моя!*

О. Манделъштам

Среди всех масок выделялась одна. Это была маска смерти, которая оказалась самой сложной по рисунку. Она представляла собой абсолютное разрушение, разложение тела, опустошение души, лишение дыхания. Полное прекращение самого существования. После осознания этой маски человек становился вне смерти. И жизнь, и смерть для него были бы лишь тенью, отбрасываемой светом существования. Черная бездна глаз маски поблескивала подобно обсидиану, пока наблюдала за мной. По спине моей пробежал холодок, и я сглотнула, прогоняя внезапную дурноту. Со страхом и болью я чувствовала, словно вся моя жизнь тоненьким лучом переходила в глаза маски. Мне даже показалось, что я становлюсь чужой для самой себя, опустевшей и безгласной – почти мертвой. У меня бешено колотилось сердце, резко ослабли

ноги и похолодели руки, очень сложно объяснить, но я как будто бы почувствовала, как эта маска ложиться на мое лицо.

– Как ты меня достала, – в сердцах сказала я. – Что тебе нужно от меня? Я и так боюсь тебя, так ты еще и ходишь за мной по пятам. Долго ли будешь меня преследовать?

– Все маски серы, профиль одинаков.

Так и живем, надеясь, пронесет...

Телами люди, с сердцем вурдалаков...

Лишь маска Смерти никогда не врет.

– Она не преследует. Это ты к ней стремишься.

– Ну, да! Делать мне нечего – стремиться к ней. Я, наоборот, стараюсь убежать от нее, а она преследует меня всюду.

– Отрицание жизни после смерти, то есть вечной жизни, приводит людей к греху через соблазн сиюминутной выгоды в сиюминутной жизни. Смерть не приносит боли.

– А кто причиняет боль? – спросила, поеживаясь от страха. – Что вы хотите от нас, смертных?

– Ничего!

– Я не хочу умирать, – невольно слезы хлынули из глаз, и больше не сдерживаясь, я заплакала навзрыд, – я еще не такая старая, чтобы идти сюда. Я еще хочу жить, видеть и радоваться жизни.

– Живи! Тебя пока никто не собирается забирать, – голос звучал спокойно и хладнокровно.

– А маска смерти почему тогда за мной ходит?

– Она за всеми ходит.

Глаза маски смерти словно смотрели из глубины веков, взирая на меня, проникая в самые потаенные глубины моей души, мерцали то золотом, то надменностью в своей истине. Не дыша, я вглядывалась в черные глаза маски, парившей среди других масок. От страха перед ней я беззвучно плакала, все еще борясь с душевной болью и удерживаясь на ногах. Все страхи втекали в самый большой страх – страх смерти.

– Смерть – это лишь отделение души от физического тела. Это отправная точка для новой, более совершенной жизни, – бормотала я, и мне показалось, что я вижу смерть, ощущая на щеке ее равнодушное холодное дыхание, заглядывая в бесконечно мудрые и безразличные глаза. И мне стало страшно.

– Я не хочу умирать! – уже который раз я твердила как мантру. – Мне страшно! – Я испуганно пробормотала: – Неужели смерть неизбежна?!

– Самая страшная смерть – душевная. Легкой смерти достойны только те, кто старается контролировать себя и свое эго.

Люди думают, что на свете существует одна только смерть, одинаковая для всех. На самом деле в мире их несколько. Две из них – это смерть естественная, от которой должны умирать люди, и смерть неестественная, которой в действительности умирают почти все. Смерть, которую видят врачи ежедневно, – это мучительная смерть, сопровождающая

ся предсмертной агонией. Она наводит на человека страх и ужас, лишая его самосознания и заставляя бояться и трепетать от приближения смертного часа. Эта смерть превращает тело человека в смрадный труп, который в короткий срок превращается в зловонную массу, кишашую червями. Но, есть смерть душевная и духовная. Человек все время сохраняет полное самосознание. Разложение тела после душевной смерти совсем не такое, какое бывает при естественной смерти. Там духовное гниение, сопровождающееся известным страшным запахом.

– Но, моя душа еще жива и зачем меня хоронить раньше времени?

– Ты сама стараешься похоронить себя. Не боится смерти тот, кто не боится жить вечно! – вдруг услышала я вблизи себя потаенный голос. – Только смерть позволяет быть честным и откровенным с собой до конца.

– Но страшна не смерть, а процесс умирания, – поддержал кто-то собеседника.

– Ожидание смерти страшнее, чем сама смерть. Свободен тот, кто не боится умереть. Значит, нужно как-то преодолеть этот страх. Да и спешить не нужно.

*– От смерти спешить некуда,
А все-таки – спешат.
«Некогда, некогда, некогда», —
Стучит ошалелый шаг.
Горланят песню рекруты,*

*Шагая по мостовой,
И некогда, некогда, некогда,
Мой друг, и нам с тобой.
Бежим к трамваю на площади
И ловим воздух ртом,
Как загнанные лошади,
которых бьют кнутом.
Бежим мы, одержимые,
Не спрашивая, не скорбя,
Мимо людей – и мимо,
Мимо самих себя.
А голод словоохотлив,
И канючит куча лохмотьев
Нам, молчаливым, вслед,
Что тело к старости неможно,
Что хлеба купить не на что
И пропаду на горе нет.*

– Но как? – спросила я.

– Каждый находит свой метод. Если бы не было смерти, то люди, возможно, никогда бы не научились ценить жизнь, понимать ее цель и назначение.

– Смерть не знает возраста. И возраст не определяет, когда придет смерть. Что тебя сильно пугает в настоящее время? – спросил кто-то, словно прошелся по моей душе.

– Я боюсь вот эту маску, – и направила в сторону маски смерти палец. – Я боюсь боли, болезни, потерять жизнь и здоровье. Мне страшно после того, что вы мне показали.

Неужели смерть не одна?

– У смерти множество масок и обличий, поэтому она находится здесь. У зла нет лица, но оно проявляет себя во многих масках. Но, здесь не сама смерть, а только ее маска, которая меняется в зависимости от того, какую смерть вы выберете. И тебе не стоит искать причины, чтобы избежать ее.

– Да, я труслива, и что! А кто не боится? – призналась я. – Да, я боюсь смерти. – сказала это больше всего самой себе. – Я признаю это, – мрачная улыбка мелькнула на моем лице. – Мне следует отдать себя в ее руки и избавить всех от опасности, которую создает мое присутствие? Мне что, умереть?

– Многие носят маску.

Каждый из нас что-то скрывает.

Но часто, порой незаметно,

Маска к лицу прирастает.

...И тогда уж понять невозможно,

Что же мы из себя представляем.

Мы о нашей душе забываем,

И часто сами об этом не знаем.

...А душа – что душа? Она рвется

Наружу, как вольная птица.

Она продолжает бороться,

Чтоб с маскою мертвой не слиться.

– Нет! – возразил кто-то. – Если ты сдашься, ты умрешь.

Тебе еще несколько раз придется встретиться с ней. Страх смерти – начало всякой мудрости, поскольку он требует от человека жить достойно.

– Философы сказали, что смерти нет, а есть лишь вечная смена различных форм жизни. Нечего мне бояться ее, поскольку за той гранью нет ничего, что могло бы внушать страх. Я вспомнила, что читала книгу одного профессора, – вступила в диалог, понимая, что хоть таким образом мне будет не страшно, – фамилии не помню. Он утверждает, что смерти нет. Есть трансформация, переход из одного состояния в другое. Даже пример привел. Пишет, что гусеница не умирает, а превращается в бабочку. Так и наше тело, разлагаясь физически, высвобождает энергию, и трансформируется в другое состояние. Но, я все равно боюсь смерти. И сколько иду, всюду чувствую ее дыхание.

– Вспомни Сократа. Он сказал, что следует не бояться смерти и помнить одно: для доброго человека нет никакого зла ни в жизни, ни в смерти.

– Философствовать – значит учиться умирать, так говорил Цицерон. Что я, кажется, сейчас и делаю. А Мишель Монтень повторял: философствовать – значит готовиться к смерти. Я философствую, потому что одна в этом мире и мне не с кем поговорить. Одна со своими мыслями, которые жгут. А еще тут меня пугают, и без того пуганную.

– Философствовать – это хорошо. Не так уж и страшно будет посмотреть смерти в лицо.

– По мне, смерть – это то, что бывает с другими, но только не со мной. В глубине души мы не верим в собственную смерть, а смерть других принимаем спокойно. И я не могу поверить, что я умру. Никогда не смирюсь с этой мыслью.

– Что толку убегать от смерти? Все равно догонит. Что толку оттягивать ее? Все равно она будет рядом. Нужно просто переступить через нее, и тогда страх неизбежной кончины исчезнет.

– Люди верят в то, что им выгодно. Всегда должен быть тот, на кого можно списать все свои ошибки и грехи.

– Мир тьмы существует лишь в вашем воображении. Там он велик и страшен, он обрекает на страдания и печали. Хочешь узнать правду?

– Ну-у и-и-и?!

– Тьмы нет. Вокруг лишь свет, только слепой этого не видит.

– Я не слепая, и все равно вокруг темно.

– В одиночестве каждый видит в себе то, что он есть на самом деле. Это тьма.

– Мы же о смерти говорили

– А тьма и смерть родственники, фактически одно и то же. Говоришь «смерть» – видишь тьму, думаешь о тьме, рядом всегда стоит смерть.

– Это просто мрак! – передернулась я.

– Мрак – это тоже преддверие смерти.

– Сталкиваясь со смертью и тьмой, вы страшитесь лишь

неизвестности и не более того.

– Верно.

– Из тьмы хорошо видно, что происходит на свету, но вот из света тьма непроницаема. Аксиома. Поэтому люди всегда боятся тьмы, но никогда – наоборот.

– Чего бояться, лучше сразу готовиться. Вы одинаково рождаетесь, так же и умираете. Ничего нового, – хихикнула маска. – Тот, кто думает, что у него будет время для подготовки к смерти, он уже сейчас умер, как умирал с самого рождения.

– И долго вы будете меня пугать?

– Мы не пугаем, а констатируем факты. Это как у наркоманов. Они знают, что умрут вот-вот. И поэтому фактически готовы. Они знают, как страшен мир, когда не под кайфом, поэтому и стараются вновь уйти в свой мир грез.

Мне даже показалось, что чернота надвигалась от маски смерти. В этой маске вообще ничерта, кроме темноты, не было! Весь воздух был пронизан смертью. Еще больший ужас охватил меня, когда передо мной открыли бездну, бездну человеческой испорченности. Боже! Каким нравственным зловонием пахло, когда приоткрылся занавес, и я увидела, как от посторонних взглядов люди прикрывали под красивой маской лжи свои душевные язвы. И я была в их числе. Ужас! Не было никакой надежды. Мрак. Темнота. И я понимала, что от кошмаров никуда не деться: они будут преследовать меня, либо встречаться на моем пути. Я четко пред-

ставляла разницу между добром и злом. Но, смерть для меня была самым ужасным из возможных наказаний. Духи-маски плясали надо мной, напевая свою унылую песню, кружились, сплетаясь бесплотными пальцами, хвостами и шеями, облепляли невидимые стены и стекали по скользким уступам земли, так что руки холодели, и волосы дыбом вставали. Теперь кричащие лица скрылись во тьме. Над головой метались зловещие темные тени. Я лишь мельком могла разглядеть пустые глазницы, следящие за каждым моим шагом.

– Что вы хотите от меня? – мои слезы как алмазы сверкали на бледном свету.

– Чтобы ты освободилась от своей боли. Рассталась со своей ненавистью и страхом. Ты же обрекаешь себя на вечные скитания в поисках истины! Твой путь еще долгий, – после этих слов, мое сердце судорожно забилося, – ты должна идти вперед.

– Только от тебя зависит исход этой битвы. Битвы сама собой. Хочешь тьму – получишь.

– Не нужна мне тьма, я просто хочу домой.

– Заладила. Как вы все предсказуемы, – протянула одна из масок, пародируя меня. – Радуйтесь, что вы пришли сюда. Здесь очень весело.

– Вокруг тебя урок. Твой каждый шаг – экзамен. Ты даже не будешь подозревать, когда будет происходить на твоём пути что-то важное. Но, ты должна будешь пройти, чтобы не умереть и вернуться. Это своего рода игра. Ты же любишь

играть? Я знаю, что любишь.

– Люблю играть, и что? Там я руковожу героем и могу возродить его, если он погиб.

– Верно, верно! Но, если здесь сделаешь ошибки, тебе не дадут больше шанса.

– Поэтому я не хочу играть в ваши игры.

– Придется. Как дитя! Игра эта вовсе не безнадежна. Она очень интересна. Выиграв, ты можешь спокойно вернуться на землю. Играй осознанно. Делай выводы, думай.

Мои мысли метались, лихорадочно водят хороводы. Они выстраивались в каком-то абсолютном беспорядке, не давая мне обдумать план действий. Неужели придется стоять здесь в темноте и смотреть на эти зловещие маски, особенно на маску смерти? По коже побежали мурашки. Раздался шорох. Я затаила дыхание, голос охрип от страха, сердце стучало так, что звенело в ушах. Чем чернее был круг воспоминаний, тем чище и светлее стала проглядывать моя ясная душа. Голос раскаяния и страстного желания совершенства и был главным новым душевным ощущением в период моего духовного развития.

– Ладно, я согласна пройти этот путь играя. К чему пустая болтовня?

– Вот и ладненько, договорились. Тьма не ведает злобы, не ведает доброты: это абсолютное спокойствие снимет с тебя путы

*– Так проще – жить в неведение, надеяться на лучшее,
На благодать посмертную за скрипом райских врат,
И в рабство добровольное продаться Ложносущему
И трупы перегнившему, что на кресте распят.*

*...Но тот, кто любит искренне, не отвергает
ненависть,*

*Клейменный смертью вечною, он все же любит жить.
Себе лишь верит истинно, не занесенный в летопись,
Обратно звать – бессмысленно, и поздно хоронить.*

*...Посмертное бессмертие – надежду иллюзорную —
Отбросил за ненужностью, как бесполезный хлам.*

*Дорога одиночества – прямая и беспорная,
Она ведет избравшего совсем не к небесам.*

*...Легко ли жизнь откладывает, когда она сжигается
В борьбе с тупыми тварями за право быть собой?*

*Дорога одиночества по силам избирается,
Дано пройти не каждому во мраке над землей.*

Раскаяние, конечно, снимает часть тяжести с души, но полностью очиститься можно лишь поступками, изменив свой образ жизни. Шипучая энергия злобы покинула меня, выметенная резкими порывами усилившегося ветра. Ярость, клочкотавшая как лава, и ненависть прошли, уступив место детской обиде и разочарованию, а еще – усталости. Я присела, чтобы подумать над тем, в какую сторону идти. Через какое-то время решила все же идти вперед, пока не выйду на более прочную дорогу. Да и знала, мне не вернуться назад, пока не пройду весь этот путь. Я двинулась вперед, по-

кидая негостеприимную ледяную пустыню.

– Дорога, дорога, ты видела много, – подбадривала я себя. – И помнишь, как годы летят. Дела боевые, походы былые твоих краснозвездных орлят.

Перешагнув невидимый рубеж, я оказалась на поляне, где увидела останки какой-то древней церкви. Каменные стены церкви были во многих местах проломлены – словно бы, пробиты исполинским молотом. Косяки дверей были вырванными, окна – выбиты, стена фасада и перекрытия – разворочены. Выбитые окна были похожи на слепые глаза. На крышу поднималась извивающаяся лестница. На полу валялись сломанные подсвечники и другая церковная утварь. Над царскими воротами алтаря и на колоннах угадывались следы когда-то прекрасных росписей. Если хорошо присмотреться, можно было разглядеть росписи икон, хотя краска почти вся отвалилась. Красная кирпичная кладка издали была похожа на кровавые раны. Казалось, скоро безжалостное время не оставит здесь и следа.

Когда я подошла к руинам, то мое тело стало обволакиваться какой-то энергетической гадостью, гнилью. Постоянно движущаяся по телу энергия остановилась, перекрытая плотным негативом, заметно оказывающим влияние на ауру. Внутри появилось чувство угнетения, физическое ощущение резкого и сильного упадка сил. Все это произошло в первые же секунды, когда я вошла внутрь церкви. Где-то в глубине развалин глухо стонал ветер, слышался шепот, вздо-

хи, урчание. Я почувствовала, как позади что-то происходит, но поворачиваться не было никакого желания.

*Старенькая церквушка
на берегу реки:*

*Не поднимай, кукушка,
цену на все грехи!*

*Старенькая церквушка,
снова к тебе приду.*

*Чтоб успокоить душу,
выгонишь прочь беду.*

*...А в стороне далекой
в колокола не бьют.*

*Тож же ты – одинока,
предана забытью.*

*Выскажусь – сердцу легче
боль на себя принять.*

*Будет кукушка вечно
годы мне куковать.*

Вокруг церкви ходил призрак священника, плакал и просил у кого-то прощения. Глаза его были впавшие, волосы – невымытые и нечесанные, взгляд – затравленный и дикий. Его фигура словно плыла над обломками. А сквозь нее тускло просвечивали остовы здания. Рядом со священником крутились больные, слепые, хромые, убогие, нищие, пьяные. Они мелькали перед ним, исчезали и вновь появлялись бесконечной вереницей, иногда сливались в одну беспредельную,

гнойную, смердящую язву. Они стонали, рыдали, безумно смеялись.

– Молитесь, молитесь! Становитесь на колени! – кричал над ними сердитый священник. – Отмаливайте свои грехи! Грешники!

Под монотонный его голос многие призраки крестились и отбивали земные поклоны. Кто-то просил прощения у Бога, кто-то ныл, некоторые плакали, молили о чем-то, кто-то каялся, а кто-то пьяно гоготал. Я медленно двинулась по аллее между рядами крестов и могильных плит с возвышающимися над ними кое-где фигурами скорбящих ангелов.

*Вот бедная чья-то могила
Цветами, травой зарастает;
Под розами даже не видно,
Чье имя плита возглашает...
О, бедный! И в сердце у милой
О жизни мечты золотые
Не так же ль, как розы, закрыли
Когда-то черты дорогие?*

Ближе к крестам подходить у меня желания не возникало. Со всех сторон наплывали тени. А если затаить дыхание и стоять без движения долго-долго, то можно было не только почувствовать их присутствие, но и услышать, как они скулят и стонут в темных щелях стен храма, шепчутся возле могил, задевая кресты. В моей голове шептало множество голо-

сов, напоминавших шелест сухих опавших листьев. Слова, раздававшиеся в мозгу, не принадлежали ни одному человеческому языку. Им не требовался переводчик, чтобы понять, о чем они говорят.

*Среди могил я в час ночной
Брожу один с моей тоской,
С вопросом тайным на устах
О том, что дух, о том, что прах,
О том, что жизнь и здесь и там,
О всем, что так безвестно нам.
Но безответен предо мной
Крестов надгробных темный строй,
Безмолвно кости мертвецов
Лежат на дне своих гробов,
И мой вопрос не разрешен,
Стоит загадкой грозно он.
Среди могил еще одна
Разрыта вновь – и вот она
Недавний труп на дно взяла.
Еще вчера в нем кровь текла,
Дышала грудь, душа жила;
Еще вчера моим отцом
Его я звал – сегодня в нем
Застыла кровь, жизнь замерла,
И где душа, куда ушла?*

Я почувствовала, как стали вставать дыбом волоски

на моем теле. Я ощутила чей-то взгляд – тяжелый, мертвый взгляд. Меня охватила паника и в мгновение ока распространилась по моему телу, выгоняя холодный липкий пот. Меня затрясло, как в лихорадке, и я пошатнулась. И передо мной возникли глаза, которые были налиты густой темнотой. Они словно обещали проникнуть в самую суть моей души, стоило лишь поддаться соблазну и нырнуть в эту тьму. Мне ни разу еще не доводилось видеть чего-то подобное, но я была готова молиться, чтобы никогда больше не видеть это снова.

*В твоих глазах не видно света.
Во тьме грехов твоя душа.
Печаль и боль пронзают сердце.
Стекает черная слеза.
Не видно звезд в безлунном небе.
В затишье слабый ветерок
Шуршит по листьям в тусклом свете
На перекрестке трех дорог.
Ты смотришь вверх, не видя рая.
Ты видишь кровь и старый крест.
Крик смерти окружает разум,
И разум хочет умереть.
Марионетка в тьме разврата,
Среди грехов больного мира.
На перекрестке ты без страха
Идешь без воли и без силы.
Ты в тишине среди кошмаров.
Ты слышишь плач своей души.*

*На бесконечном перекрестке
Ты в бесконечном мире тьмы.*

– Глаза! – простонала я в ужасе. – О Господи! Они смотрят на меня. – меня передернуло от этого пронизывающего взгляда. – Ужас! Ну, правильно, ужас! Где я нахожусь? В ужасном месте. Глаза в стенах! Глаза на церкви! Они повсюду! Они словно следят за мной.

В то же время я знала, что глаза не могут причинить мне зла. Но не хотелось, чтобы они копались в моей голове. Эти вязкие, тягучие взгляды все так же холодно следили за мной. Слезы наворачивались на глаза, вроде бы и хочется, и как-то глупо. Пронзительный взгляд неотрывно следящих за мной черных глаз заставил меня нервничать. Вдруг я ощутила рядом присутствие кого-то. Почувствовала, как нечто злое пронзает меня холодным взглядом. Стало очень холодно и страшно. Я от страха не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Внезапно мое запястье обхватила ледяная ладонь.

– Глаза – зеркало души, – сзади раздался голос. – Так вы говорите?

Это был голос, внушающий одновременно ужас и преклонение. Я отпрыгнула в сторону и развернулась к незнакомцу. Перед собой увидела человека в длинном черном плаще. Лица видно не было, поскольку оно было закрыто капюшоном. Тем более голова была опущена, что совсем усложняло задачу по определению того, кто передо мной. Под капюшоном

плаща, я заметила, как в темноте вспыхнули два огонька. Все чувства замерли, а в голове возникла мысль: это демон! Вокруг него сиял серебристый свет, который не был светом.

– Но, не эти же глаза! В них только злоба плещет.

– Посмотри на меня, – голос вывел ее из оцепенения. – Вглядишься в свой ад в моих глазах.

– Зачем? – я медленно подняла голову. Прямо в глаза мне смотрел своими прожигаящими насквозь, огненными и в то же время какими-то мертвыми глазами Дьявол, из них медленно сочилась тьма. – И что я увижу в твоих глазах? Только ужас и не более! Я не переношу, когда мне приказывают, – страх словно пригвоздил меня к месту, я не смогла даже шевельнуться. – Час от часу не легче, – чуть не задохнулась я от ужаса, чувствуя, как руки смерти приближаются к моему горлу, – Сколько я буду встречать на своем пути смерть? Что-то всюду меня преследуют только смерть и тьма! И почему ты повелительным тоном заставляешь меня смотреть в твои глаза? Может, я не хочу смотреть. Я и так знаю, что там нет жизни. Вы что, здесь так любите пугать?

*– Когда внушеньям духа злого,
Как низкий раб, послушен ум,
И ничего в нем нет святого,
И много, много грешных дум.
...Закон озлобленного рока,
Смерть, надо мной останови
И в черном рубище порока*

Меня на небо не зови!

– Пора привыкать к встрече смерти и образу тьмы. Глядя в наши глаза, вы увидите свое прошлое, которое вам поможет освободить и очистить душу. У нас много лиц! И пугать – это наша прерогатива.

– Напугав нас, вам что, становится легче? К такому не привыкнешь. Почему ты меня преследуешь?

– Когда ты увидишь свой ад, то будешь знать, что нужно жить, чтобы не сожалеть, когда будешь на смертном одре. Прожить свою жизнь на земле и не запачкаться невозможно. И сейчас будет жечь позор за твои подлые дела на земле.

– Ах! Ах! – осмелилась я дерзить. – Мы знаем Н. Островского! Самое дорогое у человека – это жизнь, – решила процитировать я, показав тем, что я и не такая уж глупая и читаю умные книги. – Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы отданы самому главному в мире – борьбе за освобождение человечества. Но я не патриотка, – мой голос зазвенел с призранием, – чтобы бороться за человечество. Мне бы себя защитить и прожить счастливо. А спасением быдла от смерти пусть занимаются те, кому нравится, когда эти ничтожества вонзают в кромешной ночи нож в их родственников, насилюют их детей, грабят людей. Вот их и мучайте. Оставьте меня

без нравоучений.

– Я не цитировал вашего писателя. А эти мрази, как ты их называешь, они получают свое.

– Поняла. Тогда молчу. Если их здесь пропустить по коридорам тьмы, то думаю, что меньше станет зла на земле.

– Ты за них не волнуйся, каждый получает по заслугам. Ты думай о себе.

– Я их здесь не вижу. Мне бы хотелось увидеть, как они жарятся на сковородке.

– Какая ты наивная, – его смех эхом пронесся во тьме, ударившись о стены заброшенной церкви, рассыпался, – здесь нет того, что пишут в ваших книгах. Это ваши фантазии. Да ты не бойся меня! – успокоил меня незнакомец. – Как всегда, главная проблема в жизни человека – поиск своего пути. Причем сколько людей – столько дорог. Одни стремятся к истине, другие пробуют убежать от нее. Кто-то пытается свести счеты с жизнью, а кто-то норовит обмануть смерть. Людям не нужна истина, они заняты собой!

– Странные вы! Сами пугаете нас, а потом успокаиваете.

– Не мы вас пугаем, а вы сами создаете себе проблемы.

Я часто думала о том, какая мне выпадет смерть, хотя за последнее время поводов находилось достаточно. Но даже начни сейчас размышлять об этом, вряд ли смогла бы вообразить для себя финал. Внезапно охватил беспричинный страх, оказаться запертой в гробу. Тут же в памяти возникли рассказы, фильмы о запертых в гробах людей. Мне предста-

вилось, как я бьюсь, умоляю выпустить и кричу, надрывая свое горло. А сквозь щели доносится смех заколачивающего гвозди в крышку гроба. Сердце забилося так сильно, что я подумала, что оно вот-вот взорвется. В висках заболело, и у меня вырвался свистящий вздох. От ужаса перехватило горло, и я подумала, что сейчас потеряю сознание. Что я могла ответить? Боль сжигала меня. Мне также показалось, что я слышала вопли грешников, которые оглушали.

– Ишь! Как тебя пронзает страх быть мертвой! Не это страшно, страшно, когда ты будешь вечно скитаться здесь! Да, страшно, но надо уметь смотреть своим страхам в глаза.

– Я понимаю, но это очень цепкий страх. В нем какая-то угроза, я не могу ее найти, не могу назвать. Мне кажется, что этим страдает все человечество.

– Это страх смерти! Смерть – это рентгеновские лучи, которые высвечивают все скрываемое, делая очевидным, каков ты есть на самом деле. Вы пытаетесь проанализировать его, но, такое чувство, что вы все словно бы сговорились не вглядываться в солнце. Вы избегаете открытой конфронтации с призраком смерти. Растворись во тьме,пусти ее в свое сердце, и ты увидишь свет.

– Ну, да, ну, да! Я боюсь. Сделав шаг во тьму, я отдам свою плоть и кровь, свой разум и свои чувства этой темноте. И что потом? Останусь здесь влачить свое существование.

– Свет во тьме – это редчайший дар вечности, который невозможно практически обрести. Мы выбираем единицы

душ, чтобы зажечь свет в груди. Свет – это не фонарь, который освещает вам путь. Вы должны стать светом, чтобы сиять во тьме.

– Я подумаю.

– Тебе надо поверить в свои силы. У тебя их предостаточно, чтобы выйти из тьмы, в которой ты находишься. Куда вы идете? Вы никуда не идете, вы ходите по кругу, блуждаете и пытаетесь таким образом получить опыт вашего бессмысленного блуждания. Я не настаиваю, но когда захочешь, то будет уже поздно. Взгляни на меня, – не попросил, а потребовал собеседник.

Я подняла свой взгляд и посмотрела ему в глаза. Я увидела, что в его глазах замерцал огонь. Но через мгновение исчез, и снова глаза заволокло непроглядной тьмой. И зачем меня заставлять смотреть в их глаза, если у меня нет желания, и я напугана? Что я могла там увидеть, кроме тьмы? Я уже не была удивлена происходящим, и что беседую с Тьмой о высоких материях, даже не зная, кто она. Это было снова испытание, и я должна была освободиться от страхов перед входом во тьму.

– Что ты ощущаешь? Что ты видишь в этом?

– Я вижу тьму. Там ощущается зло, – ответила я.

– Ты ставишь Зло и Тьму на один уровень? отождествляешь эти понятия?

– Да! Это одно и то же, – без тени сомнений ответила я, хотя сама уже не совсем верила тому, что говорила.

– Почему? – задал вопрос незнакомец.

– Сейчас сформулирую ответ, – ответила я, оглядываясь, в поисках любого камня, чтобы присесть. – Тьма – это когда темно, а зло – это когда в три раза темнее. Темнота поглощает все вокруг, даже изображения.

– Это две разные вещи. Тьма не порождает зло. Тьма – это одна из форм существования, но противоположная свету. Но главное – это не зло, просто иная форма. Тьма милосердна. Когда ты во тьме – ты волен находиться в грезах. Свет может показать ужасную реальность, что напугает тебя до смерти. Тьма, в действительности, есть полное отсутствие света.

– Я помню школьную программу. Мы можем изучать свет, но не тьму. Тьма – это слово, которое лишь описывает состояние, когда нет света. Так что здесь просто нет света и я бреду в потемках.

– Страх, озабоченность, злость – это и есть ваша тьма. Вы просто забываете, что тьма имеет власть над вашими душами, природой и Вселенной. Вы побеждены не тьмой, а вашим непониманием.

– Но кто вы? – я поняла, что хотел сказать мне таинственный собеседник. Да и сама не верила, что тьма – это истинное зло. – Если ты говоришь, что свет, который в тебе, – тьма, то какова же тьма? Я всегда задавала вопрос, что такое тьма? Тьма – это когда совсем нет света. В моем понятии, для каждого из нас свет – это люди, которые нас окружают. И чем

больше источников этого света гаснет, тем больше человек погружается во тьму.

– Возможно.

– Что в твоём понятии зло?

– Да какая разница? Зло как зло!

– Зло – это смрад, гниль. Вы не видите зло и не чувствуете его смрада. С запахом зла человек ходит всю свою жизнь. Зло нельзя увидеть, вы можете только увидеть его последствия. Животные видят и чувствуют зло. Но зло не окрашено в чёрный цвет, как ты считаешь. У него смердящие краски.

– Но, смерть тоже пахнет. И ужасно пахнет. Не хотелось, лежа в гробу чувствовать этот запах.

– Жизнь тоже имеет специфические запахи. С этим запахом каждый человек рождается на свет. Запахи болезни, запахи смерти и жизни многообразны, как многообразно само зло, но в сущности-то он один и тот же. Даже предательство и подлость имеет ужасный запах.

– Ну, прямо уже, как будто здесь нет запахов, – возмутилась я, – здесь цветами пахнет! Скажете тоже! В этой крошечной мгле я и чувствую ужасные запахи. Они отвратительны.

– Чем сильнее в вас зло и ненависть, тем сильнее вы ощущаете его. Человек живет в атмосфере зла. Зло, разъедающее человечество, многообразное и всеобщее.

Я не отводила взгляда. Глаза его горели черным пламенем. Ни зрачков, ни ее отражения. Просто черное, жалящее

ее суть пламя. И что за привычка показывать свою тьму? Запугать, что ли, хотят? Я и без этого боюсь. В моих глазах, наверное, отразились самые разные и противоречивые эмоции: от леденящего ужаса и бесконтрольного страха до чего-то такого, чего я никак не могла понять.

– Печать зла на каждом человеке, – продолжал мой собеседник. – Я имел в виду, что вы сами себя окунаете в этот мрачный мир, мир зла, – словно хотел запугать до смерти. – Люди сами создают этот мир, куда впускают тьму. Ничего не проникает в мир души, кроме самой тьмы.

*– Весь мир погряз во зле, во зле!
О, сколько скверны, сколько зла!
Лежит тревога на челе
И испепелит меня дотла.
Я не могу ни спать, ни есть,
Я не могу писать стихи.
Я совершу святую месть сама,
Коль все вокруг глухи, —*

прочитала чьи-то стишки, давая себе возможность успокоиться.

– Это серьезная битва, и она решает твою судьбу, а не всего человечества. Каждый человек, пришедший сюда, думает только о себе. Это суровая битва света и тьмы, на внутреннем, духовном плане.

– А я и не собиралась спасать мир! Мне бы себя спасти.

Злость и горечь, звучащие в моем голосе, пронзили меня насквозь. Я почувствовала свою боль, обиду, но в то же время я успокаивалась от этого спокойного голоса. Меня захватили мелочные соображения относительно своей безопасности, своих целей, своих надежд в этом мире, своих проблем и тревог. Однако подумав, я вынуждена была признать, что мое единственное истинное беспокойство – смерть. Я приложила усилие, чтобы остаться спокойной, но мысли о смерти не давали покоя. Это было пострашнее чем сама Тьма.

– Я часто задаю себе вопрос: почему люди знают, понимают, но все равно поступают не так, как считают нужным и полезным?

– Ответ простой: они не верят в то, что считают правильным.

– Они боятся смерти, ада, потому что чувствуют – жизнь прожита зря. А потому и страшно думать о возможной расплате. Когда я думаю о смерти, что-то внутри меня переворачивается, внутренности все леденеют.

– Смерти не нужно бояться. Вы сами создаете образ смерти. Вы боитесь смерти и пытаетесь узнать, что такое смерть.

– Нет уж, спасибо, лучше не знать. Жить в постоянном страхе, каждый день, ожидая смерть, просто невыносимо. Вас послушать, так получается, будто мы всю жизнь только и делаем, что стоим в очередь на кладбище.

– Стоять можно по-разному. Можно вообще не стоять. Зачем бояться того, о чем вы не имеете даже представления?

Все равно умирать. Раньше или позже – не все ли равно?

*Кто здесь последний в очередь за смертью?...
Просили больше никого не занимать!...
Хотите, пропущу... я не спешу, поверьте
Хотите, ждите – скоро станут продавать
Свои места те, кто решил остаться
Кто досмотреть решил до конца
Я сам остаться было попытался,
Но, я заложник своего лица,
Теперь и навсегда последний в списке
Для мира символ,
Как отказ в последнем иске...*

– Хочется жить полной жизнью, брать из жизни все, что возможно. Конечно же позитивное – это не обсуждается. А просто ждать своей очереди за смертью... Тогда зачем и появляться на этот свет?

*Все умирает на земле и в море,
Но человек суровой осужден:
Он должен знать о смертном приговоре,
Подписанном, когда он был рожден.
Но, сознавая жизни быстротечность,
Он так живет – наперекор всему, —
Как будто жить рассчитывает вечность
И этот мир принадлежит ему.*

– Чтобы жить.

– Ага! Жизнь – это очередь за смертью, но некоторые лезут без очереди... так что ли? – страх перед стоящим незнакомцем прошел, и я словно вела светскую беседу, философию на тему жизни и смерти.

– Я понимаю, что такое настоящий страх. Ты живешь с ним. Тебе нужно просто освободиться от него. Очистить душу от тяжести ноши.

– Мне что, предлагаете ходить в церковь? – вдруг съязвила я, глядя на безумного священника, который кружил среди могил.

– Церковь не очищает! Она дает возможность вам осознать всю ответственность перед вашими преступными мыслями, чтобы вы сумели очистить свою душу от зла. И не маскировать ваши преступные мысли, когда вы исповедываетесь перед вашим настоятелем. Отпустит он ваши грехи, но это еще не значит, что он освободил вас от них.

– Почему вы решили, что я хожу в церковь? Во-первых, я некрещеная, а во-вторых, я-я не верю в Бога. Тем более, я в церковь не хожу. В этой церкви одни лжецы служат.

– А как же ты живешь без веры? Вера – это ключ к постижению тайного.

– Вау! Вы поп, что ли, что начинаете мне тут проповедовать? Если проповедник, то идите к своим овечкам. Я верю, но только не в придуманного людьми Бога. Все люди верят, но только каждый во что-то свое. Вообще-то, все религии

придуманы человеком. Он сотворил целую систему богов. В наше время Бог настолько забыт, что некоторые отрицают и само его существование. Даже в рамках отдельно взятой религии личные толкования Бога сильно варьируются.

– Вера и понимание противоположны друг другу. Верит тот,, кто не способен или не хочет понять, потому что там, где наличествует понимание, уже не может быть веры. Кто хочет оказывать влияние на окружающий мир – тот должен понимать его, кто хочет утешиться в подчинении обстоятельствам – тот должен верить, что все в мире происходит правильным образом. Источник неверия скептика находится в его сердце.

– Не люблю обсуждать то, что мне не понять и не желаю понимать. И что вы ко мне пристали со своим Богом? – разлилась я так, что мой звонкий голос разнесся в воздухе. – Сами сидите здесь во тьме и стараетесь мне тут читать проповеди. За собой следите, а не меня учите, – я чувствовала, как глаза мои засверкали, когда я посмотрела ему в глаза. – Учите, учите! Что от меня-то ждете? Вы же не знаете, что вытворяют на земле священники? Если бы знали, какие глупости подчас вытворяют монахи, священники, папы, святые отцы, то пропала бы вера и во всю их святость, и в их чудеса. Поэтому, я никаким святым не ставлю свечи, никогда не хожу исповедоваться, потому что священники – сплетники.

– Хорошо! Человек – это существо, которое не может жить без философских вопросов. Он устроен так, что жаж-

дет отрицания. Хочу сказать, что я не собираюсь доказывать, есть Бог или нет его, вечен Он или нет, материален или идеален. И тем более я не собираюсь переубеждать тебя в чем-либо. Я просто хочу, чтобы ты порассуждала на эту тему. Многие задают себе вопрос: кто такой Бог? К какой бы религии вы не принадлежали, все они вас учат одному: Бог – это Творец. Ты, наверно, тоже задавала себе вопрос неоднократно. Давай, просто поговорим, может, придем к одной истине. Про священников и что творится в церквях, мы здесь все знаем. Этим грешникам также придется проходить здесь очищение, так что не волнуйся. Каждый получит по заслугам.

– Я вообще не понимаю людей, которые верят в Бога. Существует столь много истолкований Бога в обыденном понимании этого слова, столько, сколько существует религий на земле. Представления о нем разнятся – от веры в некое неопределенное «универсальное космическое сознание» до изображения его в виде антропоморфного существа, следящего за каждым деянием каждого человека. И если существуют столь сильные разногласия по поводу способов служения Богу, сколько же может быть различных истолкований Бога, и какое из них верно?

– Люди нуждаются в вере, а потому с готовностью верят тем, кто дарит им надежду на улучшение жизни в ближайшем будущем, даже если обещания эти неисполнимы и абсолютно нелепы. Можно, конечно, не верить ни в Бога, ни

в дьявола, но нет оснований, веря в личного Бога, не верить и в личного дьявола.

– Вы не ответили на мой вопрос. Конечно, от нашей философии пахнет признанием, что за всем существует логическая целесообразность. В ее основе лежит обычный инстинкт самосохранения. Забавно, что этот же инстинкт лежит и в основе всякой религии. Люди боятся умирать и выдумывают себе загробную жизнь и Бога.

– Значит, ты все-таки отрицаешь Бога?

– Я не отрицаю Бога, и не говорю «Бога нет и быть не может». Нет, я говорю так: хорошо, допустим, что он есть. Ну, так докажите мне это. Переубедите меня. Покажите мне этого Бога, чтобы верить. Вполне может быть, что я чего-то недопонимаю и ошибаюсь – я допускаю такую возможность. Религия основана на вере и не допускает иного толкования. Приходится сделать вывод, что она ничего не объясняет.

– Так-так! Очень интересно! – стал меня подбадривать собеседник. – Значит, по-твоему, Бог – это только персонаж религиозной и философско-религиозной фантастики?

– Несмотря на то что Бог во всех этих религиях в основном один и тот же, каждый рассматривает избранный другими путь как предосудительный. Каждый находит Бога там, где хочет найти. Многие слепо верят в то, что написано в религиозных книгах, не замечая очевидных противоречий. А если и замечают их, то считают несущественными или пытаются толковать их так, чтобы они, хоть как-то уложились

в единую систему представлений.

– Действительно, глупо верить в Бога, о существовании которого нет никаких реальных свидетельств. Если бы Бог действительно существовал как существо и личность и желал бы, чтобы все люди исполняли его заповеди, то он сделал бы себя предметом знания, а не предметом веры, – улыбнулся мой собеседник. – Хорошо, если ты не принимаешь христианского Бога, то ты, все равно веришь в какого-то другого бога.

– Верю в то, что есть что-то или кто-то над нами. Сразу хочу отметить, что ничего плохого против православных я не имею. Но, нельзя насильно навязывать свою веру и втаптывать чувства других верующих и атеистов в грязь. Религии существуют несколько тысячелетий. За это время кануло в Лету более трех миллионов богов и не найдено ни одного факта, подтверждающего существование Бога. Все как один говорят о Боге, но никто не может объяснить, во что или в кого, же они верят. Однако любому человеку нужны доказательства. Для меня все религии одинаковы.

– Значит, ты все-таки веришь? – провоцируя, произнес собеседник.

– Вы меня совсем запутали, скорее нет, чем да.

– Стало быть, что Бог не заслужил? Если человек верит в мифы, то он будет искать доказательства. Все вы верите в одного, только каждый по-своему. Так зачем же пытаться доказать себе, что вы не верите? – ухмыльнулся он. – Чув-

ствуете примерно все одинаково, только словами выражаете по-разному. А все потому, что слова – лишь восковые слепки наших переживаний, грубые оттиски наших чувств. Я даю тебе возможность выговориться.

– Вы всегда так туманно говорите, мистер Неизвестность? Вы эти проповеди читаете верующим.

– Я послушаю тебя. Мне интересны твои рассуждения.

– Я считаю, что Церковь покрыта язвами зла, лжи и обмана. Там больше лжи и смрада, чем в других светских заведениях, – разозлилась я. – Хочу сказать, что церковь – это второе государство, а отнюдь не сообщество духовных единомышленников. Церкви, храмы представляют собой небольшие, очень четко структурированные институты с жесткой иерархией и безумным количеством обрядов, заповедей, внутренних законов и громких красочных пророчеств, обещающих страшную кару всем неверным и безмерное счастье и процветание своим крещеным. Сейчас даже доходит до того, что церковь не только протягивает свои щупальца в учебные заведения, но и вводит новые грехи. Видимо, они думают, что вправе так делать. Бездоказательная, слепая вера в Бога – это результат внушения и самовнушения церкви. Да что говорить – Христа распятого продают! А раз продают, значит, наживаются. Какая может быть тогда здесь божественность?!

– Я слушаю тебя, – подбодрил собеседник, когда я сделала паузу, чтобы передохнуть.

– А что говорить, если вы сами все тут знаете? Говори, не говори, ничего не изменится. Вы же знаете, что многие в церковь ходят только для того, чтобы покаяться, попросить прощения, причаститься, и вновь грешить. Грешить, чтобы вновь прийти за очередным разрешением убивать, грабить, насиловать. А то сами как будто не знаете, какой в церкви принцип: не погресишь – не покаешься. А если покался, можно снова грешить и потом снова каяться. Поэтому я не хочу верить в ложного бога, который разрешает грешить, не хочу никому подражать и не желаю, чтобы меня заставляли верить в несуществующего Бога.

– Так, так, так! Я понимаю тебя.

– История знает немало подобных примеров, когда убивали и сжигали людей только потому, что они не признавали идеологии церкви. Христианские миссионеры истребили миллионы людей, устраивали крестовые походы ради власти и обогащения, прикрываясь именем Христа и Бога. Каждая церковь считает, что именно в ней Господь, а все остальные не от Бога. Это приводит к спорам, нетерпимости, конфликтам, а в конечном итоге, к войнам. Только из-за того, что кто-то считает себя от истины, а всех остальных неверными, люди начинают убивать друг друга. Некоторые церкви и храмы заходят так далеко, что объявляют всех, кто принадлежит к другим религиозным направлениям, еретиками, хотя их общие доктрины и представления о божественном почти одинаковы. Так, например, католики верят в то, что

протестанты обречены сгинуть в аду только потому, что те не принадлежат к католической церкви. Православная церковь язычников считает детьми дьявольскими, которые будут гореть в аду. Все пугают адом, проклинаяют. Неудивительно, что во все времена находились люди, которые готовы были служить Богу и отдать жизнь за него. Которые готовы были убивать именем Бога, сжигать именем Бога, взрывать во имя Бога.

– Ты не волнуйся, здесь ты можешь спокойно поговорить и у тебя всегда найдутся слушатели.

– В христианстве я почему-то должна вверить свою душу Иисусу Христу, то есть фактически полностью отдать себя в его власть. Почему? Зачем? А если они творят зло, что тогда? Ведь отдавая душу кому-либо, мы тем самым устраняемся от ответственности за свою жизнь. Лучше самому познать себя, никому не подчиняясь и не следуя написанному в книгах. Лучше верить ученым, которые изучают, чем сказкам, рассказанным попами. Да, что-то сверхъестественное есть, – полным сомнений тоном, произнесла я. – Но поверить в то, что существует некое существо, которое управляет миллиардами людей, – в это я поверить не могу. Бог, он есть, и он в нас, поскольку в каждом присутствует божественное начало.

– Что-то уже есть и ближе.

– Не знаю, – вздохнула я. – Какой смысл ходить в церковь, если можно помолиться дома? Смотреть на священни-

ков, которые сами часто ведут далеко не праведный способ жизни? Зачем мне подчиняться ограничениям, которые придумала церковь?

– Экстрасенсы тоже предлагают помощь – если вам плохо? Ты же им веришь?

– Нет, вот им я не верю. Это обычные люди, которые так же зарабатывают на вере в сверхъестественное. Возможно, и есть такие люди, которые имеют возможность общаться с потусторонним миром, но я пока не видела их. У меня всегда все под сомнением. Лучше никому не подчиняться.

– Продолжай. Мне просто интересно. Я послушаю, может, вместе попытаемся найти ответ. Правильно, все эти блага – смысл, мудрость, мораль, умение жить – не зависят от веры в Бога. Почему ты невзлюбила христианство?

– Мне как-то все равно, я просто не доверяю православной церкви. Священники, попы и вообще священнослужители лгут. В церкви смрад и полумрак. Море негатива. Я считаю, что Бога там нет. И какое-то у меня к ним отрицательное отношение. Не нравятся мне попы, которые ездят на дорогих джипах, и бабушки, которые не понимают, что современная церковь – это золотая жила для священников. Вот, например, не все верят, но ходят в церковь. Потому что, это модно. Главная цель тех, кто представляет церковь, – власть над обществом. Священники, как, впрочем, любая группа людей, стремятся к власти. Разве не так?

– Возможно. Однако любому человеку нужны доказатель-

ства, так? – произнес находящийся во тьме.

– А мне вот интересно, почему Бог так печется о душах, чтобы они в рай к нему попали? А зачем, интересно, ему нужны души крещенных? Скучно, что ли, ему там? Или еще для чего? – все более горячась, спросила я. – Почему я должна поверить в вашего Бога и его сына Иисуса?

– Мне нравятся твои вопросы и то, как ты их задаешь, – спокойно ответил невидимый собеседник, восхищаясь той порывистой искренностью, с которой говорила я, и все, более пленяясь блеском моих глаз. – Твоя горячность искрится, что говорит о том, что ты никак не можешь смириться со своим положением в Чистилище.

– Например, такой случай. – проигнорировала я о Чистилище, хотя мне так хотелось узнать, какие ждут испытания в нем. – Лежит человек на земле. У него инфаркт. Он умирает. Но люди предпочитают думать, что он пьян. Им удобней думать так. Они идут мимо и, брезгливо обходят лежащего. Никто не подошел, не спросил. А многие давили в себе вспыхивающие искры человеколюбия. А ведь, они как будто не знали, что каждый, кто проходит равнодушно мимо умирающего, становится его убийцей. А рядом с умирающим ходили девушки и старушки, которые уговаривали прохожих посетить церковь. Они не смотрели на мужчину, который умирал у их ног. А люди, не глядя, брали листовки и выбрасывали их в ближайшую урну. В это время человек умирал. Поэтому я не верю тем, кто часто бегают в церковь, чтобы

отмолить свои грехи.

– Это слабый аргумент. Давай начнем с самого начала. Проанализируй свои мысли, как часто думаешь о Боге, как о Творце?

– Я о нем совершенно не думаю, – стала сопротивляться я. – Бездоказательная, слепая вера в Бога нужна не Богу, а церкви, священникам, попам, богословам. Я считаю, что это неверно, когда верующие думают то, что Бог простит все их грехи. Они заботятся лишь о том, как ублажить своего Бога, дабы он открыл врата рая для них после их смерти. Хотя, впрочем, если даже человек и прожил свою жизнь, не следуя законам своей веры, он может в последний час послать за священником и на смертном одре совершить последнее покаяние. Они считают, что священник «уладит» с Богом вопрос о пропуске в Царствие Небесное. Это совсем неверно. Да и крещение неправильное. Креститься человек должен в сознательном возрасте, поскольку крещение предполагает осознание взятого на себя бремени ответственности за свою жизнь. В вашей церкви слишком много ненужных ритуалов и лишних атрибутов, которые только отвлекают.

– Верить или не верить в существование Бога – это частное дело каждого человека, его выбор, которому нельзя мешать. Когда креститься – это тоже добровольный выбор.

– Я об этом и говорю. Любому грешнику надо дать шанс очиститься. Но мне ли не знать, что многие люди каются, чтобы грешить дальше. Сегодня можно частенько услышать

от представителей христианства, что они рабы божьи и гордятся этим. Еще очень популярно говорить, что «на все воля божья». Все это бред, оправдывающий тупость и лень. Почему? Так все просто. Если человек чего-то не умеет и не хочет этому учиться, то проще всего сказать, что он раб некоего бога, и все зависит от воли этого самого бога. Быть одним из баранов в стаде весьма удобно, не так ли? Кстати, у меня очень много вопросов, и на них нет ни одного ответа.

– Помнишь А. Шопенгауэра? Как он сказал? Религии подобны светлячкам: для того, чтобы светить, им нужна темнота.

– А вы сами-то верите в своего Бога?

Вдруг глубокий звучный смех разорвал тишину. Казалось, он разломает лед, сковавший жертвы. Смех становился громче! Громче! Он смеялся! Громко! Раскаты смеха слышались все реже, как удаляющаяся гроза. Даже бормочущий священник остановился, подняв пустые глазницы на князя Тьмы. Увидев его лик, он тут же стал креститься, упав ниц, и стал читать молитвы, которые еще помнил. Души блуждающие вокруг церкви разлетелись по кладбищу, словно его взгляд не достанет их.

– И что тут смешного? – воскликнула я, стараясь улыбнуться, но в моем голосе чувствовался страх.

Страх, что дух Тьмы разозлится за то, что вызывающе разговаривала с ним. Я злилась на себя за то, что слишком серьезно отнеслась к разговору. Мало мне стрессов и без это-

го? Все было бы проще, если бы я продолжала воспринимать испытания как обман, призванный выиграть для меня время.

– Вопросы у вас у всех одни и те же, – ответил он, перестав смеяться. – Понимаешь, вопросы не меняются у вас с детства. Вы не взрослеете умом. И сколько я живу в этой Вселенной, то слышу эти же вопросы, словно вас всех запрограммировали. Я еще тысячу лет буду слушать эти вопросы. Я уже знаю, какой вопрос последует. Но, все равно, я выслушаю тебя, возможно, и отвечу на твои вопросы.

– Я спросила: вы сами-то верите в своего Бога? – уже тихо спросила я, чтобы не разозлить собеседника.

– Я сам Бог и не могу поклоняться такому же равному себе.

– Ну вот, так и чувствовала. Только ты Бог Тьмы, да? Или православный Бог? – с сарказмом спросила я.

– Нет, я не православный Бог, но ближе к Тьме. У нас здесь все в основном Боги проживают и каждый выполняет свои функции.

– Вы жестоки, – тяжело дыша, укорила я. – Почему люди склонны верить в Бога, в сверхъестественные силы, а не искать объяснения возникающих явлений?

– Есть мистика. Есть вера. Есть Господь.

Есть разница меж них. И есть единство.

Одним вредит, других спасает плоть.

Неверье – слепота, а чаще – свинство.

...Бог смотрит вниз. А люди смотрят вверх.

*Однако интерес у всех различен.
Бог органичен. Да. А человек?
А человек, должно быть, ограничен.
...У человека есть свой потолок,
держась вообще не слишком твердо.
Но в сердце льстец отыщет уголок,
и жизнь уже видна не дальше черта.*

– Ответ на него достаточно прост, – улыбнулся во тьме собеседник. – Ты и сама можешь дать на него ответ.

– Потому что найти научное обоснование бывает достаточно тяжело для простых людей. Они не способны или не хотят критически осмыслить свои взгляды. Если не укладывается в систему представлений, то всегда говорят, что это «воля божья». Некоторые церкви, я имею в виду православные, категорически отрицают науку, считая ее высшим злом. Некоторые признают открытия науки, но только тогда, когда научные данные не противоречат тому, что написано в религиозных книгах. Иногда доходит просто до абсурда.

– Ну, вот сама и ответила на свой вопрос.

– Я знаю, что ты всем так отвечаешь, когда тебе задают вопросы. То, что я сказала, это не ответ, это мои рассуждения.

– Зачем, тогда нужно было задавать вопрос мне, если сама решила пофилософствовать?

– А можно задать тогда один глупый вопрос? – наивно спросила я.

– Задавай. Мне интересно послушать.

– А был всемирный потоп или не было? – вдруг выпалила я как на духу.

– Потоп? – переспросил собеседник. – Ты говоришь о всемирном потопе?

Я невольно вздрогнула, боясь смеха, подняла голову и кивнула головой. В голосе визави ясно чувствовался живой интерес. Похоже, ему давно не приходилось разговаривать так долго и теперь он хотел получить максимум впечатлений и опыта на будущее.

– Маленькие народы преувеличивают свои беды, а большие не могут их обозреть... – с усмешкой ответил он.

– И я долго думала, как это Ной мог поместить в свой ковчег каждой твари по паре? Какой величины должен был быть ковчег? Я вот и представила Ноя, который носится по Африке и джунглям, сгоняя слонов, антилоп и тигров! – Мне вдруг стало смешно, когда я представила, как старик бежит и ловит зверей. Мой смех вновь огласил темноту, так что всюду замерцали заблудшие души.

– Христиане, описывая это, просто погорячились, – и вновь раздался веселый смех. – Давай немного поразмыслим, подумаем. Попробуй себе представить размер такого корабля. Хотя сейчас на земле строят большие суда. Но, это строят на заводах. А Ной был один. Сколько времени ушло бы на его постройку? – стал он задавать вопросы с паузой, чтобы дать возможность мне сосредоточиться. – Какое

время ушло бы на сбор всех животных со всех концов света? Сколько еды нужно было запасти для всех, кто находился на корабле? И как изолировать друг от друга хищников и травоядных? Иначе хищники начали бы охотиться на травоядных. Вывод?

– Ной поместил в свой ковчег только своих домашних животных, рассчитывая на них как на живую провизию.

– Вот и ответ. Надеюсь, что чувство страха тебя покидает?

– Скажите, я всегда буду встречать темные места?

– Пока страх в тебе, будешь видеть и встречать. Большинство людей бежит от смерти, вместо того чтобы разобраться с ней лицом к лицу. Хотя именно через призму смерти только и видна Истина. Я полагаю, что тебе не нужно бояться смерти, потому что это не конец пути.

– По правде говоря, я всегда боялась смерти и сейчас боюсь. Мне не хочется думать о неминуемом конце, и потому я стараюсь взять от жизни как можно больше удовольствий. Но если смерти нет, то теперь я даже не знаю... Просто не знаю, как жить дальше. А что нас ждет в другой жизни?

– Страх – это малая смерть, несущая забвение. Если бы не было смерти, то люди, возможно, никогда бы не научились ценить жизнь, понимать ее цель и назначение. Вы проживаете жизнь, даже не заметив, что она состоит из поступков. Проживаете, не живя, а когда приходит время, вы вспоминаете, что жили не так, как хотели. Тебе надо посмотреть

правде в глаза, – произнес собеседник. – Тебе надо воспринимать собственные чувства такими, какие они есть. В жизни часто бывает больно, а смерть – это частица жизни. Страх убивает разум.

– Да иди ты – прошептала я. – Смерть – частица жизни, скажешь тоже. – Что он мог знать о ее боли и страхе смерти? Если даже и знал, то не стал бы объяснять.

*– Не верь тому, кто говорит тебе,
Что смерть есть смерть: она – начало жизни,
Того существованья неземного,
Перед которым наша жизнь темна,
Как миг тоски – пред радостью беспечной,
Как черный грех – пред детской чистотой.
Нам не дано понять всю прелесть смерти,
Мы можем лишь предчувствовать ее, —
Чтоб не было для наших душ соблазна
До времени покинуть мир земной
И, не пройдя обычных испытаний,
Уйти с своими слабыми очами
Туда, где ослепил нас высший свет.*

Однако сейчас, думая о смерти – независимо от того, признавала я ее или нет, – я искала способ избежать неумолимого конца. Я чувствовала, как страх смерти парализует волю, и старалась успокоить себя. Он вышел из темноты и дотронулся до моего плеча. На его лице была написана безграничная доброта, но насмешливое и злое выражение, появлявшееся

еся иногда в жестком взгляде его глубоких черных глаз, раз-
облачало это кажущееся добродушие.

– Попробуй научиться контролировать свои мысли и по-
ступки. Ты найдешь выход из тьмы. Тот, кто пристально, без
страха и терпеливо смотрит во тьму, – первым увидит свет,
а разглядев, как прекрасна тьма, к свету не вернется.

VI

В твоих глазах и свет, и тьма.

В твоих руках и рай, и ад.

Ты вольна выбирать сама

И жизни цвет, и смерти смрад.

...И, среди тысячи причин,

Свою стезю всегда найдешь...

Ползи. Беги. Молчи. Кричи.

Лишь ты поймешь: где явь, где ложь.

...Теперь ты знаешь. Выбирай

Какому богу дать обет.

В твоих руках и ад, и рай.

В твоих глазах и тьма, и свет.

Из Всемирной паутины

Я остановилась у влажной насыпи, покрытой толстым слоем костной пыли. Эта куча сырой земли, на которой ничего не росло, выглядела ужасно. Тревожное предчувствие вновь кольнуло меня. Огляделась, но вокруг ничего не было, что могло меня напугать. В этот момент закружилась голова, будто я взглянула в бездонную пропасть, неожиданно разверзшуюся под моими ногами. Я присела, чтобы не упасть. Слезы не шли. Жалеть себя не получалось, несмотря на то что место было пугающим, ужасным, заставляло чувствовать мерзкое щемящее одиночество. Мыслей тоже не было, они все словно испарились. А может, нужно все принять таким,

как есть, и просто идти и не думать? Зачем размышлять, что-то искать? Куда иду и зачем? Не знаю.

Мрачная атмосфера, царившая в этом месте, угнетала и подавляла. Теперь уже не оставалось сомнений, что здесь я столкнусь с чем-то ужасным. Животный страх, неконтролируемое отчаяние, даже сама смерть пропитали это место. Отгородиться от этого не получится, и мне остается лишь надеяться, что я найду выход и в скором времени этот кошмар останется позади. Тут я услышала чье-то дыхание. Я встала и попыталась определить, с какого места идет звук. Мерзко засосало под ложечкой. Со злости я громко выругалась, вспомнив всех святых и дьяволов, и тут же ужаснулась. Мой голос звучал как шепот, даже скорее шелест.

*– К Тебе, к Тебе одной взываю я из бездны,
В которую душа низринута моя...
Вокруг меня – тоски свинцовые края,
Безжизненна земля и небеса беззвездны.
Шесть месяцев в году здесь стынет солнца свет,
А шесть – крошечный мрак и ночи окаянство...
Как нож, обнажены полярные пространства:
– Хотя бы тень куста! Хотя бы волчий след!
Нет ничего страшней жестокости светила,
Что излучает лед. А эта ночь – могила,
Где Хаос погребен! Забыться бы теперь
Тупым, тяжелым сном – как спит в берлоге зверь...
Забыться и забыть и сбросить это бремя,
Покуда свой клубок разматывает время*

– О! Нет! Пора отсюда уходить. Жуть! – почувствовала, как по телу прошла изморозь. Я все время чувствовала, что ноздри что-то леденит, как если бы я оказалась на улице в мороз. – Такое чувство, что смерть находится рядом с тобой, – пробурчала я.

Пройдя небольшое расстояние, я почувствовала запах смерти, вившийся над землей. Я остановилась, чтобы приглядеться, но ничего не увидела. Мы говорим – в темноте угадываются контуры. Тут, под землей, такого нет, полная, идеальная темнота. Я не могла определить, что там. Но, звук становился громче. Ужас охватил меня и парализовал волю и тело. Дикий страх овладел мною. Вокруг расстилась крошечная тьма и только во тьме светились и играли темные тени. Я стояла и не могла решиться пройти дальше. Чувство тревоги снова начало сковывать меня. А когда тревога переросла в страх, я уже не могла просто стоять и ждать кого-то из тьмы. И я быстро побежала, но далеко не смогла убежать. А что почувствовали бы вы, если бы перед вами, в двух-трех шагах, из темноты предстал воплотившийся в реальность монстр из фильма ужасов? Мой крик умер во мне, я только смотрела ему в глаза и жалела, что все свое время посвящала фильмам ужасов, и давала слово, что никогда больше не буду их смотреть.

Я вглядывалась во тьму, но ничего не видела. Вдруг мимо меня скользнула какая-то тень. Но это был не страшный

сон. Это было реально. Я видела череп с извивающимися червями, гнойные глаза, склизкие костлявые руки. Это длилось несколько мгновений. Чувства мои притупились, и я едва ощутила липкие, змееподобные руки, которые обхватили меня и не дали мне упасть. Его склизкие пальцы вцепились мне в горло. Я начала задыхаться и машинально потянулась к своему горлу. Мой рот широко распахнулся, словно для крика, глаза выкатились, но вместо звука изо рта вырвался хрип. Оторвав руки монстра от своего горла, я отбежала от чудовища, но вырваться из липких нитей не смогла. Ощущение скользких пальцев все еще оставалось. Убедив себя, что это всего лишь сон, я попробовала разорвать нити, которые удерживали меня. Разорвала и отошла на безопасное расстояние, но ужас не проходил, а наоборот, окутывал мое сознание. В конце концов я вскрикнула от напряжения, сковавшего меня. Не выдержав больше, я в панике побежала.

– Какой ужас!!!! – прошептала я, бледнея от впечатляющего зрелища. – Я думала, что меня будут встречать только демоны да духи, а тут ужасные монстры выпрыгивают. О! Нет! Лучше встречаться с дьяволами, чем с этой нечистью.

Издали заметив странное изменение поверхности земли, я замедлила бег и постепенно остановилась. Здесь пустынная земля становилась совсем черной. Эта мертвая чернота, начинаясь здесь, тянулась далеко вперед за горизонт тьмы. Я хочу спрятаться. Я не могу здесь больше оставаться. Бежать? Куда? Здесь только одна дорога. Опомившись

от страха и призвав на помощь весь свой здравый смысл, я стала размышлять над тем, что это за место и кто это такие.

– Так! Нужно успокоиться. Ты прекрасно знаешь, что находишься в потустороннем мире и встречи с такими существами будут. Так что мы должны быть готовыми и постараться избегать этих мест.

Опершись руками о колени, я пыталась вдохнуть как можно больше воздуха, усилием воли заставляя себя дышать. Я слышала биение своего сердца. Вдыхай же! Вдох! Выдох! Вдох! Выдох! Сердце продолжало отчаянно биться. На мгновение я открыла глаза и прямо перед собой увидела покачивающегося червя. За спиной услышала дыхание и обернулась в тот самый момент, когда другой червь пыталась прыгнуть. Вдруг из-под земли стали появляться черви, глаз у них не было, а из пасти капала слизь. Меня стали окружать отвратительные создания. Я страшно кричу. От собственного крика у меня закладывает уши.

*– Спеша на пириество, жуужжающей тучей мухи
Над мерзкой грудой вились,
И черви ползали и копошились в брюхе,
Как черная густая слизь.
...Все это двигалось, вздымалось и блестело,
Как будто, вдруг оживлено,
Росло и множилось чудовищное тело,
Дыханья смутного полно.*

– Тебе страшно? – спросил кто-то.

– Мне здесь не нравится, – сказала я, невольно поежившись, прижав руки к груди. Даже думать не хотелось о том, что тьма всегда скрывает под собой эти создания.

– Почему?

– И ты еще спрашиваешь? – изумилась я, начиная злиться. – Это же боль и страдания! Думаешь, я должна получать от подобного удовольствие?

– Это всего лишь эмоции, – небрежно пояснил кто-то. – Сильные эмоции. Ты ведь хотела знать, почему тьма так восстает этими отголосками эмоций? Ответ прост. Ее привлекает сила, питательная сила.

– И вообще кто ты?

– Я дух-повелитель этих мест.

– А эти кто?

– Духи болезней.

– И что им от меня нужно? – я понимала, что вопрос глупый, но уместный.

– Они хотят забрать свое.

– Пусть забирают и катятся к черту.

– Ух, ты! Да, ты дерзкая!

– Скажи, будет больно?

– А ты как думаешь?

– А можно, я не буду проходить эту процедуру?

– Можешь, но тогда болезни пойдут с тобой и будут с тобой до самой твоей кончины. Ты этого хочешь?

– Да, нет и ни того, и ни этого.

*– Скажите же червям, когда начнут, целуя,
Вас пожирать во тьме сырой,
Что тленной красоты – навеки сберегу я
И форму, и бессмертный строй.*

Это Шарль Бодлер, «Цветы зла». Вот только поэт немного неправ. Все в этом мире гармонично.

– Ты отвлекаешь меня?

– Нет. Я просто беседую. Ты интересный собеседник.

Я посмотрела вокруг себя и увидела, как повсюду копошатся отвратительные жирные, желтовато-белые, коричневые, красные черви. Они вылезали из всех щелей тысячами. Как они омерзительны! Мое тело обхватило в плотное кольцо бесчисленное множество отвратительных, длинных, темно-коричневых червей. Они непрестанно шевелились и скользили друг по другу. В приступе отвращения я попыталась вырваться, но хватка уродливых созданий была сильна и все мои старания оказались тщетными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.